

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

~~~~~  
*Miser sum miserisque succurrere disco.*

~~~~~  
1821 ГОДЪ.

—————
Ч А С Т Ь XVI.

~~~~~
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорскаго Воспи-
шательнаго Дома.
1821 года.

№ 9783/16

1851, кн. 1-3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки, одинъ для Императорской Академіи Наукъ и одинъ для Санктпетербургской Духовной Академіи. Санктпетербургъ. Сентября 30 дня, 1851 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кан.

Алек. Вируковъ.

53415

П Р О З А.

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ РУКОПИСИ, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:
ВОСПОМИНАНІЯ ОВЪ ИСПАНІИ.

Сог. О. В.

Нигдѣ Природа не является въ столь грозномъ величїи, нигдѣ могущество Творца столь сильно не начерпано, какъ въ горахъ, сихъ исполинахъ земли, колоссахъ творенія. Горы Пиринейскія предпочитаются всѣмъ прочимъ по ужаснымъ картинамъ и разнообразію оныхъ. Представьте себѣ огромныя скалы различныхъ видовъ, наброшенныя одна на другую въ самомъ дикомъ безпорядкѣ до неизмѣримой высоты, и вы будете имѣть понятіе о образованіи и формѣ горъ Пиринейскихъ. — Разумѣется, что такое ихъ положеніе должно произвѣсть мно-

Часть XVI. Кн. I.

1

жестиво пещерь, пропастей, висящихъ утесовъ, спремнинъ и водопадовъ. Въ разсѣлинахъ скаль, на землѣ, безъ сомнѣнїя нанесенной вѣтрами, расшупъ, или лучше сказашъ, торчашъ въ разныхъ направленїяхъ сосны, ели, букъ и кедръ. Мягкій ароматическій мохъ покрываетъ сїи утесы, и дикїя, козы взбираются на самыя высоты за сею лакомою для нихъ пищею. Прекрасныя плодородныя долины, необозримые луга, усѣянные городами и деревнями, раздѣляютъ сїи массы камней. Малая рѣка *Бидассоа* отдѣляетъ Францію отъ Испанїи и отличаетъ ее не почвою земли, но нравами, обычаями, образомъ мыслей, характерами, наружносїью, одеждою, языкомъ; однимъ словомъ: отличаетъ во всемъ смыслѣ сего слова два народа такъ, какъ только люди могутъ различествовать между собою. Въ первомъ городѣ *Ирунѣ* вы не увидите ничего похожаго, не только на Французское, но даже на Европейское.

Кромѣ *Мадрипа*, *Валенціи* и малаго числа другихъ городовъ, всѣ прочїе имѣютъ узкія излучистыя улицы. Дома во

всей Испаніи строятся изъ песаного камня, и большая частьъ готической, или, лучше сказать, не имѣютъ никакой опличительной архитектурѣ. Окна въ ма мало на улицу, но и тѣ пробиты безъ всякой симетріи. Стеклы рѣдки; вмѣсто оныхъ служатъ жалюзи и занавѣсы. Желѣзныя рѣшетки въ окнахъ, желѣзныя двери, укрѣпленныя тяжелыми запорами, суть принадлежности всякаго дома. Двери всегда, наглухо заперты какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, а въ сихъ послѣднихъ вообще дома обнесены каменною стѣною. Видъ сего зашворничества составляетъ большую противоположность съ Франціей, гдѣ круглой годъ, исключая зимы въ сѣверныхъ странахъ, всѣ двери и окна въ домахъ настежь опперты; гдѣ всѣ домашнія работы исправляются предъ дверьми дома въ виду проходящихъ; мастеровые работаютъ на улицѣ, предъ своими лавками, и всѣ жители при четверти своей жизни проводятъ подъ открытымъ небомъ. — Зато, какая разница въ характерахъ! Французъ считалъ бы томъ день поперям-

*

нымъ въ жизни, въ которой бы онъ не пѣлъ и не смѣлся. Въ цѣлой Франціи васъ встрѣчаютъ съ улыбкой и привѣтливѣемъ. Трудолюбіе и дѣятельность оживляютъ всѣ состоянія. Въ селеніяхъ и въ полѣ народъ во всегдашнемъ движеніи, и въ вечеру Французы отдыхаютъ за конпредансомъ подъ тѣнью деревъ при звукѣ сельской музыки. Напропивъ того Испанецъ весь день сидитъ безмолвно, поджавъ руки, или прогуливается подъ вечеръ медленными шагами, закутавшись въ длинную свою епанчу и попусая глаза въ землю.

Нарядъ Испанца составляютъ: короткое полукафтанье, короткое исподнее платье, плащъ и большая круглая шляпа. Богатство матеріи дѣлаетъ разницу между состояніями, но косиюмъ одинаковъ, съ малыми отличіями, какъ напримѣръ, Гидальгосы (*) носятъ чулки и башмаки, а простой народъ подъ обнаженныя ноги подвязываетъ кожаныя или суконныя подошвы, прикрѣпленныя ремнями или

(*) Дворяне.

леишами — обувь сія называется эспарбилосъ (Esparbillos) и безъ сомнѣнія не перемѣнилась отъ времянь Римлянъ. У богатыхъ большіе подкрахмаленные воротники вмѣсто галспуковъ, а у простаго народа воротники висятъ по плащю. У Гидальгосовъ и чиновниковъ шляпы напереді приподняты, приспегнуты пражкою и нерѣдко украшены перьями. Испанцы всѣхъ сослѣвій, бѣдные и богатые, мужчины и женщины носятъ на головѣ сѣпки, покрывающія волосы, копорыхъ большая часть. изъ нихъ никогда не спригнутъ; равно люди всѣхъ сослѣвій никогда не покидаютъ плаща и шляпы, даже за споломъ у себя всегда остаются въ одномъ нарядѣ. Какъ въ одеждѣ, такъ и въ домахъ они весьма неопрятны; у самыхъ богачей дома весьма посредственно меблированы и безъ всякаго вкуса. Постели весьма рѣдки и служатъ только для употребленія хозяевъ дома; прочіе домашніе помѣщаются и спятъ гдѣ заблагоразсудится, на полу или диванахъ. Бѣдные Гидальгосы и простой народъ, большой частью, спитъ на со-

ломъ. Въ деревенскихъ трактирахъ нѣтъ ни споловъ, ни спульевъ; сядяшя, вѣдяшя и спяшя на полу.

Испанецъ почти не выпускаетъ изъ рта сигары; только въ храмахъ увидишь людей безъ оныхъ. Табашной дымъ вездѣ вьется облаками. Опъ нищихъ, пилигримовъ, пуспыниковъ и монаховъ нельзя отбиться — они останавливаюшя прохожихъ и входяшя въ комнаты, пребуя настоятельно подающя и браняшя въ случаѣ отказа.

Церквей и монастырей невѣроятное множество. Одинъ Мадридъ считаеъ оныхъ 600. Богатство храмовъ чрезвычайное: золото и драгоценные камни блестяшя во всѣхъ углахъ; серебро не почитаетя богатствомъ и естъ вещь обыкновенная. Хотя поведеніе монаховъ и монахинъ весьма сомнительное и вовсе не согласуеъ со святостью ихъ званія, однакожъ они пользуются большимъ уваженіемъ и довѣренностью простаго народа. Здѣсь не человекъ, но плашь составляетя священную особу. Народъ суевѣренъ и набоженъ до крайности; но

большая часть дворянства только изъ благоприспоспости слѣдуетъ общимъ обыкновеніямъ. Зловредное вольнодумство посягло уже горькія сѣмяна свои, и проницапельные наблюдатели къ удивленію своему находятъ множество послѣдователей философіи XVIII вѣка.

Гаспрономъ, не имѣя своего повара, долженъ умереть съ голоду съ Испанской кухней. Коровье масло вовсе не употребляется въ кушанье; мѣсто онаго заскупаешь оливковое, съ копорымъ приготавлиють всѣ соусы и жаркія: Говядина не вкусна и рѣдко употребляется. Богачье довольствуются бараниной, дичиной и рыбою; простой народъ супомъ съ парванскимъ масломъ и овощами. Вообще Испанцы весьма умѣренны въ пицѣ и не могли довольно надивиться апенишу съверныхъ жишелей.

Испанцы спрраспно любяють музыку: едва наступилъ вечеръ; унылыя пѣсни и звукъ гитаръ раздаются во всѣхъ концахъ города. Баллада есть народная собственность Испаніи, коихъ содержаніе всегда рыцарское и сверхъестественное;

и какъ Французъ несетъ съ собой въ походъ рапиры, Испанской солдатъ несетъ гишару.

Земля весьма худо воздѣлана; о фруктовыхъ деревьяхъ и виноградѣ почти не имѣюшь попеченія. Необработанной земли множествво. Лѣность есть главное свойство Испанца, за то и сѣстра ея нищета здѣсь имѣеть пронь свой. Напрасно приписываютъ климату сей порокъ; южная Франція и Колоніи южной Америки доказываютъ проливное. Въ правленіи надобно искапъ источникъ сего зла. Равнодушіе правителей къ успѣхамъ земледѣлія и промышленности, пятгоспныя монополіи и жадность властителей земель умерщвляютъ дѣятельность и трудолюбіе. Кто путешествовалъ и сообразалъ причины богатства и бѣдности народовъ, пощъ согласился со мною въ сей испинѣ.

Лучшія вина Испанскія: Гуеска въ Аррагоніи, Аликанте въ Валенціи, Кольтменаръ въ Кастиліи, Мальвазія, Церальта въ Наваррѣ, Ранціо въ Галиціи, Тиншо, Хересь и Малага въ Андалузій. По-

чпи всѣ вина, а особливо свѣжія, имѣюшъ запахъ муската. Только у богатыхъ людей и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ вино сохраняется въ бочкахъ; у прочихъ споятъ въ большихъ глиняныхъ сосудахъ, нарочно для сего дѣлаемыхъ въ самыхъ погребахъ. Сосуды сіи открыты; а чтобы вино не выдыхалось, наливаютъ сверху оливковое масло и достаютъ вино лиферами изъ просши сдѣланными. Для перевозки вина служатъ кожаные мѣшки (обыкновенно козы) обрабатываемые шерстью внутри и высушенные. Величина ихъ бываетъ отъ нѣсколькихъ ведеръ до нѣсколькихъ бушелокъ. Перевозятъ на мулахъ и ослахъ. Когда мѣшки новы, вино имѣетъ запахъ смолы, но въ старыхъ запаку сего не слышно.

Путешествуютъ обыкновенно на мулахъ верхомъ, или въ экипажѣ; у бѣдныхъ вола и ослы заступаютъ ихъ мѣсто. Гранды и богатые люди употребляютъ лошадей, но только для прогулокъ: къ большимъ трудамъ Испанскія лошади неспособны.

Человѣкъ съ чувствительной душой

и опокровеннымъ сердцемъ не найдетъ наслажденій въ Испанскомъ городѣ. Нищета и неопрятность, вездѣ его окружающія, угрюмыя и грозныя лица ихъ, молчаливость, гордость, невѣжесство и предразсудки дѣлають несноснымъ общесство. Вы бы хотѣли перелетѣть за Пиринейскія горы въ радостную Францію;— но выйдете въ поле, окинете взоромъ прелестную природу, взглянете на женщинъ — и невольно оспанетесь въ Испаніи.

Климатъ сей благословенной страны есть, по моему мнѣнію, *совершенство природы*, а упрю — *ея улыбка*. Сѣверной жишель по самому краснорѣчивому описанію не будетъ имѣть о немъ слабаго понятія. Выйдите упрюмъ въ поле: съ чѣмъ вы сравните эпопѣ темнолазуревой и безоблачной цвѣтъ неба, на копорой глаза не могутъ довольно наглядѣться? Миршовыя, померанцовыя и лимонныя рошчи, оливковыя деревья, пыскія разнородныхъ травъ и цвѣтловъ наполняютъ воздухъ сладостнымъ благоуханіемъ. Нельзя довольно насытитъ дыханіемъ:

кажется, что пьешь радость и здоровье. Півніе плиць, стадами вьющихся надъ плодоносными деревьями, виноградниками и полями, засвѣянными ананасами, возбуждаетъ въ душѣ райское веселіе. Цвѣтны, плоды, травы и овощи удивляютъ васъ живоспью красокъ, силою запаха и особеннымъ вкусомъ. Однимъ словомъ: кпо въ одникъ оранжереяхъ и парникахъ видѣль произведеія блаженнаго юга, все равно, что видѣль ихъ только нарисованными. Пепербургскіе ананасы, вишни, персики, гранаты, абрикозы, овощи и прочее можно назватъ *копией* природныхъ произведеній (*).

(*) Какъ не вспомнишь здѣсь прекрасной пѣсни славнаго Гёте, переведенной В. А. Жуковскимъ!

Kennst du das Land? wo die Citronen blühen,
Im dunkeln Laub die Gold-Orangen glühen,
Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht,
Die Myrte still und hoch der Lorbeer steht.
Kennst du es wohl?

Dahin! Dahin!
Mögt ich mit dir, o mein Geliebter, ziehn.

u. s. w.

Вообще въ Испаніи климатъ болѣе умѣренъ, нежели долженъ бытъ по географическому положенію сей страны. Только въ Гренадѣ, Валенціи, Леонѣ и по берегу Средиземнаго моря во время каникулъ жары бывають нестерпимы. Но тогда ночи засыпають мѣсто дня и жители еще болѣе наслаждаются. Погода здѣсь весьма поспоянна; зима, по естѣ, дождливое время, не продолжается болѣе двухъ мѣсяцовъ — это Петербургской Октябрь. Круглой годъ можно имѣть свѣжіе плоды, цвѣшны, а въ половинѣ Марта уже цвѣтуть розы и всѣ деревья обновили зелень.

Но на землѣ нѣтъ поспояннаго счастья! Прекрасная погода вдругъ прерывается ураганами, которые здѣсь ужасны и опустошительны. День помрачаетъ

Я знаю край! тамъ нѣгой дышетъ лѣсъ,
 Злапой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ,
 И въшеровъ жаръ неба холодитъ,
 И тихо миритъ и гордо лавръ спойтъ...
 Тамъ счастье, другъ! — шуда! шуда!
 Мечша зовешь! тамъ сердцемъ и всегда!

и ш. д. (Прим. Сочин.)

ся, земля дрожитъ и спонетъ отъ повторенныхъ ударовъ грома: молнія не сверкаетъ, но огненной рѣвкой разливается въ воздушномъ пространствѣ, падаетъ на скалы и утесы, скользитъ по онымъ и раздробляется; градъ, дождь, облака пыли — все вмѣстѣ перемѣшано. Масса воздуха несетъ передъ собой сучья, кремни, песокъ и обломки кровель. Деревья, слабыя строенія низпровергаются, вода изъ рѣкъ выступаетъ, ревъ бури и трескъ громовъ смѣшиваются съ жалобными воплями людей и криками живописныхъ: все повергается на землю, ожидая послѣдней минуты. День страшнаго суда не можетъ быть ужаснѣе. По счастью ураганы сіи не продолжительны. Но опустошенія, произведенныя оными въ нѣсколько часовъ, едва могутъ исправиться нѣсколькими мѣсяцами.

Я бы хотѣлъ вамъ сказать, что нибудь о женщинахъ, но ничего сказать не умѣю. Надобно воображеніе Омера и кисть Апеллеса для изображенія всѣхъ прелестей, какими природа щедрою рукою осыпала здѣшнихъ красавицъ! — Лег-

кой и спройной спань, маленькая живописная ножка, черные волосы, брови и рѣсницы; темноглубые томные глаза, сияющіе какимъ-то пайнымъ пламянемъ, которыхъ свѣжестъ сохраняетъ прозрачная влага, названная однимъ стихотворцемъ *розою любви*; свѣжія пылающія уста, невѣроятной бѣлизны зубы и шея, копорой бы сама Юнона (*) позавидовала. Всѣ эти прелести еще болѣе возвышаетъ нарядъ, выдуманный самими Граціями. Исключая Грандессъ и дамъ первокласныхъ, въ цѣломъ свѣтѣ сдѣлавшихся Француженками по модамъ и языку, — національной костюмъ женской составляютъ: короткое платье, довольно длинный спань, *редецилла* или щеголевашая сѣточка на головѣ, украшенная искусно соломой или лѣншамми и короткое покрывало или *мантиля*, незакрывающая плечь и шею. Покрывало сіе съ большимъ искусствомъ отбрасывается на одну сторону, чпобы подарить взглядомъ любопытнаго иностранца. Женщины просто-

(*) Извѣстно, чпо шея Юноны почищалась несравненной красоты. См. Иліяду.

народныя имѣютъ цвѣтъ лица смуглый, но высшаго и средняго соспоянія, словомъ тѣ, кои не работаютъ въ полѣ, одарены удивительною бѣлизною. Опличительныя черты Испанокъ предъ женщинами другихъ частей Европы суть: глаза, спань, нога и звукъ голоса, пронизающій душу и попрясающій всѣ фибры сердца. Не возможно выдержать ихъ прелестнаго взгляда, — и если любовь оживляла камни, какъ говоритъ Миѳологія, то безъ сомнѣнія одушевляла подобными взорами!

Но хопите ли видѣть прелестныхъ во всемъ ихъ блескѣ — посмотрите ихъ, пляшущихъ фанданго, при звукѣ Гитары и каспаньетовъ. При всякомъ шагѣ тѣлодвиженія перемѣняются и представляють вамъ очаровательныя формы во всей ихъ красотѣ. Легкая ножка едва касается земли, нѣжныя руки опверзають вамъ объятія, милая, сладкая улыбка васъ привѣтствуетъ, грудь воздымается, прелестные глаза помно устремляются на васъ, музыка уныло наигрывается, каспаньеты молчатъ — и вдругъ шапши

удвоиваются, музыка возвышаетъ тоны, касшаньеты и пшмпаны гремятъ и красавица быспро удаляешся отъ васъ — какъ Діана отъ Эндиміона, оставивъ по себѣ облако, по ешь, сладоспное мечпаніе!

Но для перемѣны маперіи обратимся къ военнымъ дѣйсвіямъ, прославившимъ навсегда народъ Испанскій и нанесшимъ первый ударъ могуществу Наполеона.

Отъ заключенія мирнаго пракшапа въ 1796 году Испанія пребывала вѣрною союзницею Французской Республики, сдѣлавшейся въ послѣдствіи Имперіей. Невѣроятные успѣхи во время двадцатилѣтней войны возвысили Францію до высочайшей степени могущества. Однакожь союзница ея Испанія учаспвовала только въ пошеряхъ. Лишившись на Трафальгарскомъ сраженіи всего своего флота и испощивъ казну денежными пособіями, она находилась въ самомъ слабомъ соспоаніи. Наполеонъ, овладѣвъ пресполомъ Франціи, не довольспвовался сими уничижилельными жертвами Мадридскаго кабинета. Сохраняя непримиримую ненависть къ роду Бурбоновъ и успѣвъ однимъ почеркомъ

пера изгнашь оныхъ изъ Неаполя, онъ полько дожидался удобнаго случая, чпобы лишить наслѣдія Испанскую линію. Семейственныя неуспройства сего Королевскаго дома и измѣна любимца Карла IV Годда ускорили исполненіе сего предпріяшя и собственную его гибель.

По шракпашу, заключенному въ Фоншенебло 27 Окпября 1807 года, 28,000 Французскихъ войскъ вмѣспѣ съ 12,000 Испанскихъ должны были заняшь Португаллію. Часпѣ сего Государства опредѣлили Наполеонъ ошдашь Королю Эшрурскому въ вознагражденіе Герцогства Тосканскаго, присоединеннаго имъ къ Ишалійскому Королевству. Провинціи Альгарва и Аланшеа долженспвовали соспавишь владѣнія Годда, извѣспнаго Свѣшу подѣ названіемъ Князя Мира (*). Прочее положено оспавишь въ общемъ владѣніи до заключенія мира.

(*) Эммануиль Годда родился въ Вадаіоцѣ 1764 года ошѣ бѣдныхъ родителей дворянскаго произхожденія. Въ молодыхъ лѣшахъ прибылъ въ Мадришь и, одаренный прекрасною наружноспію и съ пріяшнымъ голосомъ соединяя искусство играшь на

Въ слѣдствіе сего Французскіе войска вошли въ Испанію, и безъ всякаго основательнаго предлога заняли крѣпости въ

гитаръ, нашелъ покровительство у многихъ знашныхъ особъ, которыя доставили ему и брану его Лудвигу мѣста въ Гвардіи Королевскихъ пѣлохранищелей. Вскорѣ, снискавъ благосклонность Короля и Королевы, онъ возвысился до первѣйшихъ спешеней въ Государствѣ и сдѣлался ихъ любимцемъ. За миръ, заключенный имъ съ Французкою Конвенціею — поспыдный и разорительный для Испаніи — онъ получилъ въ вознагражденіе титулъ Князя Мира, первостепеннаго Гранда, Орденъ златаго руна и 60,000 піаспрровъ ежегоднаго доходу. Вскорѣ Король женилъ его на принцессѣ королевскаго дома и поручилъ въ его управленіе дѣла государства. Происками своими онъ успѣлъ посѣять раздоръ между Королемъ и сыномъ его Фердинандомъ и наконецъ предалъ ихъ въ руки Наполеона вмѣстѣ со своимъ опечесствомъ. Сей человекъ, который, прибывъ въ Мадридъ, не имѣлъ болѣе одного франка на ежедневное пропитаніе, послѣ своей смерти оставилъ несмѣшныя сокровища, которыми изъ любопытства прилагаю счетъ, — за вѣрность ручаются издатели его біографіи. 40,000,000 піаспрровъ въ Англій,

Наваррѣ и Капалоніи. Мадридской кабинеть почувспвоваль свою ошибку, и весь народъ вознегодоваль на сіе вѣроломство. Всѣ обвиненія обрапились, по справедливости, на князя Мира, и измѣна была шѣмъ явспвеннѣе, что онъ нѣсколько прежде сего согласился на отправление 18,000 Испанскаго войска, подъ начальствомъ Маркиза дела Романа въ сѣверную Германію. Предчувствуя совершенное порабощеніе ошечесства, Испанскіе Гранды сдѣлали заговоръ, принудили короля Карла IV опречься опъ преспола въ пользу сына его

10,000,000 во Франціи, 20,000 000 въ Генуѣ, 10,000,000 въ Коронѣ и Фероль, 800,000 у двѣицы Гудъ, 1,000,000 у великаго Инквизитора, 800 000 въ рукахъ Эспинозы, 600,000 въ государешвенномъ казначействѣ, — всего 83,400,000 піаспровъ; присокупа же мебели, драгоцѣнные камни, золопо въ слѣпкахъ, карпины, замки, дворцы, земли — полагаюшъ, что все его имущесство простиралось на 500,000,000 ливровъ!!! Сумма, почши невѣроупная! См. *Histoire des Ministres Favoris anciens & modernes*, Paris, 1820, съ эпиграммомъ:

Présent le plus funeste
Que puisse faire aux Rois la colère céleste.

Фердинанда VII и заключили въ темницу Годоа, виновника всѣхъ бѣдспвій. Карль IV сперва на все согласился; но, два дни спустя послѣ сего произшествія, а именно 21 Марша 1808 года, прошествовалъ проществу насильственныхъ средствъ, употребленныхъ къ вынужденію на немъ отреченія отъ престола, и просилъ помощи и посредничества въ его распрѣ съ сыномъ у союзника своего Наполеона. Со спорными сего послѣдняго посланъ былъ Генераль Савари для переговоровъ, который и успѣлъ убѣдить Короля и сына отправиться въ Байонну для свиданія съ Французскимъ Императоромъ, куда и Князь Мира имѣлъ повелѣніе отправиться.

Извѣстно, какія наступили послѣдствія: Фердинандъ принужденъ былъ уступить корону отцу своему; Карль IV, по внушеніямъ любимца своего Годоа, предаль оную въ руки Наполеона, а сей послѣдній увѣнчалъ оною брата своего Іосифа. Мюратъ въ достоинствѣ Вице-Короля управлялъ Испаніей до прибытія новаго Короля, наводнявшаго между шѣмъ Государствомъ своими прокламаціями, милоспивыми

манифестами и пышными обѣщаніями. Но всѣ сослоянія Испанскаго народа вознегодовали на сіе незаконное самоуправство. Народная гордость пробудилась и въроломство Наполеона возродило въ сердцахъ пламень мести, долженствующей вскорѣ вспыхнуть и разлиться по всему королевству. Во всѣхъ городахъ, а особливо въ Мадридѣ, народъ явно ропсалъ и при всякомъ случаѣ оскорблялъ Французовъ. Толпы гражданъ совѣщались въ домахъ и шѣснились на улицахъ. Патриотическія прокламаціи возбуждали духъ народной и призывали къ оружію. Испанцы день оподня спановились смѣлѣе и наконецъ дерзость черни переходила границы. Французы примѣрно наказывали возмущенныхъ общественаго спокойствія, однако шѣмъ не успокаивали, но еще болѣе раздражали жителей. Наконецъ 2 Маія 1808 года гомосъ мести громогласно раздался въ Мадридѣ и не умолкъ въ Испаніи до самаго низверженія Наполеона. День сей былъ назначенъ для опправленія королевы Эщурской съ Инфантомъ Дономъ Францискомъ во Францію. Адьютантъ Мюраша, привезшій

во дворець сіе приказаніе, былъ оспановленъ народомъ, покушавшимся сорвать его съ лошади. Оружіе засверкало и караульные солдаты едва спасли его опъ смерпи. Въ поже время нѣсколько Офицеровъ, входящихся на улицѣ, было ранено. Изъ домовъ со всѣхъ споронъ выходили вооруженныя толпы жипелей и волновались на улицахъ. Смяпеніе сдѣлалось общимъ— ударили въ набатъ во всѣхъ концахъ города. Французы били превогу. Разъяренный народъ рѣзалъ безъ пощады всѣхъ солдатъ, по одиначкѣ или въ маломъ числѣ навспрѣчу попадавшихся, а опоздавшихъ въ домахъ выбрасывали изъ оконъ. Одинъ баталіонъ Франгузовъ съ двумя пушками, бывший на спражѣ у Вице-Королевской кварширы, поспроился на дворцовой площади и производилъ спрѣльбу. Генераль Груши съ опрядомъ занялъ улицу Алкаля, гдѣ собралось болѣе 20,000 вооруженныхъ жипелей. Карничи и ядра посыпались. Народъ разбѣжался на соппротивлявшихся; Франгузы ударили въ шпыки, кавалерія топшала и рубила всѣхъ безъ разбору, опряды пѣхопы съ сомкнуемыми шпыками

и барабаннымъ боемъ проходили по всему городу. Вскорѣ улицы очистились, но народъ спрѣлялъ изъ оконъ и кровель. Генералы велѣли отбивать двери и ужасное кровопролитіе распроспранилось по всѣмъ угламъ города. Кавалерія ловила поселянъ и жипелей, спарающихся спасшисъ за городскія стѣны и всѣхъ пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ немедленно разспрѣливали; равно и во внуспренности домовъ кровь лилась рѣкою. Не внимали ни мольбамъ, ни голосу покорности, не разбирали ни возраста, ни пола. Французскіе солдаты преврапились въ хищныхъ звѣрей, мщеніе заглушило вопли челоувѣчества: свирѣпство съ обѣихъ споронъ дошло до испупленія. Крики убійць и споны умирающихъ мѣшались съ выспрѣлами и колокольнымъ звономъ. Зрѣлище, доспойное ада и завоепелей!

(Продолженіе впрѣдъ.)

О
СЪВЕРНОЙ ПОЭЗИИ (*).

(Окончаніе.)

8.) Исландское спихосложеніе споль сходспвуесть съ Англосакскимъ, чпо необходимо одно изъ нихъ должно было служить образцемъ другому. Собспвѣдно Исландская мѣра спиховъ есть фюрнирдалагъ; онъ соспоиптъ изъ сппрофъ, заключающихъ въ себѣ опъ прехъ до шеспи слоговъ, а иногда и болѣе, ежели слоги сїи слишкомъ крапки: въ каждомъ двоеспишіи онаго два или при слога имѣють одинакія начальныя буквы (**). Сїи двоеспишія спер-

---

(*) Начало сей спашьи помѣщено въ IX (спран: 249) и XII (спран: 257) часп: С. П. и Б.

(**) Meyar ordum

Skyli mangi trúa и ш. д.

ва не были раздѣляемы на спрофы пакъ, какъ и у Англосаксовъ, но попомъ приняпо правиломъ соспавляшь изъ нихъ шешши или осьмиспрочныя спрофы, что однако Исландскіе спихопворцы не всегда строго наблюдають. Соспавленіе оныхъ очень просто, непримѣшны напянушыя и безсмысленныя метафоры, споль необходимыя въ спихосложеніи, слишкомъ упоноченномъ. Таковое безыскусшвенное успройство фюрнирдалага сдѣлало его всеобщою спихопворческою мѣрою; еще и нынѣ весьма часно упошребляють его Исландцы подъ именемъ Люфлингслага (*). Изъ него соспавлены шеперь многія опчассти слишкомъ искусшвенныя мѣры. Трудно выразишь ихъ на другомъ какомъ нибудь языкѣ, однако всѣ онѣ имѣють образцемъ и основаніемъ своимъ Дропшмельтгъ; сія мѣра находилса шакже и у Англосаксовъ, но Исландцы ее усовершенсшвовали.

(*) То естъ Духовъ, кошорые, по мнѣнію Исландцевъ, сущъ подземные жипели ихъ острова, имѣющіе неусыпное попеченіе о сохраненіи древнихъ шоновъ или звуковъ; ихъ называють Liuflingr. —

Существенное отличие Дропшмелта составляет рима слоговъ; каждая строфа состоитъ изъ восьми строкъ, а каждая строка содержитъ шесть долгихъ слоговъ; въ каждомъ двустишии, кромѣ обыкновеннаго подбора буквъ (Alliteration), четыре слова находятся въ римѣ, въ первомъ стихѣ въ неполной или до половины, а во второмъ въ полной, на примѣръ:

Tynum Birkibeinum
 Beri sverrir hlüt verra
 Latum Randhaend Reindum,
 Rida hart oc tidum;
 Haelumsk Minst i Mäli
 Metumst helldur at val felldum
 Latum skipta Gud Giptu
 Gærum hrid tha er them svidi! (*)

ш. е.

Дайте исшребимъ Биркебейновъ, (а)
 Пусть Сверриръ шерпншь болѣе всѣхъ;

(*) Подлинникъ помѣщенъ въ Saga Sverris Konungs, которая составляетъ четвертую часть Геймскринглы на Датскомъ, но еще не издана гл 105 стр. 185.

(а) Слово сіе значншь собственно березовыя ноги. Я думаю, что Стихотворецъ называетъ симъ именемъ нѣкоторыхъ обитателей

Пусть змѣй щитоносный, опышный (мечь)
 Крѣпко и часто ихъ поражаетъ;
 Пусть мы прославимся не словами,
 Но падшими въ спрашномъ бою;
 Господь побѣдой располагаетъ,
 Лишь каждый сильно пусть нападаетъ.

Еще надобно замѣлимъ, что Дрош-
 имельшь всегда оканчивается двуслож-
 нымъ словомъ. Всѣ же прочія мѣры (versarten)
 суть измѣненія его, болѣе или менѣе ис-
 кусшвенныя, на пр. Тогмельшь, который
 состоитъ изъ чепырехъ или пяши сло-
 говъ и не всегда имѣетъ на концѣ двусло-
 жное слово (а). Не только Нѣмецкіе цѣхо-
 вые Спихопворцы изобрѣшали новое спи-
 хосложеніе, называя иногда оное своимъ
 именемъ, но и Исландскіе выдумывали о-
 собенную мѣру и особенное созданіе риѣмъ

шелей Исландіи, попому что они, по при-
 чинѣ глубокихъ снѣговъ, употребляютъ
 лыжи и припомъ березовые, ибо шамъ
 дерево сіе растетъ преимущественно.
 Пр. Пер.

- (а) Изъ сего видно, что Тогмельшь есть под-
 раздѣленіе Дрошмельша, а не Форнирда-
 лага, какъ Гнъ Раскъ думаетъ а. а. О.
 221. Соч.

между собою: такимъ образомъ произошли спихи, въ коихъ два слога въ одной спрокѣ находящяся въ риѣмѣ, на пр. Frama gopum gram skotnum, или Raesir glaesir, göckva döckva и ш. д. Не нужно упоминашь, что они сочиняемы были на счепъ здраваго смысла, ибо прудность, соединенная съ размѣромъ шоль принужденнымъ, побѣждается шолько спранными метафорами, каковыя и позволены Исландскимъ спихошворцамъ. Впрочемъ всѣ сии искусственныя спихошворенія сочинены въ новѣйшія времена, а посему они, какъ само собой разумѣется, не сущь образцы народной поэзіи, но поэзіи ученыхъ Спихошворцевъ, и припомъ Монаховъ, копорые, пользуясь досугомъ въ уединеніи своемъ, имѣли терпѣніе заниматья шоль пруднымъ предметомъ, такъ на пр. Епископъ Скальгольпскій Клангръ (посвященный въ 1152 году) изобрѣлъ спихи, въ каждой спрокѣ коихъ прешій слогъ въ риѣмѣ, они названы въ чепъ его имени Клангсхашпромъ. Хотя общемо мѣрою во всѣ времена у Исландскихъ Спихошворцевъ былъ Форнирдалагъ, но изъ сего не слѣдуетъ, что мнѣніе шѣхъ

справедливо, кои спихопворенія шаковыя опносяпть къ глубокой древности. Конечная риема (Runhenda) шаже упошребляешся различнымъ образомъ; вѣроятно, она извѣсна была и древнимъ спихопворцамъ, ибо знаменитое спихопвореніе Hofdlausn (Korfpreis) Эгила писано риемами; однако вовсе еще не доказано, сочинено ли оно симъ спихопворцемъ (а). Въ спихопвореніяхъ, имѣющихъ риемы, соблюдается шаже и подборъ буквъ (alliteration). Дабы оный выразить явспвеннѣ, позволены были нѣкопорыя вольности сочинявшимъ ихъ, какъ по: они прибавляли букву къ словамъ, или опбрасывали, на пр. Ialmr вмѣспо almr (вязь), gom или го вмѣспо egom и его, а особенно, когда споишь Н передъ п, l, r, на пр. Nefi вмѣспо Hnefi (внукъ); шаже дѣлашь выпущенія (ellipsen) для пріятнаго шона спиховъ или звука; упошребляшь излишніе вспомогапельные глаголы; удволяшь согласныя, вспаляшь какую нибудь букву въ слова, или перемѣшиваешь буквы между собою. Нѣкопорыя изъ сихъ правилъ примѣнены были, шолько въ письмѣ,

(а) Egils saga 427.

а не въ выговорѣ, на пр. слово *Hnefi* начинающееся съ *H* или съ *N*. Впрочемъ сей подборъ буквъ очень просиль, и можетъ бытъ не споль пруденъ, какъ риемы; почему и въ Исландіи, подобно какъ въ Финляндіи, еспь и шакіе креспьяне, копорые, хопя не умвюпть чипапъ и писапъ, но сочиняюпть совершенные спихи въ семь родѣ (а).

9) Языкъ сѣвернаго спихопворства гораздо болѣе отличенъ опъ обыкновеннаго (разговорнаго) языка, нежели поэзіи другихъ народовъ: въ семь шакже обнаруживаешся подражаніе Англосаксамъ, и припомъ во многихъ случаяхъ пресупая предѣлы здраваго смысла. Одного бѣлаго разсужденія доспапочно, дабы увѣришься, что народъ не могъ разумъшь споль спранна-

---

(а) Довольно, ежели чипатели могутъ сосшавишь изъ сего всеобщее поняшіе объ искусственномъ уснройствѣ (*Techik*) сѣверной поэзіи: подробнѣ же о семь писалъ Олафсенъ. См. его сочиненіе о древнемъ сѣверномъ Спихопворствѣ (*I. Olafsen om Nordens gamle Digtekunst, Kiöbenh, 1786 4.*), весьма важное и въ историческомъ отношеніи.

го смѣшенія нарѣчій, коему нигдѣ нѣтъ подобнаго: древніе Нѣмецкіе стихотворцы соображались съ понятіями единоеземцевъ, и посему употребили только нѣ чужестранныя слова, копорыя сдѣлались общими; напрошивъ Исландскіе ввели въ поэзію не только множество словъ, изъ разныхъ языковъ, а особенно изъ Англосакскаго, но и множество выраженій, слишкомъ возвышенныхъ. Поелику предметъ сей довольно важенъ, то и займемся изслѣдованіемъ онаго. Они приняли многія имена за собственныя: шакковы суть получающія общее значеніе отъ извѣстнаго соединенія съ другими, или отъ того, что уже часно употребляемы были въ шакковомъ смыслѣ; на примѣръ, названіе какаго нибудь меча или живошнаго и. п. д. служить для означенія всѣхъ имъ подобныхъ. Сверхъ сего, неизчерпаемо Исландское стихотворство въ описаніяхъ, заключающихся въ соединеніи существительнаго имени съ прилагательнымъ; первое выражаетъ общее понятіе, или особенное какое нибудь наименованіе, а второе есть собственное имя предмета, на пр. Alm-beidr

веселящійся лукомъ (Almr собственно вязь) ш. е. воинъ; Hvarma-skur, дождь изъ глазъ, ш. е. слезы; Hogn-la приливъ роговой или море роговое ш. е. пиво и медь. Такимъ образомъ преимущественно описываемы были: 1 небо, солнце, мѣсяць; 2 земля, море, вода, огонь, вѣсперь; 3 день, ночь, лѣто, зима; 4 золото, золотыя кольца, деревья, камни; 5 боги, богини; 6 мужчины, женщины; 7 различныя чашки пѣла; 8 душа, склонности, мысли; 9 различныя живошныя; 10 война и все къ ней принадлежащее; 11 дома, корабли и 12 спиховорство. Всѣ сіи описанія выражаютъ что нибудь баснословное, или же особенное свойство предметовъ, и служатъ превосходными образцами, произшедшими изъ глубочайшаго разсмащриванія природы. Но поелику подобныя имъ находящся и въ Англосакской поэзіи, то ясно, что она и въ семъ отношеніи была примѣромъ для Исландской. У обоихъ сихъ народовъ небо называется пущемъ, домомъ и опечествомъ солнца, или звѣздъ; небесный сводъ покрываломъ, щлемомъ, или заломъ земли, горъ и морей; море областью

(Ring) острововъ, волнь ночь; — шкапельницею сновидѣній, невеселостию, смущеніемъ и пишиною пшищъ. Для описанія мужа употребляюшя: 1 имена нарицательныя, на пр. *arn-greddir*, попъ, кто приучаетъ орла къ хищничеству, *Skiald-blaetur*, попъ, кто окровавляетъ щипъ; 2 имена боговъ, королей и героев и 3 деревьевъ мужескаго рода; для описанія женщинъ имена суцеслвительныя, означающія женскія упражненія, также богинь и деревъ женскаго рода, земель и острововъ; вмѣсто исполиновъ описываютъ кипа или преску. Для шаковой цѣли и глаголы замѣняются одинъ другимъ, на пр. вмѣсто *спрѣляшь*, говорится: дождишь градомъ изъ лука; *вм.* сражашься, *сосшавишь* хоръ изъ воинственныхъ богинь, и ш. д. Но поелику языкъ сей не есть у Исландцевъ выраженіе воспорга, а только слѣдствіе соображенія, то и шеряешь свою силу. При семъ достойно примѣчанія, что попъ, кто никогда не бывалъ на войнѣ, называешя однако *úlfbrunnier* ш. е. водящимъ на водной волка; а женщина весьма бѣдная *silki-norn*, ш. е. шел-

ковою женщиною (имѣющею шелкъ, или занимающеюся шелками) и п. д. Впрочемъ ничто не проливно споль истинной поэзіи, какъ употребленіе помянутыхъ описательныхъ словъ и всѣхъ прилагательныхъ имянъ одного вмѣсто другаго, потому только, что онѣ сходны въ двухъ подобнозвучныхъ буквахъ, хотя бы и имѣли разныя значенія, на пр. море и лошадь называются *mar*, въ слѣдствіе сего, можно употреблять всѣ прочія названія лошади вмѣсто названій моря и наоборотъ. Основываясь на шаковомъ правилѣ, одинъ стихопворецъ обращается къ своей красавицѣ съ слѣдующими словами: „я хочу скрыть нашъ пламень любви съ осторожностію и съ лошадинымъ копытомъ.“ По чему же такъ? Потому, что слово *Hof*, означающее копыто, значить также и приличіе, а какъ онъ желалъ выразить сіе послѣднее значеніе, то и употребилъ вмѣсто него оное слово. Но это здѣсь подобно тому, что будетъ на Нѣмецкомъ, ежели вмѣсто слухъ разнесся, скажутъ конь заржалъ, основываясь на двузнаменательности сло-

ва Mährge. Исландская поэзія почти не сообразуется съ свойствами языка: слова въ ней распавлены такимъ образомъ, что трудно приводить ихъ въ надлежащій порядокъ; даже штъ, копорыя должны непосредственно находиться одно подлѣ другаго, перемѣшаны въ разныхъ стихахъ; сіе особенно примѣпно въ искусственныхъ сочиненіяхъ, копорыя всегда кажутся загадкою, хотя бы писаны были и фориридалагомъ. Впрочемъ есть нѣкопорыя исключенія, но спольже странныя, какъ и правила, на пр. въ Алпимеллштъ должна содержать одно полное понятіе каждая строфа, а въ Секспанмеллштъ два таковыхъ каждая строка. Всѣ сіи педантическія утонченности неприличны истинной поэзіи, дочери чувствованія и одушевленія! Онѣ удерживаютъ быстрый полетъ Генія и налагаютъ на него тяжелыя цѣпи; почему и невозможно, чтобы сочиненія такого рода могли мгновенно дѣйствовать на душу; самый лучшій знакъ не въ состояніи понимать ихъ съ перваго раза; надобно прежде сочинить пра-

вила, просодію и реэспры риемамъ. Таковыя вспомогахельныя средшва, какъ само собой разумѣвшея, не сообразны съ народною поэзію. Исландскія спихопворенія раздѣляются на большія и малыя; въ первыхъ повпоряются преимущественно нѣкоторыя слова (Refrain, Stefiabalkr, Stefiamał), или перемѣшиваются между собою; вторыя же супъ легкая поэзія и называется Flokr. При сужденіи о достоинствѣ спихопворенія особенное вниманіе обращается на длину онаго: Король Канупъ великій, вообразивши, что Скальдъ Лофшунгъ воспѣлъ его въ крапкомъ спихопвореніи, приказалъ сочинить длиннѣе и представить на другой же день, угрожая ему въ противномъ случаѣ смертію.

10.) Спихопворцы сѣверныхъ народовъ назывались Скальдами, опъ слова Skjal благоразуміе, мудрость, или опъ Schallen звукъ. Не имѣя никогда заведенія, подобнаго тому, какое находилось у Бардовъ Италіянскихъ (Welsche) и не составляя обществъ и цѣховъ, каковыя учреждали Нѣмецкіе цѣховыя поэзы (Meister-

änger), всѣ почти чувствовавшіе вдохновение, подобно Финляндцамъ, посвящали себя поэзіи. Вдохновение сіе особенно было сильно при новолуніи (*). Почему въ числѣ Скальдовъ находились люди разныхъ состояній, даже самыя знаменитые герои; въ позднѣйшія же времена исключительно одни духовные. Норвежскіе короли имѣли также придворныхъ поэтовъ, которые пользовались оплечнымъ уваженіемъ, будучи совѣтниками и довѣренными при нихъ особами и заслуживая сіе не столько стихотворческими талантами, сколько великими способностями къ дѣламъ и познаніями. Исландія есть опечество первосепенныхъ Скальдовъ, въ Швеціи же и Даніи не было почти ни одного. Въ древнемъ спискѣ подъ именемъ Skaldatal (а) означено великое число Скальдовъ поимянно, но безъ надлежащаго отношенія къ крипикъ: образъ ихъ жизни и о времени, въ кошо-

(*) Magnus Olavii in Stephania nata in Saxonia p. 12.

(а) Онъ помѣщенъ также и Перингскіелдомъ при концѣ, въ его изданіи Снорра Спурласона, II. 479.

рое они писали, мало, или вовсе ничего намъ неизвѣстно; можно однако замѣтить, что они не всегда были современники пому Государю, котораго воспѣвали, а жили гораздо позже. Самый древній стихопворецъ есть Thiodolfr or Hvini, современнѣй Гаральду (Schönhaag); по мнѣнію же нѣкоторыхъ Браги, Барки и другіе были прежде него, но на сіе нѣтъ основательныхъ доказательствъ. Сочиненія ихъ давно уже потеряны: они извѣстны намъ только по тѣмъ мѣстамъ, которыя случайно помѣщены въ Сагахъ, а особенно въ Геймскринглѣ. Припомъ не вѣроятно, чтобы всѣ стихопворенія писаны были тѣми Скальдами, подъ именами коихъ выдають ихъ: нѣкоторыя изъ нихъ, какъ легко можно замѣтить въ Сагахъ, сочинены самими повѣствователями: на пр. въ Эгилссагѣ помѣщено стихопвореніе прехлѣпняго Эгила (*). — Сага сія хотя и относится къ X столѣтію, но составлена позже. — Во времена, въ которыя чуждались всякой криптики и въ которыя не доспавало даже

(*) Egillsaga 150.

и средствъ заниматься ею, не было ничего легче, какъ новое произведеніе выдать за древнее. Нерѣдко Италіянскіе (welsche) монахи, дабы болѣе утвердить свое ученіе, сочиняли духовныя стихотворенія и приписывали ихъ древнему Барду Таліесину (а). Саксо Граммапикъ поступалъ также; ибо не естественнo, да и не возможно доказать, будто стихотворенія, помѣщенные въ его Испоріи, переведены имъ изъ древнихъ сѣверныхъ писаній, какъ онъ утверждаетъ. Равно и пророчество, называемое Kruckfara, о перемѣнѣ религіи и о другихъ будущихъ происшествіяхъ въ Исландіи, не получено отъ Духовъ (Elfen) нѣкимъ Іонасъ Крукъ въ XV столѣтіи, но сочинено около 1660 года (b). Изъ характера Исландскихъ стихотвореній нельзя заключить о древности ихъ: слогъ вездѣ одинаковъ, особенно въ искусственныхъ мѣрахъ, которыя употребляли уже и выдаваемые за самыхъ древнихъ стихотворцевъ. Достойно однакожъ удивленія, что нѣкопo-

(a) Edw. Iones relicks. 39.

(b) Finrus Ioh. 11, 370.

рыя изъ стихопвореній, ошь царствова-
 нія Гаралда (Schönhaag), въ печеніи 400
 лѣтъ, сохранились безъ письменныхъ по-
 собій; со времянь же Снорро, не смотря на
 искусство письма, поперяны. Изъ всѣхъ
 пѣхъ, на кои ссылается сей повѣспво-
 вапель, оспалось только одно (а), а и-
 мянно Гейсли, или лучъ Эйнара Скуласона
 (священника), похвальное стихопвореніе
 Олофу святому, умершему въ 1033 году.
 Сей стихопворецъ родился въ 1090, а
 скончался въ 1160; а сіе и служить до-
 казательствомъ, что Скальды не всегда
 избирали предметомъ для своихъ пѣсень
 произшествія современныхъ. При семъ мо-
 жно замѣтитъ, что Исландская поэзія не
 была народною; произведенія ея, слиш-
 комъ темныя ошь искусства, понимали
 только тѣ, кои исключительно ими за-
 нимались; посему-то никто не заботился
 сохранять ихъ: самое даже сочиненіе Эй-
 нара Скуласона дошло до насъ посред-

(а) Оное сдѣлалъ извѣстнымъ Торлацій вмѣ-
 стѣ съ приложенною росписью словъ, из-
 давъ въ видѣ прибавленія къ шредней
 часши Снорро на Датскомъ.

спвомъ одной полько древней рукописи. Между тѣмъ, хотя въ позднѣйшія времена Исландцы и менѣе чувствовали охоты къ поэзіи, но все еще нѣкоторые изъ нихъ занимались ею: ибо древнія пѣснопѣнія были важны въ историческомъ отношеніи по тому употребленію, которое Снорро изъ нихъ сдѣлалъ. Не смотря на то, не невѣроятно, что и сей писатель, слѣдуя общему обыкновенію подтверждавшъ повѣствованія стихами, поступалъ подобно Саксу и другимъ, но если сочинялъ самъ нѣкоторыя изъ выдаваемыхъ имъ подъ именемъ древнихъ поэтовъ. Тоже должно разумѣть и о извлеченіяхъ у него изъ исторіи земель и героевъ. Сверхъ сего замѣтимъ еще, что онъ былъ и довольно искусный стихотворецъ: въ его Гаппаликиль (*clavis metrica*), похвальномъ стихотвореніи Гокону древнему и Ярлу Скули находимъ болѣе ста различныхъ мѣръ (*Versarten*), въ коихъ соблюдены всѣ опредѣленные правила относительно къ языку.

11) Исландскія стихотворенія относятся преимущественно къ Лирической

поэзіи и сурь: 1. *Историческія пѣсни*: въ нихъ прославляются подвиги какаго нибудь знаменишаго мужа, или, по обыкновению погдашнихъ времянь, заслуги умершихъ друзей и знакомыхъ. Ни одной эпопеи, ни даже риэмованной лѣтописи (*Reichchroniken*) Исландцы не имѣють. Сохраненіемъ для ихъ пѣсень, какъ и у Норвежцевъ, служила Романтическая поэзія (а). Они передѣляли ее по своему, сообразно съ опечесивенными Сагами; ибо въ такомъ родѣ стихопвореній находили особенное удовольствіе. Не понятно, почему ученые, оказавшіе столько услугъ древней Нѣмецкой Липературѣ, предспавляли себѣ, что Саги Исландскія, сходныя съ Нѣмецкими, произошли опть одного и того же народнаго преданія въ Германіи и сохранились потомъ у обоихъ сихъ народовъ! Таковое мнѣніе вовсе неосновательное. Не изслѣдывая здѣсь произхожденія Нѣмецкихъ стихопвореній, столь мало доказываемаго Исторіею, упомянемъ только, что Саги о Нибелунгахъ, о рогашомъ

(а) Она воспѣвала подвиги рыцарей.

Сигфридъ и п. д. перешли на Сѣверъ изъ Германіи и были тамъ передѣланы также, какъ и Историческія преданія о Карлѣ Великомъ, о Королѣ Арпусѣ и тому подобныя. Обыкновеніемъ было у Исландцевъ всѣ Нѣмецкія повѣсти украшать своею Мифологіею и выдавать за собственныя — или въ видѣ спихотвореній, каковыя находятся въ собраніи, называемымъ древнею Эддою, или въ видѣ Прозаическихъ сочиненій. Ипакъ, ежели взять во вниманіе то, что они издревлѣ имѣли сношеніе съ Германіею и что въ ней воспивались и самыя древніе ихъ ученые, то и ясно, почему Нѣмецкія Саги находятся въ Исландіи. Къ сему, въ позднѣйшія времена, содѣйствовали еще и купцы, оспанавлившіеся тамъ провождать зиму. Въ самыхъ даже спихотвореніяхъ можно замѣпить, что они не суть ничто собственное, а иноспранное: ибо главныя произшествія представляють происходящее во Франціи и Саксоніи, и часто безъ всякой связи: золото называется въ нихъ *Rynar malmur*, т. е. Рейнская руда; Саги одна другой иногда

прошиворѣчатъ и ш. д. (а) Ежели бы сохранилось таковое народное преданіе о Нѣмецкихъ Сагахъ и у Исландцевъ, по Схорро Спурласонъ, занимавшійся споль охотно изслѣдованіемъ древней опечесп-венной Исторіи, помѣспилъ бы ихъ: но, какъ кажется, онѣ ему были даже неизвѣ-спны; ибо онѣ приводилъ только одну о Гюкингерахъ и Волсунгерахъ (о древнихъ поколѣніяхъ героевъ), повѣспилъ, коими наполнены Сигфридъ и Нибелунгы, и кои припомъ, какъ кажется, онѣ не считаесть за настоящія сѣверныя: на пр. описывая респалище (Hippodromus) въ Констанпи-нополѣ, говоритъ (b): „тамъ предспавля-ющся въ лицахъ многообразныя произ-

---

(а) Сюда опносятся пѣспни, помѣспенныя въ Эддахъ, кои однако еще не напечастаны, хотя г. Гагенъ и объявилъ объ изданіи ихъ: сужденіе свое я основываю на нѣ-кошорыхъ сочиненіяхъ, приводимыхъ оп-часпи опрывками, и опчаспи вполне въ Björners nordiska kampadater и на прозаич-ческихъ извлеченіяхъ, находящихся въ моей Эддѣ. Рюсъ-(см. въ его Эддѣ 161 стр.)

(b) Saga af Sigurdi Jorsalafara с. XII. (р. 245 Tom. III. ed. Havn).

шествія, и также Асы, Волсунгеры и Гюкингеры: всѣ они вылипы изъ мѣди и мешаллу споль искусно, что кажупся одушевленными и похожими на мужей, идущихъ на бипву. "Прозаическія Саги доказываютъ еще болѣе то, что сіи повѣсти произошли у Нѣмцевъ. Уже около половины XII столѣтія появляются въ сѣверныхъ земляхъ такъ называемые пѣвцы любви (Minnesaenger), вышедшіе изъ Германіи; ибо Герцогъ Канупъ Лавардъ Шлезвигскій призывалъ изъ оной многихъ колонисповъ для улучшенія земледѣлія. Когда же Данскій Принцъ Магнусъ, соединясь съ недовольными, сославилъ прошивъ него заговоръ, то одинъ изъ псковыхъ пѣвцевъ (genere saxo, arte cantor) находившійся въ числѣ соумышленниковъ, припомнилъ о любви Герцога къ Нѣмцамъ, почему желая, предосперечь его опъ опасности, воспѣлъ ему стихопвореніе объ звѣспномъ вѣроломспвѣ Гримхилды прошивъ ея брашьевъ (с). Впрочемъ, всѣ псковыя Саги нельзя почестъ и за перево-

---

(с) Saxo L. XIII. p. 239. Канупъ былъ умерщвленъ 7 Января 1131 году.

ды съ Нѣмецкихъ, а вѣроятно онѣ со-
составлены по сохранившимся въ памяти
произшествіямъ, или спихопвореніямъ,
или же по рассказамъ другихъ, и сіе-то
причиною столь разительнаго ихъ не-
сходства съ подлинниками: такъ точно
произошла Wilkinasaga: въ предисловіи ея
сказано:, она составлена изъ рассказовъ
Нѣмцевъ, и изъ нѣкопрыхъ пѣсень, въ
коихъ находили особенное удовольствіе
знашныя люди, и кои сочинены по слу-
чаю произшествій, также въ ней опи-
санныхъ; однако въ помѣщеніи сихъ пѣ-
сень наблюдаены правила нашего спихо-
пворства, т. е. прибавлены нѣкопрыхъ
слова (d).“ Мнѣніе, что сія Сага заимст-
вована изъ большой Нѣмецкой книги о
герояхъ (Heldenbuch), которая поперяна,

(d) Thessi saga er sett epter Sögu Thyskra man-
na, enn sumt af quaedum, theim er skemta
skall med rikum mönnum, ok so sornatort woru
epter theim tidendum sem seigir i thessari
sögu. Enn thessi quaedi ero sett epter thvi
sem quaeda-hättur er i voru landi, at sumum
ordum verdur atquedit fyrir saker skaldskapar
и т. д. Wilkinasaga opera Joh. Peringskjöld,
Formale, на второй страницѣ.

не правдоподобно, ибо примѣпно въ ней много вымышленнаго. Въ доказательство истины часто упоминается и въ *Niflungs saga* также о Нѣмецкихъ пѣсняхъ и расказахъ (e), на примѣръ: „О томъ же мы слышали и отъ мужей изъ Бремена или Мюнспера, копорые хотя и не знали другъ друга, но пересказывали одинаково и по большой части согласно съ преданіемъ древнихъ Нѣмецкихъ пѣсней, сочиненныхъ великими людьми, по случаю важныхъ подвиговъ въ сей странѣ.“ Подъ сими словами — мужи изъ Бремена и Мюнспера — можно разумѣть Бременскихъ купцовъ, копорые, какъ соучастники въ Ганзейскомъ союзѣ, производили торгъ въ Норвегии и Исландіи. Слѣдовательно Исландцы получили такую повѣсти не изъ перваго источника, а чрезъ изустное преданіе отъ Бременцевъ и Мюнсперцевъ, копорые также узнали

(e) Гл. 324. стр. 443; гл. 363. стр. 489; гл. 382. 522. и въ гл. 367. стр. 494. Обороты же (*paraphrasen*) въ Латинскомъ и Шведскомъ весьма невѣрны и по большой части со всѣмъ иной имѣющъ смыслъ, нежели въ текстѣ.

о нихъ по слуху (f). Въ другихъ же Сагахъ встрѣчаются явныя ссылки на южныя повѣсти, на пр. Норнелгаспъ разсказываетъ (g), что онъ, желая освѣдомишься о Сигурдѣ Сигмундзонѣ, пушешествовалъ на югъ во Францію, ибо, пока въ оную не прѣхаль, ничего не могъ узнать. Ипакъ всѣ сии Саги не прежде появились, какъ когда разныя повѣсти сдѣлались уже извѣстными и нашлись охотники заимствовать изъ нихъ историческія и географическія имена — и, прибавивъ оупь себя то, чего не было въ Нѣмецкомъ или другомъ какомъ нибудь преданіи, составляли нѣчто цѣлое. Сочинители оныхъ были по большей часи молодые люди, а въ новѣйшія времена даже нѣкоторые изъ крестьянъ въ Исландіи симъ занимались: оупь поглотило перемѣшано въ нихъ иноспранное съ отечественнымъ и встрѣчаются разительныя погрѣшности прошивъ Географіи и Исторіи. На пр. въ Сагѣ объ Asmund Kām-

---

(f) Ныпъ ли на простомъ Нѣмецкомъ языкѣ сочиненій о просонародныхъ длинныхъ Нѣмецкихъ стихотвореніяхъ? Соч.

(g) У Вёрнера гл. 3. стр. 7.

pentödter, Hulda или An Bogsweingер, которая, какъ кажется, писана въ 1687 году (а) и во многихъ другихъ. Сверхъ сего естъ еще и другія свидѣтельства о томъ, какимъ образомъ повѣспи о Рыцаряхъ перешли на Сѣверъ: нѣкто майстеръ Біорнъ въ Нида-рѣ провожалъ въ Каспилю Принцессу Христину, обрученную шамоннему Принцу, и, услышавъ на свадьбѣ ихъ Исторію Короля Диприха, сдѣлалъ ее извѣсною на сѣверъ: не сказано впрочемъ, чѣмъ бы онъ принесъ ее въ свое отечество уже сочиненную, а только подалъ поводъ къ сему

-
- (а) Первую издалъ Перингскіелдъ въ 1722 въ Спокгольмѣ in fol Вторую перевелъ на Дашскій языкъ Абрагамсонъ in Scand Literat. Selskabs Skrifter 1806, 11. Третья у Біернера. Въ заключеніи, на Исландскомъ, сказано: „еще и нынѣ, въ тысяча шестисотъ восемьдесятъ претретьемъ году, находясь въ Исландіи такіе люди, кои родъ свой относятъ къ поколѣнію Графнистовъ (Hragnista-Männer)“ Сіе число года въ обоихъ переводахъ опущено, чѣмъ и Шлѣцеръ въ своемъ Неспорѣ 11, 292, уже замѣнилъ: впрочемъ, можешь быть, оно прибавлено переписчикомъ, самое же поповѣствованіе не подлежаще сомнѣнію.

*

(b). Около 1360 года Королева Норвежская Еоимія, урожденная Княжна Ругенская, предала своему опечеспву Романическое Спихотворспво въ переводахъ: а въ концѣ среднихъ вѣковъ Нѣмцы, сославлявшіе свипу союзныхъ государей, разпроспраняли шакже опечеспвенныя спихотворейія. Разсказываюпъ, что Король Іоаннь сказаль однажды веселому Опшо Рудъ:, въ эшой книгѣ доспопаяпные Рыцари господа Ивандъ и Гаудіанъ — и гдѣ найпи шеперь имъ подобныхъ?“ „Государь, опшвѣчаль Рыцарь, они найдупся, ежеи только подобень будешъ дворъ шому, какой былъ при Королѣ Аршусѣ.“ Таковой же шочно

(b) Извѣстное мѣсто изъ *Blomsturvallaasaga*, приведенное въ предисловіи къ *Wilkinasaga* Перингскіедомъ. Гяъ. v. d. Гагенъ недавно сдѣлалъ довольно много примѣчаній на оное въ *Museum für altdeutsche Literatur und Kunst*, II. I. стр. 337, но не совсѣмъ основательныхъ: вмѣсто Имперашоръ *Фридрихъ* надобно чипашъ Импер. *Алфонсъ* и все сдѣлаешся яснымъ. Ешеспвенно, что при дворѣ новоизбраннаго Имперашора Нѣмецкаго находились шакже и Нѣмцы, и они-шо съверному жителю могли расказышъ упоминающую Ишпорию.

разговоръ имѣлъ и Король Французскій Иоганнъ, по сему вѣроятно, что сѣверные повѣствователи приписали оный своему государю: эпо ихъ обыкновеніе (а).

Вспорой родъ Исландскихъ Спихошвореній составляютъ *забавныя повѣсти*. Въ нихъ описаны, по большой части, отважныя дѣла боговъ, каковы: путешествіе Скирнера, пѣсня спарика (Sgraubarts), пирушка Эгера (Aegers), повѣсть о молодѣ Тора или пѣснь Трима и другія: всѣ сіи

(а) Я заимствую оный изъ *Исторіи Швеціи* Гвидфелда, кн. VIII. §. 173. А Французскаго Короля таковой же у Гектора Воэція, *Hist. Scot. d. XV*. Изъ сей Исторіи приведенъ онъ у Эйхорна въ его *allgemeine Geschichte der Cultur und Literatur der neuern Europa*, т. въ примѣч. 47. Также въ древнемъ Шведскомъ спихошвореніи объ Александрѣ Великомъ (XIV. столѣтія) Wisingsborg 1672. 4. сказано:

Hvat wan Tiderik van Berna ok Persefas
Herra Gawian ok Hector ära i thera Tal:
The fingo stoop Hug ok gingo at sofwa.

ш. е.

Что выигралъ Диррихъ отъ Берна и Персесала?

Гавианъ и Гекторъ на сторонѣ его:

Оли, получивъ много ударовъ, пошли спать.

сочиненія суть наилучшіе образцы Исландскаго Спихотворства. Третій родъ, *священныя* (religiöse) и *поучительныя стихотворенія*, на пр. Волупа, пѣснь Гиндла (Hindla's) или такъ называемая малая Волупа (собственно Генеалогическое спихотвореніе), Алвисмалъ (Alvismal); въ немъ подобно-значущія спихотворческія слова соспавляютъ остроумныя выраженія; пѣснь солнца—названная такъ попому, что въ ней часто употреблено имя солнца—содержитъ въ себѣ, подобно какъ и спихотвореніе Винсбека, наспавленіе отца сыну и славное спихотвореніе Лилія въ честь Дѣвы Маріи. Четвертый родъ *Гномы* (или пѣсни о земныхъ духахъ), почти во вкусѣ Нѣмецкихъ Пріамелнь, на пр. Гавамалъ (Havamal) содержитъ въ себѣ такіяжъ мнѣнія. Къ пятому роду можно отнести *пѣсни любовныя* Mansaung или Mansaungsvisir; число ихъ не велико, и можетъ быть по пѣмъ же причинамъ, какъ и у Финляндцевъ. Шестой родъ соспавляютъ *сатирическія* или *язвительныя пѣсни* Nid: многіе изъ Исландскихъ Спихотворцевъ, опмщевая такими сочиненіями своимъ врагамъ,

снискали славу себѣ и поселяли страхъ въ другихъ. Къ седьмому и послѣдному роду принадлежатъ *тародѣйныя пѣсни*: нѣкошорья изъ нихъ, кажется, сохранились въ древней Эддѣ, каковы: *Vegtamers Quida*, пѣснь о путешественникѣ и *Гримнисмалъ*, служившая, можетъ быть, какъ *Tuulinsanot* у Финляндцевъ, къ заговариванію огня. Вообще въ сихъ пѣсняхъ встрѣчаются многія по большой части вовсе неизвѣстныя имена, и сіе, попому, что Магія среднихъ вѣковъ, находившая себѣ почиташелей и въ Исландіи (а); предполагала нѣкую таинственную силу въ чужестранныхъ словахъ. Опъ сего-шо пророчество Одина по полешу воронъ сіюль пѣмно; даже ученѣйшіе Исландцы не могли объяснить онаго: Эрихъ Галсенъ Гёфде, любимый стихопворецъ семнадцатаго столѣтія, разбиралъ оное десять лѣтъ и наконецъ принужденъ былъ оставишь: ибо, не-

---

(а) Перингскіелдъ въ *Sagъ Асмундаръ* на стр. 26 приводитъ одну Исландскую рукопись о чернокнижии (*Swart Konstboken*), которое, какъ кажется, было во всеобщемъ употребленіи.

смотря на всѣ усиля, ничего не понялъ. Названіе такое оно получило, вѣроятно, отъ того, что пшпцы, а особенно вороны, какъ всѣ вообще вѣрили, могутъ не только говорить, но и сообщать людямъ свои мысли, ежели сіи разумѣютъ языкъ ихъ. Имянами пшпцъ названы большая часть стихотвореній (а). Англосаксы имѣли также чародѣйныя пѣсни (b). Любимый слогъ у Исландцевъ былъ разговорный, но онъ никогда не возвышался до драматическаго: повѣствовательныя и поучительныя стихотворенія также писаны отъ части въ видѣ разговоровъ, чему равно находимъ образцы у Англосаксовъ, на пр. разговоръ Адриана съ Риеемъ, которымъ напоминаетъ Алвисмалъ, начинающа такъ:

Скажи, сколь долго былъ въ раю Адамъ?

Онъ, говорю тебѣ, принадлежалъ лишь былъ
шамъ; и ш. д. (с).

(a) *Thorlacii antiq boreal. spec. II. XV.*

(b) Одну проповѣдывающую лду приводитъ Ванлей, *cod. Angl. стр. 83.*

(c) Ванлей въ упомянутомъ соч. стр. 93.

18. Изъ предложенныхъ изслѣдованій о сѣверной поэзіи каждый безприспращный чипапелъ можешъ вывести такое заключеніе: что она получила начало свое не въ Германской Скандинавіи, а у чужестранцевъ; отъ нихъ перешла въ Исландію и изъ оной разпроспранилась попомъ въ Скандинавіи. Правда, и сѣверные народы, во время пребыванія своего въ Англіи, находили удовольствіе въ пѣсняхъ и музыкѣ: посему-то Алфредъ, желая обозрѣшь спанъ Дашчанъ, проходилъ оный съ арфою въ рукахъ и пѣнялъ своимъ искусствомъ самыхъ полководцевъ, приглашавшихъ его въ свои палатки. Но нѣтъ нигдѣ доказательствъ, чтобы Норвежцы и Дашчане сами занимались музыкою и стихотворствомъ. Они не имѣли способовъ образованья себя, находясь въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ народами, и только мирное время сообщало суровому Норману Литтературу и изящныя искусства образованныхъ Англосаксовъ, что водворилось прежде въ Исландіи, нежели въ другихъ сѣверныхъ земляхъ. Изъ сего явствуетъ, какимъ образомъ между малочис-

ленными обитателями сего острова, не имевшими гражданского устройства и лишенными опытной природы всякого удовольствия, могло произойти столь искусственное стихотворство и сделаться в некотором отношении народным. Отсюда распространилось оно в Норвегии и служило только для увеселения двора и знатных, а не простого народа. Припомню, по свидетельству древнего (XII столетия) летописца Монаха Теодорика, Норвежцы вовсе не имели собственных песен, да и Исландские стихотворения процветают только до времени Гаральда (Schönaar). Вообще все знаменитые Скальды были в одной Исландии; их стихотворения и Саги хранятся в Копенгагене, Шпюкгольме и Упсале; и ежели бы стихотворство процветало также и в других северных государствах, то почему не осталось о нем ни одного памятника?

При семъ замѣтимъ еще два обстоятельство, совершенно доказывающія, что Исландская поэзія произошла отъ Англосакской: 1) главнымъ правиломъ искусственнаго Англосакскаго стихотворства

быль подборъ одинакихъ буквъ (alliteration); его употребляли въ Англии даже и тогда, когда введена рима: посему-то въ стихотвореніяхъ до XVI столѣтія и находящіяся они вмѣстѣ, на пр. въ Видѣніи Пепра Пловмана, сочиненномъ Робертномъ Лонгланде (въ 13 столѣтіи).

Thus robet in rufsel
 J romed about,
 All a somer season
 For to seke Dowell и ш. д. (а).

Сіе правило наблюдали и въ Исландіи до новѣйшихъ времянь; напрошивъ въ Норвегіи, Швеціи и Даніи оно вовсе было неизвѣстно; ибо въ древнѣйшихъ образцахъ ихъ поэзіи, какъ то: въ стихахъ, найденныхъ въ Шведскихъ провинціальныхъ законахъ, и именно въ Зюдерманландскихъ, Веспманландскихъ и Упландскихъ (b) въ

(а) Много другихъ примѣровъ помѣстилъ Варшона въ Испоріи Англійскаго стихотворства въ I. том.

(b) Сперва я сомнѣвался, употребленъ ли въ крапкихъ речованныхъ изреченіяхъ законовъ также и подборъ буквъ; попомъ нашель, что оный встрѣчается только

преданіи Короля Албрехта 1360 года (а), такъ же въ Испоріи Александра Великаго, въ переводахъ, доспавленныхъ Королевою Еѳиміею и въ Дашскихъ Kämpviser и п. д. находяпся одиъ шолько риѳмы. Припомъ сочинипели и переводчики были единоземцы; но почему они, имѣя отечественное спихосложеніе, упошребленіе котораго для нихъ было легче, замѣнили оное другимъ шруднѣйшимъ? 2) Въ Исландскомъ спихосворспѣвѣ еспъ множесшво словъ шакихъ, которыя не вспрѣчаются въ обыкновенномъ языкѣ, а шѣмъ еще менѣе въ другихъ сѣверныхъ нарѣчіяхъ; слова сіи по большой часши Англосакскія, нѣкоторыя же, по видимому, производящъ отъ Гальскаго, Олавянскаго и Финскаго языковъ, но число ихъ (б), въ сравненіи съ

случайно и даже не соотвѣтсшвуешъ длинѣ спиха; сверхъ сего въ одномъ и помъ же спихѣ, находимомъ въ Упландслагѣ и Гелсингслагѣ (въ заключеніи des Argdabalks), шѣ слова, въ коихъ обнаруживаешся подборъ буквъ, оспались безъ перемѣны.

(а) Vjärkearätten, Stockh. 1687. ст. 23.

(б) Большая часшь изъ шѣхъ словъ, кои приводишь Олафсеиъ на стр. 87 и 88 должна бышь уничтожена.

первыми, незначительно. Вообще, легко составивъ длинную роспись всѣмъ шаковымъ словамъ, но предварительно доспащочно будетъ привести только нѣ, оны копорыхъ произошли всѣ миеологическія имена (с);

Исланд. Ангелосакс.

Bart	Beard	борода (<i>Швед. и Датс.</i> Skegg)
Björ	Beorr	пиво (öl)
Biolla	Bell	колоколь (klocka)
Blota	Blotan	жертвовашь (ofra)
Blica	Blican	блискашь (Lysa)
Dyna	Dynjan	звучашь
Erja	Erjan	орашь (Köra plog)
Faerth	Eerth	военной походь
Faxi	Feax	волось (Haar) (a)
Fiadr- hamr	Fether- haman	плашье изъ перьевъ
Fiör	Feor	жизнь
Freah	Freah	господинь
Frega	Fregnian	прослышалъ
Galdr	Galdor	чары

(с) Множесство шаковыхъ примѣровъ находится и у Олафсена, но онъ не показалъ почнаго значенія (Identität) каждаго слова.

(а) Норвежцы говорятъ Haarfaggi, а Англичане Fairfax.

Ислан. Англосакс.

Geta	Getan	надѣлишь
Grey	Grey	гончая собака
Grithi	Grith	миръ (Fred)
Hilde	Hild	война
Hlustan	Hlystan	подслушивать
Hraef	Hreof	мершное пѣло (plattd. Reff)
Klöcqua	Clocsan	воздыхашь
Kjölr	Seol	корабль
Kne	Cneo	родство
Lid	Lith	напишокъ, спаканъ
Locr	Locer	пила
Maekir	Maeki	шпага
Mála	Meovla	жена
Meithmar	Mathmas	помѣсья
Mögr	Mogo	сынъ
Mund	Mund	рука
Nagli	Naegel	гвоздь (Spik)
Nárr	Na	пѣло усопшаго
Odlingr	Aetheling	дворянинъ
Ossi	Usse a)	наши (vaage)
Raesir	Raesva	сильный, князь
Reckar	Rinkas	грабли, храбрые мужи
Rönd	Rand	щипъ
Sefi	Sefa	правъ
Seggr	Secce	поборникъ, воинъ
Sigle	Sigile	ошейникъ
Skirr	Scire	чисный

(a) Въспомо обыкновеннаго игне.

Исланд. Англосакс.

Snotr	Snoter	умный, замышль
Spor	Spor	слѣдъ
Sunna	Sunne	солнце (Sol)
Thengil	Thengell	господинъ
Thylr	Thyle	вишня
Thverra	Therian	порча
Tungel	Thungel	созвѣздіе
Váng	Vang	поле
Verja	Verja	окружишь.

Изъ примѣровъ сихъ можно видѣть, что почти всѣ сии слова заимствованы отъ Англосакскаго языка. Въ немъ находились они еще прежде, нежели Англосаксы вступили въ ближайшія сношенія съ сѣверными народами, а слѣдовательно и не суть чужеземныя. Непонятно однакожь, почему они употребительны только въ Исландскомъ нарѣчии, а не во всѣхъ Скандинавскихъ. Вообще языкъ сей весьма много измѣнился отъ Англосакскаго въ произношеніи, въ грамматикѣ и п. д. И наконецъ доспойно замѣчанія, что оба они сходствуютъ даже и въ метонимическихъ выраженіяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя должны быть также заимствованы Исландцами, на пр. *Lind* (липа) означаетъ

знамя, пошому что раповище онаго было изъ сего дерева: паковое значеніе не могло произойти въ глубокомъ сѣверѣ, гдѣ во-все не распушь липы.

13. Изъ всего выше сказаннаго слѣдуетъ, что сѣверная поэзія сдѣлалась народною въ Исландіи и усовершенствовалась въ оной, а не въ другихъ Скандинавскихъ земляхъ. Припомъ, будучи произведеніемъ болѣе образованности и упражненія, нежели вдохновенія, она во всемъ своемъ устройствѣ неясна и принужденна. Но хотя каждый народъ передѣлываетъ опечесшвенное стихотворство различно, однако оно всегда удерживаетъ свой природный характеръ. Такъ на пр. Нѣмецкое, и изъ подъ самой чужестранной одежды, всею спарались облекаетъ его, обнаруживаетъ свою первоначальную пріятную силу. Образцами для сего могутъ служить Гансъ Саксъ, сочинители церковныхъ пѣсень (*), Векринъ, Андр. Грифій, Флемингъ, Галлеръ и Гёше: кого же могутъ Шведы и Данчане выставить для сравненія съ сими мужами? Миккель von Оденсе не

(*) Также der Bearbeiter des Reinke Vofs.

можешь бышь сравниваемъ съ Гансъ Саксомъ: ибо древніе Шведскіе стихотворцы, начиная опъ Спьернгельма, а Дапскіе опъ Арребо, руководствовались для образованія себя не опечественнымъ, но чужеспраннымъ; даже самыя новѣйшіе Шведскіе стихотворцы заимствовали все опъ Франціи, а Дапскіе имѣютъ образцами для себя Нѣмецкихъ— и, вдохновенные ими, спараются достигнуть не собственнаго, но ихъ идеала. Вообще, испинно опечественное или во все неизвѣстно народамъ, или же они почищаютъ оное неудовлетворительнымъ: такъ почю произошло и у Шведовъ; ихъ Галманъ и Белманъ, собственно, народные стихотворцы, служатъ пому доказательствомъ.

В. Брайкевичъ.

О МЕТАФИЗИКЪ НАУКЪ.

. . . . Experto credite.

Virgil. Georg. Lib. XI.

Всякому здравомыслящему человѣку весьма прискорбно видѣть, сколь ложныя понятія имѣетъ большая часть людей о предметахъ величайшей важности, и сколь несправедливыми опредѣленіями oznaчаютъ вещи, достойныя особеннаго уваженія и внимательнаго изслѣдованія. Весьма часто злоупотребленіе и опсупленіе отъ истинной цѣли принимается въ одномъ смыслѣ съ настоящимъ предназначеніемъ предмета. Такимъ образомъ подъ именемъ Метафизики разумѣютъ нынѣ въ свѣтѣ схоластическія поноси и бредни разгоряченныхъ умовъ, основы-

вающихъ системы свои на однихъ предположеніяхъ. Изъ сего краткаго разсужденія увидимъ, справедливы ли сіи заключенія.

Когда во всѣхъ Университетахъ слѣдовали ученію Аристотеля; то, при разпредѣленіи (классификаціи) предметовъ въ надлежащемъ порядкѣ, вещи, не принадлежащія ни къ Логикѣ, ни къ Физикѣ, поставили за сею послѣднею и назвали *Метафизикою*. Въ составъ оной входили предметы или выходящіе изъ предѣловъ Физики, или тѣ, къ изученію коихъ познаніе Физики должно было предшествовать. Въ послѣдствіи Метафизика сдѣлалась особенной наукой, которая раздѣлялась на четыре слѣдующія части: *о бытіи вообще* Онтологія (de Ente); *мысли о вселенной* Космологія, или Микрокосмологія (Scientia Universi); *о душѣ человѣческой* Пнеуматологія; *о Богѣ, разсматриваемомъ чистыми силами* (Theologia naturalis). Послѣ прибавили еще одно отдѣленіе: *примѣжанія о соединеніи души съ тѣломъ* и назвали сію часть Антропологіей. Отдѣленіе сіе уже было излишнимъ,

*

ибо Пнеумапология занималась симъ предметомъ (de commercio animae cum corpore), подъ названіемъ Микрокосмологии, или науки о маломъ свѣтѣ, разумѣя подъ симъ названіемъ человека, составленнаго изъ духа и плѣа, а пошому и называемаго *малою вселенною*.

Въ шакомъ соспоаніи сей науки философы занимались только разборомъ качествъ и принадлежностей, общихъ многимъ вещамъ, а пошому въ послѣдствіи всякое разсужденіе, клонящееся къ изслѣдованію общихъ истинъ какаго нибудь предмета, какъ дѣйствія обширнаго умствованія, назвали Метафизикой. Въ семъ значеніи она была не иное что, какъ только высшее и обширнѣйшее понятіе о вещахъ и предметахъ и, посредствомъ глубокаго умствованія, извлеченіе общихъ истинъ изъ частныхъ и взаимныхъ принадлежностей. Слѣдовательно возвышеніе ума опъ просныхъ (феноменовъ) явленій и обыкновенныхъ наблюденій къ связующей ихъ цѣпи, п. е. къ причинамъ или законамъ; копорыхъ явленія сіи суть послѣдствіями.

Въ такомъ значеніи всякая почная наука имѣеть свою Метѣфизику, копорая, если не обременена заблужденіями, есть ея почетнѣйшею и полезнѣйшею частію, споспѣшествующая ея возрасту и облегчающая употребленіе. Въ такомъ-то смыслѣ предлагаетъ ее ученому свѣту почтенный мой единоземець, Астрономъ и Философъ Иванъ Снядецкій, копорого мнѣніе вкратцѣ я здѣсь излагаю.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что всякій, занимающійся какою либо наукою, долженъ:

Во первыхъ, вникнуть въ общіе законы, связующіе одну науку съ другими. Отъ сего произойдетъ большая удобность переходить изъ одной въ другую, и откроятся средства пользоваться многими.

Во вторыхъ, изслѣдовать особенные или частные законы, принадлежащіе одной наукѣ: и ежели ни въ ней самой, ни въ другихъ наукахъ не находится достаточныхъ причинъ для изъясненія оныхъ, тогда обратиться къ природѣ, какъ общему источнику, и въ ней искать причинъ, основываясь всегда на слѣдствіяхъ.

А наконецъ, ежели изысканіе и изслѣдованіе не приведуть къ очевиднымъ открытіямъ и объясненіямъ, воспользоваться силою умствованія, и изъ отдѣльныхъ причинъ и послѣдствій вывести общіе законы. — Вошь рожденіе теоріи изъ опытовъ, и опытовъ изъ теоріи!

Баконъ, Невтонъ, Кеплеръ, Лейбницъ, Коперникъ, Галилей, Галлеръ, Лавуазье, Франклинъ, Дови и всѣ великіе геніи, дѣлающіе честь человѣчеству, изпоргнули великія тайны природы единственно глубокомысленнымъ изслѣдованіемъ и соображеніемъ частныхъ и общихъ законовъ въ природѣ. Вышняя математика, механика, астрономія, оптика, химія, натуральная исторія, физика, медицина, фізіологія, словомъ: всѣ великія истины и почти неизмѣрныя открытія и усовершенствованія суть плоды умствованія и углубленія въ сущность наукъ — въ ихъ Метафизику.

Въ моральныхъ и политическихъ наукахъ Декартъ, Локкъ, Кондильякъ, Монпескъе, Беншамъ, Филижери, Бекарій и Адамъ Смишъ шѣмъ же самымъ средствамъ обязаны открытіемъ истинъ и

сердца человеческого, Плунархъ, Тацитъ, Гюмъ, Гиббонъ, Робертсонъ и Іоаннъ Мюллеръ, которыхъ творенія по справедливости можно назвать священными книгами царей и народовъ, зеркаломъ величія и слабости рода человеческого, вникая въ причины и выводя изъ оныхъ спасительныя послѣдствія, проложили путь, по которому политическія общества должны стремиться къ совершенству, а правители къ безсмертной славѣ.

Изъ сего краткаго изложенія мы видѣли истинное опредѣленіе Метафизики, ея благодѣтельное вліяніе на науки и въ послѣдствіе сего быстрые успѣхи ума человеческого. Теперь бросимъ краткій взглядъ на заблужденія оной.

Во время упадка наукъ, когда Діалектика замѣняла Логику, а заблужденія истину, воскресли и всѣ бредни древнихъ софистовъ; содѣлавшіяся предметомъ споровъ между учеными и причиною раздѣленія ихъ на секты. Всѣ таковыя секты можно раздѣлить на четыре главныя: *Эмпирики*, или *Матеріалисты*, приписывавшіе всѣ ощущенія и понятія дѣйстви-

вію чувствъ. *Идеалисты*, не вѣря вліянію чувствъ и утверждая, что дѣйствія оныхъ обманчивы и ложны, сомнѣвались даже въ существованіи шѣль и почиали людей за вѣчно усыпленныхъ, увлекаемыхъ сновидѣніями. *Сцептики*, ни въ чемъ не вѣря разуму, какъ способности весьма слабой и несовершенной, которая ничего вѣрнаго открыть не можетъ, все подвергали сомнѣнію и недоувѣрчивости. *Догматики*, относя все къ дѣйствіямъ ума, тому только вѣрили, что доказано *a priori*, т. е. посредствомъ умствования, выводя отъ первыхъ началъ до крайнихъ послѣдствій.

Иванъ Снядецкій справедливо называетъ Идеалистовъ и Сцепщиковъ сектами недоувѣрчивости и опчаянія, а Эмпириковъ и Догматистовъ, однихъ фанатиками чувствъ, а другихъ ума.

Сии бесполезные споры сектъ и ихъ послѣдователей продолжались въ Европѣ отъ водворенія Арабами наукъ въ Испаніи, т. е. отъ VII до половины XVII столѣтія. Въ сіе время великій Баконъ первый озарилъ мрачную бездну, въ копо-

рой были погружены умы свѣшпильникомъ своего генія. Но прекращенная язвa вскорѣ снова возродилась, въ концѣ прошлаго столѣтїя, въ сѣверной Германїи и снова совратила умы опъ настоящаго познанїя вещей къ неосновательнымъ мечтанїямъ.

Болѣе всѣхъ опличился на семь излучиспомъ поприщѣ извѣстный Канпъ (*). Онъ, опривъ изъ праха давно забытую науку, вознамѣрился съ торжествомъ закончить прежнїя распри. Канпъ взяла на себя шрудъ изьяснить великую шайну: *какимъ образомъ теловѣкъ мыслитъ?* И вопъ, какъ онъ взялся за эпо. Во первыхъ Канпъ разсмаприваетъ разумъ челоувѣчскїй въ двоякомъ опношенїи: сперва зависимо опъ чувспвъ и за ихъ посредспвомъ дѣиспвующїй, называя сіе состоянїе эмпирическимъ. Послѣ сего разсмаприваетъ разумъ независимо опъ чувспвъ, называя оный въ семь положенїи *гистымъ*. При семь онъ признаетъ *гистому разциу* извѣспныя истины и законы, приобрѣшен-

---

(*) Здѣсь слѣдуешь выписка изъ Лихтенберга о Канпѣ.

ные имъ не посредствомъ чувствъ, но которые суть его принадлежностями, и существуютъ независимо отъ какихъ либо другихъ причинъ или ощущений. Спрашиваетъ Кантъ и старается изслѣдовать: что такое есть во всякомъ чувствованіи дѣйствиемъ *тцества*, и что дѣйствиемъ *тцстаго ума*? Для изъясненія сего вопроса онъ возобновилъ древнюю обманчивую науку Перипатетиковъ о манерѣ и формѣ, раздѣливъ и раздробивъ при семь способности умственные, шочно такъ, какъ способности воображенія, надѣлъ имъ формы, назвавъ *Категоріями*, и таковыхъ опредѣлилъ 25. Наконецъ сіи раздѣленія и формы облекъ новыми названіями, отъ чего родилась его темная, непонятная, запутанная номенклатура, а на семь основаніи возникла и цѣлая наука, составленная изъ страннѣхъ и непонятныхъ словъ и рѣченій, гдѣ умъ, шакъ сказано, вѣзнетъ въ опвлеченныхъ нелѣпостяхъ. Кто, напримеръ, пойметъ, что время и пространство (*Spatium*) суть формы *тцства*, а Богъ, душа человѣческая и вселенная формы *ума*, и проч.

Такимъ образомъ Кантъ, воскресивъ спарыя бредни и колеблясь между идеализмомъ и догматизмомъ, составилъ новую свою науку, названную имъ *Критицизмомъ*, которая превзошла однакожь всѣ прежнія темнопою, софистическими поноспями и варварскимъ языкомъ. Философію сію, называемую такъ же *Трансцендентальною* (возвышенною), назвалъ справедливо Якоби: *Невѣденіе, доказанное и объявленное высокимъ языкомъ*.

Такая и подобныя ей науки ведутъ шолько къ поперѣ времени и круженію головы; ибо опышы удосповѣрили, что изъ всѣхъ сихъ опвлеченныхъ умспвованій родъ человѣческой не извлекъ ни малѣйшей пользы и не открылъ ни одной спасительной истины.

Всякій здравомыслящій человекъ увѣренъ, что основательность умспвованія зависитъ не отъ формы и въ оной не нуждается, но отъ основательнаго познанія непреложныхъ причинъ и доказательствъ, отъ изысканія одной истины въ другой и извлеченія изъ оныхъ благихъ послѣдствій и отъ опредѣленія раз-

стоянія, въ какомъ находились на пути умствования мысль или предложеніе отъ неопровержимой истины.

И такъ, оставя схоластическія и діалектическія понюскы, будемъ слѣдовать насъпавленіямъ великихъ философовъ, научающихъ насъ, что въ изученіи природы одни только феномены и послѣдствія предспавлены нашему наблюденію. Въ изслѣдованіи какихъ либо вещей или предметовъ мы должны разспапривать оныя въ отношеніи къ намъ, а не въ отношеніи къ ихъ собственному бытію, ибо таковыя познанія выходятъ за предѣлы ума человѣческаго и вовсе намъ безполезны.

Показавъ въ семь краткомъ разсужденіи заблужденія древней и новой школы Меллафизиковъ, мнѣ кажется, что я довольно ясно изъяснилъ, въ чемъ состоиптъ Меллафизика наукъ, и сколь благія послѣдствія произошли отъ ея вліанія. Еще великій подвигъ предспоиптъ уму человѣческому для усовершенствования всѣхъ отраслей нашихъ познаній. Со всѣмъ тѣмъ должно надѣяться, что время, тер-

пѣніе, опытъ и непринужденное сообще-
ніе нашихъ чувствъ, мыслей и понятій,
доведуть насъ хошя по трудному пути
до храма истины, откуда происпека-
етъ все благо рода человѣческаго.

Veritas nunquam latet. Seneca.

Ф. Булгаринъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ Д Е Л І Ю.

О Д А.

(Св Латинскаго).

Напрасно мы, Делій, мечтаемъ найти
Въ сей жизни блаженство прямое!
Небесные боги не дѣляся имъ
Съ земными дѣльми Прометей.

* * *

Похищенной искрой созданье свое
Дерзнулъ оживить безразсудной:
Безсмертныхъ онъ презрѣлъ — и страшная

казнь

Поспигнула чадъ святопапашства!

* * *

Нашъ тягостный жребій — положенной срокъ
Томишься болѣзненной жизнью,
Любишь и лелѣешь недугъ бѣшій
И смерти оспрадной спрашишься!

* * *

Нужды непреклонной слѣпые рабы,
 Рабы самовласнаго рока :
 Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
 Случайная жизнь покоряешъ.

* * *

Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь;
 Намъ памятно небо родное :
 Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
 Сшремимся неяснымъ желаньемъ.

* * *

Вошце! Мы надолго опровержены имъ!
 Сіаешъ красою надъ нами;
 На брентную землю безпечно оно
 Торжественный сводъ опираешъ:

* * *

Но намъ недоступно! Какъ алчный Ташпаль
 Стараешъ средъ влаги прохладной,
 Такъ, сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій
 міръ,
 Томимся мы жаждою счастья.

Баратынскій.

СОГЛЯДАТАЙ.

(Молодому друцѣ.)

Эдвинь, выходишь ты изъ дѣшсѣва —
И я тебѣ, мой юный другъ,
Высокую открою пайну:
Но прежде съ кляшвой обѣщай
О ней глубокое молчанье!
Эдвинь, оставь свою безпечность
И зорко за собой смотри!...
Мой другъ, ... скажешь ли то, что знаю? —
Но я хочу тебя спасти —
Узнай: въ пупяхъ невѣрной жизни,
Гдѣ ты безпеченъ, какъ дитя,
Ты ходишь *не одинъ* . . . . и всюду
Незримо сморщивъ за собой!
И всѣ шаги твои считающъ;
И всякъ всѣ твои дѣла;
И нѣтъ уединенья въ мѣрѣ:
Гдѣ бы ни былъ ты, *другой* съ тобой;
Онъ зорокъ *невидимецъ* тайный!
И неощущенъ онъ, какъ щель!

Куда бѣ ни шель ты, онъ, незримый;
 Украдкой ходишь за собой...
 Но не гони его — и въдай,
 Чшо смотришь онъ не для себя,
 Не по своей онъ ходишь волю:
 Онъ посланъ . . . Не пугайся, другъ;
 Когда *невидимаго* шорохъ
 Въ тиши услышишь за собой:
 И онъ умѣетъ бытъ привѣтнымъ
 И душу сладостно *ласкать!* . . .
 Ахъ, грустно съ нимъ, Эдвинъ, разстанься —
 Чшо шагъ, шо гибель безъ него!
 О, юный другъ, его, къ несчастью,
 Такъ скоро можно усыпить! —
 Но, есlibъ зналъ ты, какъ ужасенъ
 Онъ въ пробужденіи *своёмъ!* . . .
 И шакъ, не бойся: пусть онъ видитъ
 Всѣ тайны сердца своего:
 Смѣйся, смѣйся *въ дороге жизни:* —
 Не унывай! — Но забудь,
 Чшо *не одинъ* ты въ міръ ходишь,
 И зоркой смотришь за собой! . . .

Ф. Глинка

БОЛѢЗНЬ ФИЛЛИДЫ.

(Идиллія.)

~~~~~

Филлида моя нездорова,
Филлида въ постелю слегла!
Поухляи и свѣшлые взоры
И алый румянецъ погасъ!
Лишь вечеромъ — солнца къ закатамъ —
Нерѣдко опть жара у ней
Лице разгараешся снова;
О какъ и больная погда
Бываетъ Филлида прекрасна

Вчера я пришелъ навѣститъ
Филлиду. Она почивала.
Все тихо и мрачно кругомъ.
Сквозь вѣшви вуспаго плашана
Едва проникали въ окно
Лучи заходящаго солнца.
Печальная нѣжная мать
Сидѣла въ ногахъ у постели.
Я спалъ, и уныло смошрѣлъ
На милую сердцу — больную.
Какъ рѣдиси щеки у ней,
Какъ грудь высоко поднималась
Вдругъ слышу, счастливецъ, она
Во снѣ говоритъ, и о Боги...

Меня призываетъ къ себѣ:

„Куда ты, куда удался,

„Любезный мой, милый Цефизъ?

„Зачѣмъ меня въ этой пустынь

„Покинулъ, оставилъ одну? ...

„Цефизъ, я стараю опть жажды —

„А солнце ужасно печетъ:

„О, дай же хоть каплей одною

„Засохшій языкъ прохладишь!“

Сказала, глубоко вздохнула,

И скоро замолкла опять.

Внезанно съ ужасною силой

Какая-то новая грусть

Моею душой овладѣла.

Я вышла. Злапою чертой

Сіяла заря предо мною;

Повсюду была тишина;

Колѣна мои подогнулись;

Я руки къ Олимпу просперь;

Взглянулъ на лазурное небо —

И шеплая сердца мольба

Въ слезахъ пролилась за Филлиду! —

Угодна безсмершнымъ Богамъ

Молишва души сокрушенной —

Пріясны имъ слезы любви:

Сего дня поупру услышалъ,

Что легче Филлидъ моей.

Панатовъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ ПАНАЕВУ.

Credo Pudicitism Saturno Rege moratam
In terris, visamque diu, cum frigida parvas
Praeberet spelunca domos. ignemque, laremque,
Et pecus et dominos communi clauderet umbra.
Iuv. Sat. VI.

Ты прелести злапаго вѣка
Времянъ прошедшихъ воскресилъ,
Но, ахъ, шого ли человекъ,
Пѣвецъ, шы намъ изобразилъ,
Который нынѣ унижаешъ
Своей планешы красошу?
Пѣвецъ мой, шы воспѣлъ мечпу!

Природа намъ не измѣняешъ,
Природа какъ была — всё та —
Когожъ изъ насъ Адамъ узнаешъ?
Такъ, паспушки швой — мечпа!
Она лишь сердцу добрыхъ вняшна:
Мечшы блаженства не мечшы! —
И шѣнь его для насъ пріятна,
Упавшимъ съ горней высоты,
Упраздившимъ права всё наши,
Изъ свѣша обращенныхъ въ прахъ; —
Такъ, человекъ естъ Ангель падшій,
Тоскующій о небесахъ!

Пѣвецъ любезный, бросимъ взоры
Мы древней Апшики въ страны —
Всё шѣже высятся шамъ горы,
Холмы плодомъ испещрены,
Шумяшъ густыхъ плашановъ своды,
Въ снѣгахъ Олимпъ, въ цвѣсахъ Тайгешъ —

Надъ ними пролетѣли годы,
 Но измѣненія въ нихъ нѣшъ.
 Всѣ шѣжъ гремяшъ криспальны рѣки,
 Всѣ шѣжъ шелковые дуга,
 Но, другъ мой, шѣлижъ человекѣи
 Храняшъ Эгейскіе брега?
 Грекъ — Аѣинянинъ спалъ мечшою,
 Арѣй Аѣины сокрушилъ —
 И Турокъ съ шалевою чалмою
 Тамъ Мильшадовъ замѣнилъ;
 Мизитрой нынѣ Спарша спала —
 И Алькоранъ даешъ законъ,
 Гдѣ вѣра чистая сіяла
 И Бога прославлялъ Плашонъ!

О другъ мой, вошъ картина вѣка,
 Въ кошоромъ мы шеперь живемъ —
 Кто въ насъ узнаешъ человекѣа?
 И гдѣ же отблескъ Бога въ немъ?
 И гдѣ печашъ, по коей можно
 Признашъ во мнѣ земли Царя? ...
 Панаевъ, согласишься должно,
 Слѣпую гордость усмиря:
 Какъ Туркъ предъ древнимъ Грекомъ нынѣ,
 Такъ передъ праощами мы! ...

Вошъ униженіе гордынѣ!
 Смирипешъ дерзскіе умы! ...

.....
 .....

Норовъ.

~~~~~

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Пр. Тих. Чир—ной.

Подъ тѣнью миртовъ и акацій,
Въ могилѣ скромной сей
Дежишь прелестная подруга юныхъ Грацій:
Ни плачущій Эрощъ, ни скорбный Гименей,
Ни прелесть Майской розы,
Ни друга юнаго, ни двухъ младенцевъ слёзы
Спасши Полину не могли!
Судьбы во цвѣтѣ лѣтъ на вѣки обрекли
Ее изъ пламенныхъ объятий
Супруга нѣжнаго, дѣлей, сесперь и брашій
Въ объятія хладныя земли . . .

К. Рылевъ,

УДѢЛЪ ПОЭЗІИ.

Какъ мѣсяць молодой на спящую природу
    Лучи серебряные льешь;
Какъ ранній соловей веселье и свободу
    Въ дубравѣ сумрачной поешь;
Какъ свѣшлый ключъ въ слепи, никѣмъ не-
    посѣщенной,
    Прохладною струею бьешь:
Такъ вдохновенный жрецъ Поэзіи священной
    Свой голосъ громкій подаешь —
Онъ пламенную пѣснь надъ хладною землёю
    Въ восшоргъ чистомъ заведешь;
Промчипся гласъ его, исполненный душою,
    И невидимый умреть! . . .

Плетневъ.

С М Ъ С Ъ.

О НОВОМЪ ИЗДАНИИ БАСЕНЬ И СКАЗОКЪ

А. Е. Измайлова.

Новая хорошая книга есть подарокъ для любитель и знатоковъ Словесности. Образованный вкусъ непрестанно ищетъ новыхъ удовольствій, какъ своей пищи. Особенно у насъ въ Россіи каждое произведеніе дарованія должно быть уважено и принято съ любовью и почетомъ. Въ нашихъ Библіотекахъ еще не такъ много хорошихъ Русскихъ книгъ. Нѣмцы, Французы и Англичане запридумываются въ выборъ изъ безчисленнаго множества превосходныхъ сочиненій; а мы оспаемся въ недоумѣніи, изъ чего составили небольшое собраніе хорошихъ книгъ.

Судя по сему, можно сказать, что А. Е. Измайловъ имѣетъ право на признательность просвѣщенной публики. Онъ, при всѣхъ своихъ занятіяхъ по службѣ и по изданію Журнала, постоянно прудился надъ усовершенствованіемъ своихъ сочиненій. Васни и Сказки его въ первый разъ вышли въ 1814 году.

Черезъ два года онъ сдѣлалъ второе изданіе, увеличивъ его почти вдвое прошивъ перваго. Въ 1817 прибавилъ ко второму изданію цѣлую часть новыхъ своихъ Басень и Сказокъ, гдѣ помѣщенъ былъ и прекрасный его опылъ о разсказѣ басни. Въ нынѣшнемъ году онъ приступилъ къ четвертому изданію, подъ названіемъ: *Басни и Сказки А. Измайлова, съ присовокупленіемъ Опыта о Разсказѣ Басни и разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ Басенъ лучшихъ Россійскихъ Фабулистовъ.*

Сіе изданіе имѣетъ многія преимущества предъ прежними. Въ немъ есть десять новыхъ стихотвореній: двѣ Басни — 1. *Павлинъ, Щегленокъ и воробьи*, 2. *Левъ и лисица*; восемь сказокъ — 1. *Кощей и Лѣкаръ*, 2. *Купецъ Брюхановъ*, 3. *Простодушная*, 4. *Нестатный Любвникъ*, 5. *Служанка*, 6. *Крестянинъ и Клята*, 7. *Клятва Пяницы*, 8. *Собака и Воръ*. Сверхъ того здѣсь помѣщенъ *Опытъ о разсказѣ басни съ разборомъ нѣкоторыхъ образцовыхъ басенъ лучшихъ нашихъ Фабулистовъ* — и прежнія басни и сказки самаго автора имъ выправлены. Кромѣ сего внутренняго преимущества, новое изданіе имѣетъ и наружное новое достоинство. Оно напечатано очень исправно на хорошей бѣлой бумагѣ и всѣ сочиненія методически раздѣлены на три части: съ первой помѣщены собственно, какъ

называемыя, *Басни*, или *Апологи* (fables morales & mixtes); во второй *Притчи* и *Сказки* (fables raisonnables & contes); въ третьей о-
пытъ о разсказъ басни и разбора басенъ.

Извѣщая просвѣщенную публику о семъ прекрасномъ подаркѣ, котораго сдѣлала ей А. Е. Измайловъ, мы не можемъ опказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не сказать нѣсколько словъ вообще о его стихотвореніяхъ. Какъ писатель, Г. Измайловъ стоить на ряду со стихотворцами нашего времени. Слогъ его чистъ, а стихосложеніе свободно. Въ нѣкоторыхъ его сказкахъ есть выраженія слишкомъ просонародныя и еще не введенныя другими писателями въ книжный языкъ. Впрочемъ, судя по двумъ или тремъ піесамъ, мы не согласны рѣшительно назвать его *Русскимъ Тендеромъ*, какъ ошозвались о немъ въ Парижѣ ГГ. Издатели Журнала: *Revue Encyclopédique*, нынѣшняго года. Для опредѣленія достоинства сочинителя и характера его произведеній, надобно смотрѣть на большую часть его піесъ, а не на нѣкоторые. При томъ же своеравіе вкуса нерѣдко служило доказательствомъ истиннаго, неподдѣльнаго дарованія, которое чуждается рабскаго подражанія. Какъ Виснописецъ, Г. Измайловъ стоить нѣсколько ниже Крылова, Дмишріева и Хемницера. Хотя въ описаніи подробностей и

легкости разсказа онъ все имѣеть, чего пре-
 бують оны Баснописца; но у него цѣлое не
 всегда соотвѣствуетъ часпямъ своимъ. Есть
 сказки, въ которыхъ заключеніе не слишкомъ
 связано съ началомъ, на прим: въ сказкахъ
Купецъ Брюхановъ и *Собака и Воръ*. Уступая
 первенство предъ собою классическимъ на-
 шимъ Баснописцамъ, Г. Измайловъ все ос-
 таенся въ числѣ лучшихъ нашихъ поэтовъ.
 Вобровъ и Державинъ, какъ лирическіе спи-
 хопворцы, сшоятъ не рядомъ; однакожь каж-
 дой доставляетъ знатоку поэзіи особеннаго
 рода удовольствіе и, по разнымъ обстоятель-
 ствамъ, шѣмъ не менѣе пріятное. Какъ умо-
 зришель своего искусства, Г. Измайловъ ни съ
 кѣмъ изъ нашихъ писателей не дѣлитъ своей
 славы. Онъ первый, руководствуясь вкусомъ
Ламонша, *Вашпё*, *Мармонтеля*, *Лессинга*,
Шамфора и *Лагарпа*, написалъ остроумныя за-
 мѣчанія въ разсужденіи разсказа басни, обо-
 гативъ ихъ примѣрами, какъ изъ Рускихъ,
 такъ и иностранныхъ баснописцевъ.

Изъ сего краткаго разбора его сочиненій
 можно видѣть, что они заслуживаютъ осо-
 бенное вниманіе публики, а преимущественно
 людей, посвятившихъ себя занятіямъ по
 часпи словесности.

Подписка на *басни и сказки Г. Измайло-
 ва* принимается въ *С. Петербургѣ* у самаго со-

чинителя, издателя журнала *Благонамеренный*, живущаго на пескахъ прошивъ Бассейна, между бывшею 9 ротою и Импаліанскою слободою, въ каменномъ шрехъэтажномъ домѣ Моденова подь N 283, и у книгопродавцевъ: Плавильщикова, Слѣнина и Переплещикова, а въ Москвѣ у содержателя Университетской типографіи *А. С. Ширяева*. Цѣна назначается самая умѣренная, а именно: за всѣ при часпи, изъ коихъ въ первой 65 стран., во второй 107 стран., а послѣдняя будетъ гораздо двухъ первыхъ, *десять* рублей. За пересылку прилагаешь денегъ не нужно. Имяна подписавшихся особъ припечатываются при шрешей часпи. Первыя двѣ часпи продаются особо, каждая по 4, а обѣ вмѣстѣ по 8 рубл. Третья часпъ выйдетъ въ непродолжительномъ времени и продаваться будетъ по 7 руб. Подписка прекратится съ 1 ч. Ноября сего года.

ВСЕ НЕ ВПОПАДЪ.

Chaque mot qu'il prononce est une maladresse.

Goldsmith.

Есть люди, у которыхъ въ головѣ находится вѣчно хаосъ идей. Эти люди не знаютъ, что думаютъ, что дѣлаютъ, чего желаютъ. Они безпрестанно заняты множествомъ различныхъ предметовъ и, ни на одномъ изъ нихъ никогда не останавливаются. Эти несчастные большею частію смѣшны, а иногда и жалки. Таковъ пріятель мой Баронъ Лесповъ. Онъ обязанъ, добръ, уменъ; но между тѣмъ никто больше его не дѣлаетъ глупостей въ обществѣ. По этому странному образованію головы, одни почищаютъ его въпреннымъ, другіе безумнымъ, претъи насмѣшникомъ. Отъ того же онъ бывалъ иногда въ весьма трудныхъ обстоятельствѣхъ, лишился многихъ знакомыхъ и, не желая нико-

му сдѣлать непріятности, не произноситъ двухъ словъ, не сказавъ чего нибудь колкаго и часто даже обиднаго.

Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ все также разсѣянъ, каковъ бывалъ и за шриццать лѣтъ, когда я съ нимъ познакомился. Доказательствомъ сего можетъ служить то, что онъ всякой день забываетъ завести часы свои и, спавъ ихъ попомъ наобумъ, не привзжаетъ никуда во время. Въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ онъ безпрестанно показываешь глупости, и: п.; вспрѣчаясь со вдовцомъ, онъ спрашиваетъ о женѣ его; часпо у дѣвушки спроситъ, здоровы ли ея дѣти; у женщины разведшейся съ мужемъ, что подѣлываетъ судругъ ея, и если двое поссорились, то онъ попроситъ одного поклониться опъ него другому.

Однажды онъ звалъ меня къ себѣ для того, чтобы ѣхать верхомъ въ деревню. Мы долго ждали, наконецъ онъ позвонилъ, спросилъ, готовы-ли лошади и слуга напомнилъ ему, что онъ самъ опослалъ ихъ въ шопъ же день поушру къ одному изъ своихъ пріятелей.

Въ другой разъ онъ хотѣлъ обѣдать на дачѣ; часа два ждалъ своей карешы, наконецъ вспомнилъ, что онъ послалъ ее за своими племянниками въ пансіонъ и принужденъ былъ ошпаться дома.

Но никогда не былъ онъ шакъ разсѣянъ,

какъ однажды, когда мы были съ нимъ вмѣстѣ у Графини С. Онъ еще въ первой разѣ обѣдалъ въ этомъ домѣ—и, не желая прѣхать, по обыкновенію своему, поздно, явился за три часа до обѣда. Лакеи, бывшіе въ передней, смотрѣли на него съ удивленіемъ и шихонько говорили одинъ другому: „онъ съ ума сошелъ; кто прѣзжаетъ въ такое время!“ Однако его ввели въ гостиную и сказали, что Графъ скоро выйдетъ. Лесковъ нашелъ на столѣ журналъ и сидѣлъ одинъ шакъ долго, что могъ бы прочесть его по складамъ; но къ счастью попался ему еще сапирическій романъ и собраніе стихотвореній: онъ началъ ихъ перелистывать.

Наконецъ дверь отворяется и входитъ Графиня. Лесковъ никогда не видалъ ея; но зналъ старшую сестру ея Баронессу С., которая была чрезвычайно на нее похожа. Ободренный ласковымъ приѣмомъ Графини, онъ сказалъ ей: „Мнѣ не нужно, сударыня, спрашивать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить: чрезвычайное сходство съ вашею дочерью... — Съ моею дочерью, вскричала Графиня: у меня нѣтъ дочери. Вы вѣрно ошибаетесь. — Вѣроятно, Графиня, однако... точно шакъ, сударыня, бытъ можете... извините меня. Между тѣмъ вошла Баронесса. „Вошъ, продолжалъ онъ, дама, о которой я говорилъ вамъ и ко-

шорую я принималъ за вашу дочь. Мое почтеніе. Баронесса, я очень радъ, что вижу васъ въ добромъ здоровьи. (Она только въ первой разъ вышла послѣ болѣзни, что было весьма примѣшно на лицѣ ея). Въ самомъ дѣлѣ сходство. . . “ — Не удивительно между двумя сестрами, сказала Графиня сухо; Баронесса прѣмъ годами меня спарѣ. Дѣйствительно говорять, что у насъ есть что-то общее, фамильное. „Сходство чрезвычайное, особенно въ глазахъ. (Баронесса коса до крайности).“

Дамы захохошались. „Не ужели, сударь? спросила Графиня.“ — Онѣшъ, ни сколько, сказалъ Лестовъ, которой тогда только увидѣлъ, что оба глаза Баронессы безпрестанно смотрять на носъ. — Мнѣ очень совѣстно, что вы такъ долго были одни; я вижу, что вы просматривали эпошъ романъ; каковъ онъ вамъ кажешся? — „Прекрасенъ; сударыня, забавенъ и оспроуменъ. Какъ хорошо описанъ въ немъ оспавной профессоръ, которой всѣхъ учить, а котораго никто не слушаешъ! Какъ вѣрно изображена достойная наслѣдница Мольтеровыхъ ученыхъ женщинъ!“,

Авторъ изобразилъ въ романѣ Баронессу — и она въ эпошѣ не сомнѣвалась.

„Не читали-ли вы эшаго собранія спихотвореній, спросила Баронесса, желая помочь ему: эпо бездѣлки, писанныя на случай, вдох-

новенныя обстоятельствовами.“ — Тотню такъ, сударыня, бездыки, пуспяки, кошорые не спо- лять шого, чшобы заняшья ими одну мин шу, изданные для шого, чшобы у глумцовъ выма- нить деньги. — Можешъ бышь, чшо это пу- спяки; но я писала не для шого, чшобы у ко- го нибудь выманишь деньги, но для прїяшелей, кошорые снисходительнѣе Барона Леснова. Онъ былъ въ опчаянїи! „Виновашъ, вино- вашъ, Баронесса, вскричалъ онъ, я увѣрю васъ..... я думалъ..... я не зналъ.....“

„Очень, очень радъ, чшо вижу тебя, лю- безный мой Лесновъ, говорилъ Графъ, входя въ комнату; я боялся, чшобы ты не забылъ моего приглашенїя. Это мой старинный прїя- шель, прибавилъ онъ, обращаясь къ Графинѣ, ко- шорая посмошрѣла на него съ такимъ видомъ, какъ будно хошѣла сказаць: поздравляю васъ..

Госши начали собиращься и экипажи прї- ѣзжали за экипажами. Графъ ошвелъ прїяше- ля своего въ спорону и сказаць ему: знаешь- ли, мой милон, чшо уже шри года, какъ мы съ шобою не видались? Въ это время я побывалъ въ Неаполь, въ Римъ и, возвратясь опшуда, же- нился. Мнѣ очень хошѣлось познакомишь те- бя съ Графиней и она всегда будешъ очень ра- да видѣшь тебя у себя въ домъ. — Она пре- лесшна, любезный графъ, ловка, умна, обходи- тельна и я вижу, чшо ты не останешься безъ

послѣдникомъ; черезъ нѣсколько недѣль надобно будетъ разпустить шнурки ея корсета и я тебя заранѣе проздравляю. — Правда, ошвѣчалъ Графъ, что жена моя нехуда; но это не пошому, почему ты думаешь. Графъ ошошелъ, а бѣдный Лесновъ чрезвычайно досадовалъ на себя, когда узналъ, что другъ его женатъ еще только одинъ мѣсяць.

Въ это время прїѣхалъ Подковникъ Пряковскій; поздоровался съ козлевами, поклонился госпямъ и, увидя Леснова, пошчасъ попалъ на него. „Прекрасно вы сего дня со мной поспушили! Хопѣли за мной заѣхали! Прождавши два часа, я нахожу васъ здѣсь! — Извинише меня, любезный Полковникъ! Въ этомъ виноватъ проклятой мой кучеръ: не надѣясь на свою память, я ему велѣлъ напомнише, а онъ забылъ; впрочемъ его можно просшише, пошому что онъ Малороссъ, а извѣстно, что всѣ Малороссы забывчивы. — Милостивый Государь, сказалъ Полковникъ, я Малороссъ, но никогда ничего не забывалъ и не измѣнялъ своему слову....

Лесновъ замолчалъ и не развѣвалъ рта до самаго обѣда.

Осперегаясь самаго себя, онъ во время шпола молчалъ. Наконецъ Графъ, примѣшивъ его жалкой видъ и сказалъ ему: „Слышалъ-ли ты, любезный другъ, что общій прїѣшелъ нашъ

Суминъ продалъ домъ свой за 200 тысячъ рублей; думаль-ли шы, чшобы онъ шакъ дорого споилъ? — Никакъ не думаль, Графъ; а што мена удивило шочно шакже, какъ разводъ госпожи До . . . . . (взглядъ Графа оспанови ъ его) — што ешь, смерть Го . . . (другой, взглядъ) — или лучше, женидба Кацшпана Знашова на дочери купца.

Не смотря на всѣ знаки Графа, Лешповъ договориль. Замѣшшыше же, чшо разведенная дама была прямо прошивъ Барона; направо дѣвушка въ праурѣ, дочь шого, о смерти кошораго онъ говориль, а налѣво сидѣлъ брашъ Кацшпана Знашова.

Всѣ смотрѣли другъ на друга и нѣсколько минушь въ залѣ царшвовало глубокое молчаніе. Лешповъ эпо примѣшилъ, краснѣлъ, кашлялъ, пиль воду, и, начавши говориль съ своимъ сосѣдомъ, шакъ заикался, чшо шопъ, имѣя несчасшіе бышь зайкой, подумаль, чшо онъ надъ нимъ насмѣхаешся.

Во время десерта привели четшверыхъ дѣшей, племянниковъ и племянницъ Графа. Всѣ ихъ ласкали — и Лешповъ, желая оправившься, выпиль рюмку вина, обратилъ къ опцу ихъ, кошорой дурень до крайности, и сказалъ ему: „Какія прелестныя дѣши, я никогда не видалъ милѣ ихъ! Всѣ они ваши? — По крайней мѣрѣ въ эшомъ увѣрешъ жена моя. Всѣ

красябли, улыбались и Баронъ смѣшался еще болѣе

Но бѣдствія его еще не кончились. После обѣда начали говорить о Д., котораго онъ недавно видѣлъ. Одна дама спросила его, что онъ думаетъ о семь превосходномъ поэтѣ. „О, онъ прекрасенъ, восхищенъ! Жаль только, что онъ хромъ!“ — Да о чемъ вы говорите: о немъ, или объ его сочиненіяхъ? — Объ его сочиненіяхъ, сударыня, ошлѣчалъ онъ, замѣтивъ, что подлѣ него стоялъ брѣштъ Графа, который также былъ хромъ; но видя, что всѣ смотрятъ на него съ удивленіемъ и отдавая полную справедливостъ одному изъ лучшихъ писателей, онъ хотѣлъ поправить свою ошибку. „Я не смѣюсь ни надъ нимъ, ни надъ его сочиненіями, но..... по чеспи..... извините меня....., я право не знаю, что хотѣлъ сказать.“

Всеобщій смѣхъ послѣдовалъ за симъ признаніемъ, и бѣдный Лесповъ, приспыженный, осмѣянный, взявъ шляпу и ушелъ, не просиявъ ни съ кѣмъ. Воспоминаніе его глупостей мѣшало ему спать во всю ночь. Съ тѣхъ поръ онъ уже не показывался въ домъ Графини С. и поступалъ весьма благоразумно, потому что она велѣла опказывать ему всякой разъ, какъ онъ пріѣдетъ. Теперь онъ не видится ни съ кѣмъ изъ этой фамиліи.

Такимъ образомъ бѣдный Баронъ лишается всѣхъ своихъ знакомыхъ. Я даже боюсь, чтобы безпреспанная его неосмотрительно-сти не причинили ему когда нибудь несчастія, потому что обида, сдѣланная безъ намѣренія — все — таки обида. Вообще надобно признаться, что разсѣянность есть самое несчастное разположеніе души.... а у насъ есть еще молодые люди, которые хотятъ казаться разсѣянными!

(Вольной переводъ изъ L'Hermitte de Londres).

А. Огкинъ.

О НѢКОТОРЫХЪ ОТКРЫТІЯХЪ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И МАНУФАКТУРАХЪ
ВЪ ПРОШЕДШЕМЪ 1820 ГОДУ.

(Окончаніе)

~~~~~

*Приготовленіе красной краски, имѣющей
блескъ выше кармина.*

Жидкой амміакъ, налитой на карминъ при теплотѣ 12° R, растворяетъ въ себѣ красильное вещество сей краски и оставляетъ осадокъ, имѣющій землистой видъ и блѣдно-красный цвѣтъ. Г. Гротеусъ вздумалъ отдѣлить посредствомъ амміака сіе крающееся начало, придающее краскѣ живой блескъ и онъ успѣлъ въ этомъ помощію конденсированной уксусной кислоты. Онъ вливалъ по каплѣ сей кислоты въ щелочной растворъ до тѣхъ поръ, пока амміакъ совершенно насытился. При семъ образовался осадокъ необыкновенно блестящій, коего чрезвычайная тонкость требовала прибавленія виннаго спирта къ жидкости для уменьшенія густо-

шы оной. Сіе прибавленіе осадило краску, олазавшуюся во всемъ блескъ. По слишій жидкости; сдѣлавшейся безцвѣтною, и обмывъ осадокъ виннымъ спиртомъ, онъ его высушилъ. Сіа превосходная краска можетъ бытъ съ великою пользою употреблена для миніатюръ. (*Annales générales des Sciences physiques, septembre 1820.*)

Приборъ для очищенія морской воды.

Извѣстенъ прекрасный и экономическій приборъ для перегонки и отдѣленія солей отъ морской воды, выдуманный Гг. *Фрейсине и Клеманомъ*. Но вода, получаемая посредствомъ сего прибора, хошя и лишается соленого вкуса, однакожь удерживаетъ эмфиревомашической запахъ, котораго щцетно спарались лишить ее. Кажется, что Г. *Николай*, аптекаръ въ Діеппѣ, нашель способъ лишать воду непріятнаго запаха, посредствомъ цѣдилки, покрытой слоемъ угля, черезъ которой пары должны проходить. Подробности сего процесса находяшяся въ сочиненіи, читанномъ въ Медицинскомъ обществѣ въ Діеппѣ. Сіе сочиненіе содержишь въ себѣ любопытныя изысканія способовъ, употребленныхъ въ древнія и въ новѣйшія времена для обезпеченія мореплавателей въ прѣсной водѣ и способовъ, употребленныхъ до сихъ поръ для отдѣленія

солей опть морской воды и для очищенія болонныхъ и проч. водъ. (Revue Encycl., septembre 1820).

Увеличеніе яркости пламени водороднаго газа.

Пламя водороднаго газа можешъ принять большую яркость, когда сей газъ будетъ содеркать въ себѣ пары перебенпиннаго масла. Докторъ Гарбъ, въ Филадельфіи, воспользовался симъ свойствомъ, примѣшавъ сіе масло къ веществамъ, назначеннымъ для полученія газа, употребляемаго для освѣщенія, и опть сего произошелъ свѣтъ, гораздо ярчайшій, нежели шопль, копорый производить опть чистаго углеводороднаго газа. Онъ нашель еще, что одна часть виннаго спирта, смѣшаннаго съ семнадцатою частію сего масла, горитъ гораздо сильнѣе, нежели чистый винный спиртъ. Есть опредѣленная пропорція при копорой сіи соединенныя жидкости горять безъ дыма. (American Journal of Sciences, T. II).

Фонарь съ водороднымъ газомъ, изобрѣтенный Г. Гордономъ.

Г. Гордонъ, въ Единбургѣ, получилъ привилегію на изобрѣшеніе фонаря, въ коемъ горѣніе происходитъ посредствомъ водороднаго газа. Цилиндръ въ девять дюймовъ вышиною, и шесть дюймовъ въ діаметрѣ, содер-

жить газъ, сжатый посредствомъ поршня (такъ что 20 или 30 частей газа по объёмности сжаты въ одну часть). Сей цилиндръ закрывается краномъ особеннаго устройства, пропускающимъ газъ чрезъ большее или меньшее отверстие. Такимъ образомъ по произволу можно производить пламя сильное, употребляя сей фонарь вмѣсто ночника, или весьма яркое, подобное пламени нѣсколькихъ свѣчь. Шаръ, имѣющій одинъ футъ въ діаметрѣ, можетъ содержать въ себѣ достаточное количество газа для горѣнія въ продолженіи двѣнадцати часовъ. (Revue Encycl., janvier 1820).

Примѣч. Большая часть сихъ замѣчаній извлечены изъ вѣдѣшаго сочиненія, издаваемого ежегодно въ Парижѣ подъ названіемъ: Archives des découvertes & des inventions nouvelles (1821); нѣкоторыя, какъ то: объ электромагнетическихъ опытахъ, изъ журналовъ: Annales de Chimie & de Physique, Bibliot. universelle и Revue Encycl.; а остальные изъ рукописныхъ записокъ Гг. Соколова и Власова, коимъ угодно было отдать сіи записки въ наше распоряженіе.

Меншенинъ.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА.

I.

Его Высокопревосходительство Г. Попечитель Общества Иванъ Ивановичъ Дмитриевъ, въ знакъ особеннаго своего благоразположенія къ сему Сословію, предоставилъ оному право напечатать полное собраніе своихъ стихотвореній, однимъ или двумя изданіями, по разсужденію Общества, съ тѣмъ, что доколь оное не разоидется, онъ Г. Попечитель ни самъ издавать, ни передавать на то права, кому либо другому, не будетъ. Общество, принявъ съ чувствомъ истинной признательности столь знаменитый даръ своего Попечителя и желая, что бы творенія классическаго писателя, освященныя славою и уваженіемъ соотечественниковъ, были изданы достойнымъ образомъ, соспавило, на основаніи § 122 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Устава своего, особый Комитетъ, изъ девяти Чле-

новъ состоящій, и поручило ему изданіе какъ сихъ списхошвореній, такъ и другихъ находящихся въ Обществѣ полезныхъ для опечесшвеннаго просвѣщенія рукописей. Исполненіе перваго изъ сихъ предметовъ Комитетъ возложилъ на чепырехъ Членовъ своихъ: Н. И. Гнѣдича, Н. И. Греча, Ө. В. Булгарина и П. А. Пleshнева, а изданіе рукописей предоспавиль прочимъ своимъ членамъ.

II.

Учитель 2 Кадешскаго Корпуса Г. Борзцовскій, предоспавивъ сочиненную имъ рукопись, подъ названіемъ: *Краткое руководство къ Логикѣ, или прямое употребленіе разума къ мышлованію и разлитенію истиннаго отбложнаго*, просиль Общесшво оказатъ ему въ изданіи сей рукописи свое пособіе. Общесшво, разсмошрѣвъ сочиненіе и найдя оное полезнымъ для первоначальнаго упражненія юношесшва, напечатало книгу на свой счешъ и всѣ экземпляры оной предоспавило въ пользу Г. Борзцовскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ продажею экземпляровъ возвратиль Общесшву употребленныя имъ на напечатаніе издержки.

III.

Во исполненіе § 22 второй части Устава, Общесшво долгомъ считаешъ извѣстить

почтенныхъ чинашелей Соревнователя о поступившихъ суммахъ, причисленныхъ къ кассѣ, на благошвореніе определенной:

Опъ Г. Дѣйствительнаго Члена Общества А. С. Норова	25 руб.
— Г. Почетнаго Члена О. О. Кокошкина	100 —
— Г. Члена — Корреспондента Э. П. Манассеина	25 —
Опдѣлено на благошвореніе опъ суммы, получаемой за изданіе журнала . . .	250 —
<hr/>	
Всего	400 руб.

IV.

На основаніи §§ 15 и 17 шой же части Устава выдано въ пособіе:

Одному изъ неимущихъ Членовъ, обремененному многочисленнымъ семействомъ 250 руб.

Г. Военному Совѣшнику С. С. Н. . . . . ву, занимающемуся переводами съ Лашинскаго языка . . . . .

Пансіонерамъ Общества: за Іюль, Августъ и Септябрь мѣсяцы сего года:

Г. Новоселову	75 руб.
Г. Аникину	75 —
Г. Ск. . . . . му	75 —
Г. Захарову	45 —

Всего . . . . . 620 руб.

V.

Общество, отдавая должную справедливость отличному содѣйствию Г. Члена Корреспондента К. В. Россинскаго избранной сямъ Сословіемъ дѣли, какъ принесенными имъ пожертвованіями, такъ и усерднымъ исполненіемъ порученій, съ званіемъ Члена Корреспондента сопряженныхъ, на основаніи § 42 Устава, присоединило его Г. Россинскаго къ числу *Почетныхъ Членовъ* своихъ.

VI.

Общество, уважая отличныя познанія въ наукахъ и Отечественной Словесности Гг. Генераль-Адьюшанта и кавалера Князя Александра Сергѣевича Меншикова, Генераль-Маіора и Кавалера Дмишрія Ивановича Ахшарумова, флота Капитана 1 ранга и Кавалера Петра Ивановича Рикорда, Маіора Ивана Петровича Копляревскаго и бывшаго Директоромъ училищъ Курляндской губерніи Г. Фонъ Вихмана, на основаніи § 33 Устава, избрало ихъ въ *Почетные члены*. Въ сіе же званіе избрана и Гжа Людмила Ивановна Рикордъ. Пресвѣщенные чинашели отдають полную справедливосіть ученому письму ея изъ Камчатки.

За представленные сочиненія, по существу § 35, принялъ съ *Членъ-Сотрудники* дворянинъ Василій Ивановичъ Туманскій.

Сообразно съ § 38 Устава, избраны въ Члены — Корреспонденты Илья Ивановичъ Полугарскій и Г. Иванчичъ-Писаревъ, въ Москвѣ.

VII.

Общество имѣло честь получить для Библиотеки своей слѣдующія книги: отъ Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета — *Разсужденіе объ эллиптической движеніи небесныхъ тѣлъ*; *Dissertatio inauguralis medica de morbillis*; и *De usu et praestantia remedium domesticorum*; отъ Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета — *Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ Университета въ 1805, 1806, 1808, 1809, 1810, 1811, 1812, 1813, 1815, 1816, 1818, 1819, и 1820 годахъ*; и сочиненія студентовъ, изданныя въ 1817, 1818, 1819 и 1820 годахъ; Отъ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента — издаваемыя онымъ *Записки, относящіяся къ Мореплаванію, Наукамъ и Словесности*; отъ Г. Коллежскаго Ассесора Алексѣя Григорьевича Огинскаго, переведенную имъ *Сокращенную исторію Англіи, отъ нашествія Юлія Цезаря до смерти Георга II. Соч. Голдсмита*; и отъ Магистра Московскаго Университета Г. Раича — переведенныя имъ *Виргиліевы Георгіки*. За сія приношенія Обще-

ство долгомъ считаешь изъявишь истинную свою благодарносшь.

VIII.

Общество съ сердечнымъ прискорбіемъ извѣщаешь опсупснвующихъ членовъ своихъ и чинашелей Сорезновашеля о кончинѣ одного изъ ревностнѣйшихъ дѣйснвительныхъ членовъ своихъ Семена Прокофьевича Власова, послѣдовавшей 27 Августа на 33 году его жизни, послѣ двухмѣсячной жестокой болѣзни. Оно долго будетъ чувснвовашь сію упрасу, и уничтоженіе шѣхъ надеждъ, копоры подавалъ о себѣ сей человекъ, одаренный рѣдкими способносшиями, копорый, силою собснвеннаго генія, вышелъ изъ круга неизвѣснносши на путь, ведущій къ знаменасши и славѣ. — Неупомимая ревностъ, или лучше, спраспная любовь къ Химіи — предмету всѣхъ его мыслей и намѣреній, была причиною преждевременной его смерши. Производя многотрудные и опаснѣйшіе опышы, онъ забывалъ самага себя, семейснво и все, что полько есшь драгоцѣннаго для человека и жилъ для чесши и славы наукъ и своего Ошечеснва. Богатый съ прудомъ пріобрѣшенными имъ познаніями по своей часши и ревностный къ своей обязанносши, онъ жилъ и умеръ въ великой бѣдносши, оспавнвъ въ

наслѣдство несчастной вдовѣ и чепыремъ сиротамъ одну шокмо сняжанную имъ славу, доброе имя и горестъ сошчественниковъ о преждевременной его кончинѣ. Имѣя въ виду § 8 Устава своего, Общество употребитъ всѣ зависящія ошъ него средства къ оказанію пособія семейству своего члена и извѣститъ о семъ въ свое время читателей *Соревнователя*, въ коемъ напечатана будетъ и Біографія Г. Власова.

П Р О З А.

ОБОЖАТЕЛИ ОГНЯ,

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

(Изъ Томааса Мура).

Часъ первая.

Луна освѣщаетъ море Оманово (1); жемчужныя мѣли, пальмовыя острова вѣнчающія лучами свѣшила ночи, и тихое колебаніе дремлющихъ волнъ подобился улыбкѣ спящаго младенца.

Свѣтъ лунный отражается на спѣнахъ Гармозіи (2), блещетъ на порфирныхъ палахахъ Эмира Али-Гассана, и тамъ, гдѣ недавно громкія трубы и прон-

---

(1) Такъ называютъ иногда Персидскій заливъ, отдѣляющій Персію отъ Аравіи

(2) Нынѣ Гомбарунъ, Персидскій городъ при заливѣ.

зипельныя зели (1) привѣпствовали захожденіе солнца, свѣпипъ кропкая луна, для коей пріятнѣе солдвынныя пѣсни и нѣжныя звуки люпны, настроенной любви. Повсюду царствуетъ тишина; Океанъ безмолвенъ, какъ равнина, и нѣжное дыханіе зефира, не склоняя тончайшихъ вѣтвей древесныхъ, чуть колышетъ прибрежныя волны.

Вѣпрная башня (2) палатъ Эмировыхъ тщепно ожидаетъ освѣжипельнаго дуновения вѣтра.

И самъ пираниъ Аравійскій покоипся сномъ глубокимъ, въ то время, когда цѣпый народъ вокругъ него проливаетъ слезы и осыпаетъ его проклятіями, тогда, какъ тысячи мечей извлечены для опмщенія его воинамъ за оскорбленія, нанесенныя имяни Ирана (3). Сей жестокосердый власшелинъ шакже спокоенъ

(1) Музыкальный инструментъ Музульманъ.

(2) Въ Гомбарунъ и другихъ городахъ, спропашъ на домахъ башни, кои; вдыхая въ себя вѣшеръ, разпроспраняютъ въ домахъ прохладу.

(3) Общее имя Персидской монарші.

посреди плачущихъ несчастливцевъ, какъ и посреди кровавой сѣчи. Преданный Корану, въ буйномъ изувѣрствѣ своемъ, мыслилъ онъ, что ближайшій путь къ небу должно пролагать чрезъ струны и рѣки крови его иновѣрныхъ.

Посреди непріятелей, имъ пораженныхъ, онъ останавливается вдругъ и преклоняетъ колѣни для прочтенія священныхъ словъ Корана, начертанныхъ на кровавомъ клинкѣ сабли (1). Хладнокровно замѣчаетъ даже букву, до которой онъ могъ вонзить убійственное желѣзо въ сердце своей жертвы.

О праведный Алла! Какъ можетъ нечестивецъ сей осквернять имя твое и, вращая кровавыми перстами листы твоей книги, оправдывать изреченіями ея свои убійства, свои злодѣянія? Не такъ ли пчелы Трѣбизондскія (2) извлекаютъ

---

(1) Турки обыкновенно вырѣзываютъ какой либо стихъ Корана на своихъ сабляхъ.

(2) Вблизи Трѣбизонда есть родъ цвѣтущихъ, охотно посѣщаемыхъ пчелами; но только медъ, изъ нихъ извлекаемый, приводитъ въ бѣшенство.

изъ цвѣшовъ благоуханныхъ ядъ, въ бѣшенствѣ приводящій?

Никогда Аравія не посылала Самрапа, люшѣйшаго и жесточайшаго Али-Тассана; никогда Персія не угнеталася шягчайшими оковами: Цари ея изгнаны; гордость унижена; сыны ея несутъ произвольное рабство, и не стыдятся въ странѣ родной — имъ болѣе не принадлежащей — пресмыкаться подъ игомъ законовъ чужеземныхъ. Храмы ея, въ коихъ солнце было нѣкогда обожаемо, превращены... о поношеніе... въ мечети нечестивыя! Въ нихъ боязливые рабы и подлые опступники возжигаютъ куреніе, оскорбляющее небо, и ругаются въ рою опцовъ своихъ; но Иранъ, удрученный несчастіями, не совсѣмъ еще лишился душъ великихъ, пылающихъ надеждою и мщеніемъ. Подобно тѣмъ драгоценнымъ камнямъ, кои, исполняясь солнечныхъ лучей, блещутъ въ мракѣ ночи, души сіи изливаютъ полное сіяніе прежняго величія. Много еще въ Иранѣ мечей, готовыхъ для помощи великимъ предпріятіямъ сихъ душъ опшажныхъ, и скоро по

узнаешь жестокій Эмиръ, спящій посреди палатъ своихъ такъ спокойно, какъ бы сіяніе луны было одобрипельною улыбочкою неба. Такъ, спи Гассанъ; спи!... Твои глаза не достойны видѣль порже-спивенной ночи сей; не для тебя умолкли волны и звѣзды проливають крошкое свое сіяніе. Влюбленнымъ только сердцамъ должно бодрспивовать въ сіи очаровашельные, часы ночи.

Башня дворца возносится надъ скалами, бросающими тѣнь свою на волны: шамъ я вижу юную красоту; кудри ея, чернѣе крыль врана, сбѣняющихъ чалмы царей (1), спускающа на перила по рукѣ, поддерживающей ея голову. Это она, прелеспная дочь Эмира, рожденная отъ опца жестокаго, но рожденная съ крошкою и чувспивительною душою; она подобился испочнику юности, капящему кристалльнѣя спруи между дикими и безплодными скалами (2).

---

(1) Цари обыкновенно на правой споронѣ чалмы носятъ перья врана въ знакъ своего достоинства.

(2) Испочникъ юности, по Магомелланскому

Какое непорочное и святое сокровище предспавляетъ намъ красота, удаленная отъ невѣжественныхъ, глазъ свѣта и украшающая собою уединенное жилище! Цвѣпокъ, распускающійся на днѣ моря, не освѣщаемый даже лучами солнечными, не столько числѣ въ своемъ убѣжищѣ, какъ она. Прелести и душа пвоя, о Гинда, сокрыты отъ взоровъ людей, какъ священные тайны. Какъ изобразить восторгъ любовника, который подыметъ завѣсу, ихъ еокрывающую? Не столько счастливы пловцы, когда, упомленные долговременнымъ, однообразіемъ моря, вдругъ открываютъ очарованный берегъ, а и коемъ ни одинъ смертный не вдыхалъ еще благоуханій бальзамическаго неба...

Прекрасны дѣвы долины Геменд (1), когда, при заходженіи солнца, онѣ прогуливаются въ паланкинахъ, покрытыхъ розовыми завѣсами, скрывающими отъ взоровъ глаза прелестные; прекрасны

преданію, теченію между мрачныхъ пронашей и горь.

(1) Счастливая Аравія.

юныя супруги, нѣжныя и чистыя подобно ясминамъ, украшающимъ волосы ихъ, когда онѣ покоятся въ кіоскахъ, или подъ тѣнію древесъ вѣшвислыхъ проводятъ часы предъ зеркалами и съ каждымъ днемъ приобрѣтающъ новыя прелести: но никогда Гаремы Аравіи не видѣли въ спѣнахъ своихъ дѣвы, или супруги, могущей красотою своею поспорить съ прекрасной дочерью Али-Гассана.

Легкая, подобно существамъ воздушнымъ, обворожающимъ сны нашей юности, и одаренная всѣми прелестями красоты, она имѣетъ глаза споль невинные, что взгляды ихъ заспавили бы краснѣшь самый порокъ. Онъ скрылся бы, пораженный ея появленіемъ, какъ змѣй, дерзнувшій возрѣшь на дѣвственныи блескъ изумруда (1). Гинда начинаешъ уже познаватъ нѣжныя желанія своего возраста и соединяешъ въ сердцѣ своемъ, съ огнемъ небеснымъ и чистою добродѣтели, крошкія слабости женскія. Чувства земныя бросающъ нѣкоторыя оп-

(1) Магомешане вѣряшъ, что изумрудъ блескомъ своимъ ослѣпляешъ змѣй.

тѣнки на свѣтлую религію, блистающую въ ея душѣ, подобно лучамъ солнечнымъ, проникающимъ сквозь древесныя вѣтви и разпространяющимъ свѣтъ споль умѣренный, что самый мракъ сего мѣста становится пріятнѣе всего величія солнца.

Такова юная дѣва, оставившая ложе свое, на коемъ сонъ ея убѣгаемъ; одна, на высотѣ башни, любуется спокойною поверхностью моря, осребряемаго луною. Слезы капаются изъ прекрасныхъ глазъ; сердце ея бьется.... Увы..., не такъ глядѣла она прежде, во дни счастливейшіе, на родную землю и небо! Для чего смотришь она съ такимъ безпокойствомъ на сіи мрачныя скалы, коихъ тѣни помрачаютъ зеркало воды? Кого ждетъ она во время тишины ночныя? Скалы сіи такъ утесисты, такъ неприсупны, что никакой смертный не достигнетъ до вершины башни.

Но такъ по крайней мѣрѣ думалъ подозрительный отецъ, выбирая эшо возвышенное мѣсто и вознося башню, на коей бы могла дочь его дышать прохла-

дипельнымъ воздухомъ ночи, по захожде-
ніи палящаго свѣтила (1).

Пусть не превозжитъ никакое подо-
врѣніе сна твоего, Эмиръ жестокосер-
дный! Да не узнаешь того, что можешь
предпринять любовь, отважная любовь,
коей приобрѣтенія, легко полученные, не-
прияны, для коей сладчайшіе плоды ра-
спушь на краю пропащей и спремниъ
опасности! Опважиѣ ловцовъ, не смѣю-
щихъ погружаться въ море, волнами не
возмущенное, любовь чувспвуетъ удвое-
ніе силъ при видѣ бурь—и шу побѣду счи-
таешь шолько совершенною, которая по-
хищена вопреки сопротивленію стихій.
Такъ, прекрасная дѣва Аравіи, крупы ска-
лы, высока башня сія; но есть любов-
никъ, которой, желая заслужить сладкій
поцѣлуй твоей, рѣшился бы взойти на
недоступную вершину Арарата (2), и по-
чель спремнины и пропащи ея за спе-

---

(1) Въ Гомбарунѣ и на островѣ, Ормусъ бывало
иногда такъ жарко, что жителяи прину-
ждены цѣлый день сидѣть въ ваннахъ.

(2) Гора сія вообще почищается неприсшупною,

зи самыя прїятныя, если бы онѣ могли привести его къ тебѣ.

Ты видишь уже пѣну, бросаемую неперпѣливыми его веслами; слышишь звукъ ударовъ о скалу легкаго челнока и проспираешь алебаспровыя руки, какъ бы желая поднять его къ себѣ, шакъ точно, какъ нѣкогда во мракѣ ночи Родавра, устращенная отважностію Героя Сребряныхъ власовъ (*), горѣвшаго къ ней любовію, спустила долгіе свои волосы, дабы помочь взойти ему на высоту. Съ тою же отважностію, какъ и Заль въ часы любви и опасности, юноша, какъ дикая серна Аравійская, взбирается на скалу и, перепрыгивая съ утеса на утесъ, наконецъ является на балконѣ дочери Эмировой.

Она любитъ . . . . но не знаетъ ни

(*) Въ одной изъ книгъ Шака Мамеха сказано, что когда Заль (Персидскій Герой, славный бѣлокурыми своими волосами) хотѣлъ взойти на башню къ своей любовницѣ Родаврѣ: — она спустила длинныя свои волосы, дабы помочь ему взлестъ. Однакоже онъ достигъ шуда не столь романтическимъ способомъ, цѣпляясь крючкомъ за выступы стѣны.

имяни его, ни рода, ни опечества. Можеть бышь, онъ исчезнеть подобно тѣмъ безымяннымъ птицамъ, коихъ упреннее дыханіе зефира приносишь въ рощи Индѣйскія съ отдаленныхъ острововъ океана, и кои, блеснувъ радужными перьями своими, исчезають надолго отъ удивленныхъ глазъ нашихъ. О Гинда, да сохранишь себя Алла отъ участи подобной! Ты пѣла и играла на своемъ кану (*), когда онъ впервые предсталъ предъ тобой, подобно Духу, спустившемуся на лутъ лунномъ, чптобы внимать твоимъ уединеннымъ пѣснямъ. Ты не могла представить, чптобы человекъ достигнулъ когда либо сихъ мѣстъ непреступныхъ. Волще, вышедъ изъ заблужденія, видишь ты у ногъ своихъ юношу смертнаго: его слова непонятныя, его черные глаза, поражающіе огненными взглядами, иногда заставляють тебя думать, чпто ты отдала сердце свое существу неземному.

Нѣжная Гинда, не духъ плѣнился

(*) Родъ струннаго инструмента, употребляемаго женщинами.

твоею красотою: это одинъ изъ пылкихъ сыновъ земли, столь же нѣжныхъ въ любви, сколь спрашныхъ во гнѣвѣ, и коихъ сердца оживляются лучами свѣшила дневнаго.

Но въ эту ночь огонь взоровъ его попухъ; лице покрыто блѣдноспію, и на челѣ изображается печаль. Никогда юная Аравипянка не видала его столь унылымъ. Иногда только сны безпокойные предспавляли его въ семь видѣ, сны, коихъ пробужденіе пріятно для пролитія слезъ, кои трудно забываются и, подобно страшнымъ призракамъ, уже исчезнувъ, оставляютъ ужасъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они намъ появились.

„Смотри, какъ пріятно свѣшилъ луна надъ островомъ;“ робко начала юная дѣва, успрашенная прерывными звуками его голоса: „часто въ моихъ мечтаніяхъ желала я, чшобъ островъ сей окрился, и принявъ насъ подѣ тѣнь роцей, пренесся въ невѣдомыя моря, гдѣ мы могли бы жить, любить другъ друга и умереть въ опдаленіи опѣ сердець холодныхъ и жестокихъ. Сами Духи по-

завидовали бы намъ, видя уединенное убѣжище, въ рай преобращенное. Скажи мнѣ, другъ моего сердца, раздѣляешь ли ты со мною желанія души моей?...

Она обращается при сихъ словахъ и съ видомъ веселымъ хочешь показать нѣжную улыбку своему любезному; но, пораженная его печальнымъ взглядомъ, смущается, перестаетъ усмѣхаться и, проливая слезы, едва можетъ произнести сія слова: „и шакъ сны мои сбылись; предчувствія оправдались; намъ должно разстаться... и на всегда... и въ эту ночь!... Я знала, что счастье мое не продолжительно! Отъ самой колыбели надежды мои меня обманывали: любимое деревцо, любимый цвѣтокъ всегда увядали... и если я воспишывала черноглазую горлицу, если она начинала привыкать ко мнѣ, любить меня; смерть жестокая вѣрно ее похищала: и нынѣ, когда величайшимъ счастьемъ, о коемъ только сердце мое мечтать могло, полагала я быть съ тобою, внимать тебѣ и называть сладчайшимъ именемъ супруга — нынѣ надобно тебя лишиться? Пусть же

будешь такъ . . . оставь меня; не станемъ болѣе видѣться на краю сей пропасти! . . . Эти скалы . . . море вѣроломное . . . нѣтъ, нѣтъ, не возвращайся болѣе! Видѣть тебя, поставляю блаженствомъ небеснымъ, но оно можетъ тебѣ стоить жизни; прощай, незнакомецъ! Небо да сохранишь тебя: а я желаю лучше оспаться въ одиночествѣ на этой башнѣ, печально встрѣчать восхожденіе луны и помышлять, что ты, хотя въ отдаленіи, но безопасенъ, нежели покупать сладость твоего присутствія цѣною твоей гибели! “

— Погибели — воскликнулъ юноша — не оскорбляй моей гордости! Ты еще не вѣдаешь, на что можетъ поощряться, кто воспитанъ на спешахъ опасности, кто пренебрегалъ всѣми случаями, кто, ежечасно слыша бранную трубу, возвѣщающую сраженіе или смерть, не иначе спитъ, какъ склоняя главою на мечъ, за который при каждомъ пробужденіи хватается рукою нерепрѣливою — и ты мнѣ говоришь объ опасности! —

„И такъ, слава небу, ты не знаешь спраха; и такъ мы можемъ видѣться и видѣться часпо здѣсь съ побою?‘

— Не смотри на меня такъ, о Гинда, — во всей поднебесной я спрашусь однихъ только твоихъ глазъ прекрасныхъ. Они въ состояніи оплечь душу мою отъ неизбежнаго рока; они могутъ привести въ забвеніе тѣ кляпвы, коими связана душа моя; твои глаза, одни глаза твои заставили бы меня измѣнить вѣрѣ . . . . но нѣтъ; . . . бѣдственная участь моя начертана въ книгѣ судебъ неизгладимыми буквами. Мы не увидимся болѣе въ сей смертной жизни! . . . . Для чего небо соединило наши сердца, когда земля столь жестоко ихъ разлучаетъ! . . . О двѣ Аравіи, скорѣе духи свѣта и духи тьмы совокупятся, нежели я возмогу мечтать о соединеніи съ побою! . . . . Опець твой! . . . —

„Да сохранишь Алла его съдую голову отъ сихъ взоровъ, столь же спрашныхъ, какъ молнія, предшесльвующая пораженію! Ты не знаешь моего отца! . . . . Онъ любитъ неуспрашиваемыхъ . . . ; ни кто

въ свѣтѣ лучше его не почитай твоей благородной отважности. Часпо, во дни моего дѣтства, когда я играла его блестящею саблею, онъ говорилъ мнѣ, что я буду супругою воина; часпо, когда я подавала ему въ гаремѣ моемъ пѣниспаго сорбешу, или цвѣловъ, онъ повторялъ, улыбаясь, что истинный полько герой можешь бышь его зятемъ. Съ оружіемъ въ рукахъ, говорилъ онъ, должно ласкать юную дѣву и при восклицаніяхъ побѣдныхъ вести на бранное пиршество. Но для чего ты отвращаешь взоры?... Одинъ полько ты можешь бышь любезень мнѣ и отцу моему... иди..., спускай подъ священныя его знамена. Ты знаешь нечестивое упорство Персовъ... Но, Боже, какіе страшные взгляды!... Мнѣ казался, ты горишь жаромъ свыше, нежели воинственнымъ! Иди въ станъ при первыхъ лучахъ солнца, и, когда извлечешь мечъ твой, вспомни, что я и любовь моя съ тобою. Пустьъ побѣда надъ сими рабами, поклонниками огня, надъ Гебрами беззаконными, копорыхъ отецъ мой ненавидишь...“

— Остановись . . . слова твои умерщ-
вляють меня, воскликнул юноша, сбрасывая
верхнее одѣяніе и показывая на
себѣ пояс Гебра (1). — Смотри, дочь
Али-Гассанова . . . ; плачь . . . и стыдись,
видя предъ собою одного изъ ненавиди-
мыхъ опцомъ твоимъ. Такъ . . . , я про-
изхожу опъ сего племени нечестиваго,
опъ сихъ рабовъ, обожателей огня, кошо-
рвіе упромъ и вечеромъ благоговѣно по-
кланяюща престолау Всевышняго, споя-
щему посреди живыхъ свѣпилъ небесныхъ
(2). Такъ, я одинъ изъ гонимыхъ, вѣр-
ныхъ Ирану и мщевію, проклинающихъ
день, въ которой Арабы ваши пришли
разрушитъ и поругать храмами на-
шими . . . Я одинъ изъ тѣхъ, кои кля-
лись предъ огненнымъ окомъ Всемогущаго
распоргнути цѣпи, наложенныя на оше-
чество, или погибнуть. Твой отецъ без-

(1) Гебры сполько уважають, поясъ свой
что не смѣють спунитъ безъ него
шагу.

(2) Они вѣряють, что престоль Предвѣчнаго
въ солдцѣ; и ошсюда произходишь ихъ
поклоненіе сему свѣшпиу.

человѣчный . . . Не пренеши, о дѣва . . .
 дни того, кто далъ тебѣ жизнь, сколько
 же для меня священны, какъ и мѣсто, на
 коемъ горитъ огонь нашей вѣры.

— Но знай, что я его искалъ, когда,
 примѣшивъ свѣтъ на этой башнѣ, без-
 пренепно отважился взобраться на сіи
 скалы: я думалъ здѣсь найти свою добычу
 . . . Тебѣ извѣстно оспальное . . . я мнилъ
 напасъ на коршуна въ его кровавомъ убъ-
 жищѣ; нашель робкую голубицу. Ты вос-
 шоржеспвовала надъ моими предпріяті-
 ями. Ты причиною, что покорилось серд-
 це, коему неприличны другія чувспвова-
 нія, кромѣ мщенія. За чѣмъ мы свидѣлись
 съ побою! . . . Или; по крайней мѣрѣ, за
 чѣмъ сердце мое забылъ не можетъ того,
 сколькобъ мы были счастливы, еслибъ
 жеспокой жребій не разлучалъ насъ. Еслибъ
 ты родилась въ долинахъ Персіи; еслибъ
 мы были взлелѣяны и воспитаны вмѣстѣ;
 преклоняли бы колѣна предъ однимъ ол-
 таремъ: тогда невидимыя цѣпи, коими
 привязываемся мы къ опечесшву, укрѣп-
 ляли бы болѣе и болѣе союзъ сердець на-
 шихъ. Защища Ирана и швоа была бы

единственнѣйшимъ моимъ помышленіемъ; нѣжные звуки швоей люины возбуждали бы воспоминаніе времянь прошекшихъ, и швоя улыбка была бы для меня вѣнцомъ славы. И тогда, еслибъ огорченный Геній опечесшва моего учинилъ тебя предшпательницею законовъ своихъ, Великій Боже . . . кто бы могъ противостать тогда мечу моему; тогда молніеносное желѣзо блиспало бы заревомъ побѣднымъ. Но, увы, мы чужды одинъ другому; разлучены навѣки неумолимымъ рокомъ; одна любовь соединяетъ насъ — вѣра же наша, друзья, опечесшво, чеспъ повелѣвають намъ ненавидѣть другъ друга, и, чтобы оспашься вѣрными любви, надлежитъ презрѣть все, что намъ драгоцѣнно. —

— Опещъ швой врагъ Ирана; быть можетъ, шы сама; но нѣтъ . . . , никогда ненависть не имѣетъ взглядовъ столь крошккихъ; нѣтъ, сему быть не возможно . . . Ты будешь любить опечесшво шого, кто могъ для тебя забыть все, кромѣ сего опечесшва, поруганнаго и кровію попленнаго. Когда другіе, не прогаясь, будущъ видѣшь плачущихъ вдовъ и гибну-

щихъ воиновъ Персіи, ты, вспоминая нѣжную любовь Гебра, за него оплачешь несчастныхъ его друзей . . . ; но смотри . . . —

Мгновенно онъ вспаептъ и показывается въ отдаленіи блѣдный свѣтъ, кошорой, подобно блуждающимъ огнямъ кладбищнымъ, изходилъ, казалось, изъ влажнаго гроба какаго нибудь пловца; огненные искры, изпоргаясь изъ средины воды, имѣли видъ падающихъ звѣздъ, воспріавшихъ обратной путь къ небу.

— Смотри, говорилъ онъ, видишь ли знакъ, меня призывающій? . . . Мнѣ должно проснись съ тобою; мы погибнемъ, ежели я еще останусь. И такъ, просни, возлюбленная! Напрасно хочешь ты удержатъ меня . . . я спремлюсь къ опмщенію! . . . и возвращусь еще къ тебѣ. —

Онъ вырывается изъ ея объятій и, не оспанавливаясь, не обращая даже взоровъ, скачетъ съ балкона на скалы, почно какъ бы бѣжалъ отъ любви къ смерти.

Юная Гинда, блѣдная, нѣма и неподвижна, слышншь плескъ волнь отъ низпаденія. Ужась возвращаетъ ей чувства; она спремнись на балконъ и восклицаетъ: „ я

здѣсь, я здѣсь; ... и если море, поглотило
тебя, я хочу шамъ же погибнуть. Соеди-
ненная съ побою бракомъ и разлученная
хладомъ смерти, я не буду имѣть другаго
брачнаго ложа, кромѣ волнь, тебя сокрыв-
шихъ, и почшу себя счастливейе, раздѣливъ
погибель, нежели оставшись живъ, разлу-
ченая съ побою.

Но не припелъ еще послѣдній часъ лю-
бовниковъ; челнокъ разсѣкаетъ волны и
несетъ Гебра въ тайное его убѣжище.
Сопровождаемый свѣтомъ луны и благо-
получнымъ вѣтромъ, плыветъ онъ спо-
койно, какъ будто самое счастье ему
благопріятствуетъ и позади него никто
не осмѣлся съ опчаяннымъ сердцемъ.

Часть вторая.

Заря блеснула уже первыми лучами дневными на Зеленое море (1), на пальмовыя рощи Барейна и благовонные виноградники Кишмы (2). Аравійскіе берега далеко рассылають благоуханія свои на крылахъ зефировъ, дующихъ около Священнаго мыса Селемы (3) и легко спруящихъ пихія волны, на коихъ плавають виноградныя киспи, плоды кокосовые и цвѣшочныя вязи, спущенныя въ жершву Геніямъ воднымъ набожными пловцами, испрашивающими счастливаго пуши и благопріятнаго вѣтра.

---

(1) Персидскій заливъ. (2) Барейнь и Кишма—осирова залива.

(3) Селема или Селемехъ, имя перешейка при входѣ въ заливъ, и обыкновенно называемый мысомъ Муссельдомъ. Индѣйцы, плавающие около береговъ, бросаютъ въ море кокосы, плоды, или цвѣшы для испрошенія счастливаго плаванія.

Соловей оспавляесть гусполиспвенныя дерева, на коихъ воспѣваль онъ во время тишины ночной — и съ восхожденіемъ ушренной звѣзды скрывается въ рощахъ гранатовыхъ деревь, коихъ листья блестящъ росю споль чиспою, что капли ея не оспавляюшъ никакаго пятна на саблѣ, подносимой юному Султану при возшесствіи на престоль (1).

Уже свѣпило дневное восходитъ надъ небосклономъ во всемъ величіи. О солнце, Ангель свѣша! Съ шѣхъ поръ, какъ звѣзды восиряли спройное печеніе свое, шы нарѣчено царемъ неба. Было время, созвѣдіе удивительное, когда Иранъ, подобно Геліошропу, обрацалъ взоры свои, привѣршвуя восхождение швоего пламеннаго круга. И шогда олшари швои покрывали всю Азію, ошъ береговъ Бендемира до лѣсовъ Самаркандскихъ... Какаяжъ хищная рука ихъ низпровергла?... То знаюшъ шѣни в иновъ, на кровавыхъ равнинахъ Кадессіи (2)

---

(1) Франклинъ говоритъ о Ширазскомъ климатѣ, что роса шамошняя не дѣлаесть никакой ржавчины на саблѣ.

(2) Мѣсто, на коемъ Персы были совершенно

падшихъ отъ руки свирѣпыхъ враговъ, кои, поправъ пышный вѣнецъ Ирана, обременили цѣпями вѣрныхъ потомковъ Зо-роаспровыхъ. То знающъ изгнанные и блуждающіе безъ приюта и безъ друзей по брегамъ чужеземнымъ, одни по ту сторону желѣзныхъ вратъ (1) моря Каспійскаго, другіе на горахъ, возносящихъ снѣжныя свои вершины, вдалекѣ отъ благословенной страны Фисташекъ, вдали отъ ея колыбелей ясминныхъ, отъ ея ручейковъ, сладко журчащихъ.

Но изгнанники сіи, осужденные не видѣть земли родной, счастливыѣ спокрашно шѣхъ, кои видятъ ее оскверненною, и склоняющъ выю подъ иго ширана чужеземнаго. Они лучше хопятъ обитать въ пустыняхъ, но наслаждаясь свободою и поклоняясь своему Богу, нежели, подобно симъ невольникамъ, ошсупахъсья вѣры опцовъ своихъ.

разбиши Арабами, и на кошоромъ ихъ древія монархіа уничтожена.

(1) Дербенцъ. Турки называютъ его желѣзными вратами. Это *portae Caspiae* Древетцхъ.

Но не ужели гордость Ирана угасла навсегда вмѣстѣ съ пламенемъ, освѣщавшимъ храмы Митры? Нѣтъ, Иранъ не осцался бездѣшею: есть еще сыны, кои не покоряются Музульманамъ доколѣ, пока въ небѣ будутъ блистать звѣзды, пока на землѣ для могилъ будетъ оставаться мѣсто.

Сии желѣзные сердца не скрываются долго, но воспаляются при первомъ оскорбленіи. Сѣмяна мщенія глухо развертываются въ нихъ, и посреди обманчивой пищины вдругъ гремятъ, подобно исполинскимъ пальмамъ Цейлонскимъ, коихъ цвѣтъ, открываясь съ ужаснымъ прескомъ (1), потрясаетъ юныя деревца окрестныхъ рощей. —

Такъ, жестокой Эмиръ, еслибъ пошъ,

---

(1) Талпошъ или Галипошъ, прекрасная Цейлонская пальма, растущая посреди рощей, считается самымъ высочайшимъ деревомъ, и становится еще выше, когда цвѣшокъ его головъ распустится; цвѣшокъ сей находится на вершинѣ и окруженъ скорлупою, копорая, лопаля, производитъ звукъ, подобный пушечному выстрѣлу.

кто достигъ вершины башни, почитаемой тобою неприступною, явился у швоего ложа: онъ показаль бы тебѣ успокоеніе пиранна. Это одинъ изъ гонимыхъ тобою, кои, споль же мужеспвенны, какъ и онъ, презирають гордоспъ швою и швоихъ ополченій; они знають, что, разорвавъ единое кольцо ихъ цѣпи, они всѣ погибнуть; но, совокупны духомъ, смѣють сопротивлясь тебѣ и почитають счастиемъ умереть, защищая свободу. Они извѣсны тебѣ, доспойный намѣспникъ царя гонителя; нѣсколько мѣспцовъ уже тому, храброе войско сіе, пропивооспавило тебѣ дѣсь копій, воспящая вспупленіе на берега Зеленаго моря, и прежде, нежели вѣспры принесли швои корабли къ сему берегу, возмущеніе уже шебя ожидало..

Но кто сей герой, поднявшій знамя свободы на берегахъ Персидскаго залива? Чья спрашная сабля блещетъ молніями, заставляющими блѣднѣть воиновъ Іемена? Кто выспупаетъ споль опважно посреди копій обипашелей горъ Керманскихъ, клявшихся быть вѣспными до смерти, не ос.

шавлящъ . . . никогда въры праопцовъ и на сихъ горахъ, увѣнчанныхъ снѣгами, воздасть послѣднее прощаніе божеству, позлащающему послѣдними своими лучами высоты Ирана? . . . Герой сей — Гафедъ! . . . Спрашный непріяшелямъ, леденѣющимъ отъ ужаса при одномъ имени . . . оно извѣстно всѣмъ . . . произнесите его . . . и увидите самыхъ храбрѣйшихъ блѣднѣющихъ отъ сшраха.

Эпо Гафедъ, ужаснѣйшій, жесточайшій изъ всѣхъ бунтующихъ обожателей огня, говорятъ Музульмане. Его сверхъестественная власнь служилъ поводомъ къ безчисленнымъ и спрашнымъ баснямъ, повпоряемымъ около огней передовыхъ войскъ Эмировыхъ; и часцо опдаленный сшражъ, уступаая невольной робости, закрываетъ глаза полою, думая видѣть предъ собою появленіе Гафедъ. Человѣкъ сей, по словамъ черни, произхожденія необыкновеннаго: рожденъ отъ земли и огня, и пошомокъ шѣхъ царей Маговъ (1), комъ но-

(1) Тамурась и другіе древніе цари Персіи. Чудныя ихъ приключенія между Періи и Дивами описаны въ любопытномъ изслѣ-

силы на очарованныхъ шлемахъ своихъ паинспвенныя перья спрашнаго Симура. Духи огня, успращенныя разореніемъ храмовъ и близкимъ концомъ своего владычества, снабдили его, говоряшь, Талисманомъ, имѣющимъ силу попушитъ въ волнахъ крови свѣтъ великаго Пророка.

Таковы рассказы, охотно принимаемые легковѣріемъ; шакова изображеніе вождя юнаго, пылкаго и мужеспвеннаго. Но сей спрашный Гафедъ есть только смерпный, защищающій любезное опечесство, родныя лепелица и свлщенныя храмы. Тализманъ его — сабля; сила свыше одушевляющая состоитъ въ желаніи свободы, а въ произнесеніи слова сего заключается все могущесство чарованій. Онъ произходитъ отъ героевъ славныхъ имянемъ, кошорое содѣлало и кровь ихъ знаменишою. Такъ ручей горы Ливана, осѣняемый свлщенными ведрами, спановишся самъ исполнемъ свлшоспи. (1)

дованіи Рихардсоновомъ. Графъ Симуръ вырвалъ нѣсколько перьевъ изъ крыль своихъ для шлема Тамуриса, и сіи перья передавались послѣ его потомкамъ.

(1) Этошъ ручей, говоритъ Дандини, наз-

Могъ ли Гафедъ преклонить колѣна предъ Музульманами, погда, какъ душа его, сошворенная по образцамъ времянь пролекшихъ, дышала любовію къ отечеству и славою героевъ, своихъ предковъ? Назначенный судьбою къ счасію Ирана, онъ родился посреди слезъ и цѣпей; могъ ли онъ умножить собою число поддыхъ рабовъ, поклоняющихся чалмъ, подобно проспику прибрежному, наклоняемому въпрямь пустыннымъ? Гафедъ, оскорбленный, бѣжалъ опъ сраму отечества своего, гдѣ каждая слеза братій несчасія падала ему на сердце, какъ пламенная искра; и наконецъ, какъ любовникъ, восхищенный первою улыбкою своей любезной, онъ съ воспоргомъ увидѣлъ блескъ перваго меча, извлеченнаго для мищенія и свободы.

Но мужество было злополучно — и избранные воины Кермана, оставленные собственнымъ счасіемъ, не могли сопротивляться многочисленнымъ полкамъ Али-Гассана. Напрасно прошивопоснавлили они

ванъ *Селымъ* по священнымъ кедрамъ, окружающимъ его берега.

ему спѣны изъ сердець своихъ: противъ
каждаго ихъ копья блистали тысячи;
каждому воину надлежало побѣди въ ты-
сячу невольниковъ; и войска Эмировы,
раздраженные поперею крови, заставили
успунишь ихъ. Такъ прочно цѣлыя рощи
Фиспашковыя испребляются пучами са-
ранчи жадной и не насыпной.

Не подалеку отъ пламеннаго залива
древней Гармозии высочайшая гора вели-
чественно выдается въ море Оманово.
Она составляетъ послѣднее и опдаленное
кольцо огромной цѣпи, опоясующей спонкѣ
берега моря Каспійскаго и оканчивающей-
ся послѣ многихъ изгибовъ въ Персид-
скомъ заливѣ. Подошву горы съ моря
окружаютъ голыя скалы, подобно нагимъ
великанамъ, возбраняющимъ къ ней при-
ближеніе; на вершинѣ, поднимающейся до
небесъ, находится разоренный храмъ, въ
шакоей высотѣ, что часно Албан росъ, спя-
щій на своемъ полещѣ (1), ударяясь кры-

---

(1) Албашросъ спить въ воздухѣ; эта пшница
водится на всѣхъ моряхъ и очень обы-
кновенна у мыса Доброй Надежды.

ломъ о разрушенныя столпы сихъ уединенныхъ развалинъ и вдругъ просыпаясь, изумляется, встрѣчая жилище человеческое въ молчаливыхъ обителяхъ воздушныхъ. Внизу оной страшныя пещеры служатъ убжищемъ волнамъ, преслѣдуемымъ бурю. Иногда отголосокъ сихъ пещеръ отдается столь чудно и величественно, что легковѣрная чернь почищаетъ оныя за пещицы, въ коихъ содержашся злые духи, и поповъ Музульманинъ прослылъ бы самымъ безспрашнымъ, которой отважился бы, въ часы вечернихъ сумраковъ, подвѣхашъ въ челнокъ своемъ къ уединенному убжищу Гебровъ.

Величественныя башни храма, презирающія разрушительную руку времени, отдѣляются отъ жилища человеческою пропастью, столь глубокою, столь мрачною, столь ужасною, что око не можетъ измѣрять бездны. Кровожадные Голы могли бы безопасно тамъ праздновашъ страшныя свои оргіи надъ плачевными встлпками шруповъ, похищаемыхъ ими изъ гробницъ. Ревъ падающихъ водъ отзывается какъ громъ отдаленный — и изум-

лѣнный путешественникъ недоумѣваетъ, производилъ ли шумъ сей отъ источниковъ, раздробляемыхъ о скалы, или отъ хлокопа вѣчнаго пламени; ибо каждая вершина сей горы обширной возносится жерломъ огнедышущимъ (1) — и хощя божество сихъ мѣстъ уже не чувствуетъ священнымъ огнемъ, возжигаемымъ нѣкогда на этомъ олпартѣ, сосѣднемъ со звѣздами; хощя жрецы его разсѣялись: вѣчное пламя, не взирая на своенравіе счастья, не переспало обращаясь въ жилахъ подземныхъ, споль же постоянно, споль же неиспощимо, какъ и лучезарный кругъ свѣшила дневнаго.

Въ сіи по мѣста Гафедъ привелъ ошапки разбишаго своего войска.

„Привѣствую тебѣ, страшное убище, воскликнулъ онъ: мраки твои ужаснули бы самаго Эбелиса (2), но они [кажущся раемъ для шѣхъ, кои убѣгаютъ рабства.“

---

(1) Гебры обыкновенно строили храмы свои надъ огнедышущими Сопками.

(2) Дьявола.

Они перещли пропасшь по узкому мосту, знаемому полько Гафедомъ и его воинами, и достигли дреднихъ развалинь. „По крайней мѣрѣ, въщаль Гафедъ, это убѣжище намъ оспалось. Здѣсь можемъ перевязать раны, наши, не шревожась побѣдными пѣснями Музульмановъ; здѣсь можемъ умереть, не подвергаясь сраму бышь ими попопшаннымъ; и если когда либо учинимся на скалахъ сихъ добычею хищныхъ коршуновъ, мы будемъ счастливы, испустивъ послѣднее дыханіе вдали отъ нашихъ горъ шелей.“

Ночь просперла уже свои покровы, когда они вспунили въ мѣспа сіи. Непостоянное пламя, взлетающее надъ развалинами жершвенника, разливало блѣдный свѣтъ по лицу Гафедову; — онъ продолжалъ:

„И такъ все кончилось; мы употребили всѣ средства, какія полько смершныя употребить могутъ. Пусть Персія видить со стыдомъ жрецовъ своихъ, воиновъ, повинующихся скипешру и зувѣра, населяющаго небо своими спрашьями и имянующаго Богомъ начальни-

ка серая; пусть сыны Ирана, потомки древнѣйшаго поколѣнія, забываютъ, что кровь Рустана и Заля (1) печетъ въ ихъ жилахъ; пусть курящъ они лествъ предъ губишелями опечества, оставляютъ священный огонь Митры . . . невольники враговъ Ирана! . . . Пусть преклоняютъ они колѣна предъ новыми жертвенниками! Вопли отчаяннѣ разперзанной родины достигнутъ нѣкогда небесъ, и придетъ время, когда рабство учинится несносно симъ подлымъ опшшупникамъ; спыдъ, долговременно усыпленный въ сердцахъ ихъ, пробудится подобно поадающему пламени — и угрызенія совѣсти заставятъ ихъ пролить горькія слезы. “

„Здѣсь, по крайней мѣрѣ, будутъ руки наши и души свободны; мѣста сіи не осквернены еще присутствіемъ гонителя. Насъ мало, и скоро свѣпильникъ жизни нашей долженъ угаснуть; но онъ довольно еще будетъ свѣпиль для мщенія. Подобно барсамъ площаднымъ, которые

---

(1) Древніе Вишлязи Персидскіе. Между Габрами есть еще потомки Заля и Рустана. Последний былъ Геркулесъ Персидскій.

при захожденіи солнца выходятъ изъ лѣсовъ Ливанскихъ для нападеній на морскихъ разбойниковъ, къ берегамъ пристающихъ (1), мы будемъ выходитьъ опсюда на добычу и внезапно поражать враговъ нашихъ; когда же сіи надменные побѣдители въ послѣдніе увидятъ блескъ нашихъ сабель, когда всякая надежда для насъ исчезнетъ, когда самое опчаяніе не въ состояніи будетъ управлять нами — это жилище будетъ священной гробницею мужественныхъ, обмануемыхъ ревностью; здѣсь умрутъ они за опечесство, кошоро спаси не могутъ. “

Старѣйшины войска окружаютъ Гафеда: каждый кладетъ блестящій мечъ свой на развалины жертвенника. Обширные помосты храма, служившіе некогда сборищемъ Князей Ирана, нынѣ опустѣли; на огромныхъ башняхъ, запечатлѣнныхъ разрушеніемъ, Маги не приуговляютъ пиршествъ, не кладутъ цвѣтовъ

---

(1) Смори путешествіе Руссея и описаніе барсовъ Ливанскихъ, нападающихъ во время ночи на мореплавателей, праспающихъ къ берегу.

и плодовъ для насыщенія блуждающихъ пѣней (1) друзей своихъ; ни одинъ священнослужитель не совершаетъ здѣсь таинствъ, не раздаетъ лисневъ гранатовыхъ (2), не воспѣваетъ хвалебныхъ гимновъ, не куритъ благовоніями и не показываешь дѣлямъ Зороаспровымъ знаменія свѣшила, ими 'обожаемаго (3). Однако тожь же Богъ, которой внимать онцамъ ихъ, слышитъ клябвы, ими произносимыя. Они клянутся жить для

-
- (1) Между прочими обрядами Маги клали на вершины высокихъ башенъ разнаго рода лсва, коими, думали они, питаются Пери и души умершихъ.
- (2) Въ обрядахъ Гебровъ, описанныхъ Лордомъ, сказано: *Дару* даетъ имъ пить воды и лиспокъ гранатовой, копорой они жуютъ для очищенія отъ всякой внутренней нечистоты.
- (3) Равно поупру они (Персы или Гебры) идушъ шолпами молишься Богу. На каждомъ олтарь сполитъ сферы, искусно устроенныя, представляющія солнце. При появленіи дня сферы сіи воспламеняются и вершашся съ великимъ шумомъ; Маги же въ сіе время кадашь солнцу своими кадилами.

мщенія и умереть на эпой горь вѣрными своему опечеслву.

Храбрые и несчастные войны, вы не знаете, сколько участь ваша извлекаетъ слезь у нѣжной красоты, у дочери врага вашего, копорую любовь научила спрдасть за несчастія утѣсненныхъ. Прежде невинное сердце ея было тихо и спокойно, какъ гладкая поверхность озера; но любовь уронила шуда шализманъ свой и заспавила колебаться дрожащими кругами неподвижныя его воды. Нѣкогда дочь Эмирова, равнодушная къ ужасамъ войны, украшалась всегдашнею улыбкою, подобно лиліи Персидской, разпускающей безбоязненно дѣвелпвенной цвѣшокъ свой на полѣ сраженія, прежде нежели кровавый дождь ороситъ ее и заспавитъ поблекнуть въ полной красотѣ. Наслаждаясь миромъ душевнымъ, невнимательная Гинда слушала, не прогаясь и безъ ужаса, повѣствованія о подвигахъ отца своего; всѣ ея желанія, всѣ обѣщанія были о сохраненіи дней ее родившаго; и часто разгнѣванной Эмиръ, проходя своимъ гаремомъ, раздражался еще болѣе нѣжными

звуками ея голоса, такъ точно, какъ отверженные, которые въ адѣ слышатъ звуки люпны, пролетающаго мимо Ангела.

Любовь измѣнила кроткую дѣву: уже душа ея пламенѣеть и печаль изображается на прекрасномъ лицѣ. Теперь одна только мысль занимаетъ ее до изступленія; она часно повторяетъ послѣднія слова своего любезнаго: „ты оплачешь моихъ друзей несчастныхъ“ и теперь, съ горестію оплакиваетъ она каждаго Гебра, падшаго на сраженіи. Каждая сабля, блеснувшая въ ея глазахъ, кажется ей омоченною въ крови любезнаго; каждая стрѣла, свислящая въ воздухъ, мнится направленною въ сердце того, кто возбуждаетъ нѣжныя ея безпокойства. Уже перестала она опкоясывать страшную саблю Эмирову въ часъ сраженія, в еслибы онъ былъ прозорливѣе, еслибы желспокость сердца не затмѣвала глазъ его, Али - Гассанъ примѣнилъ бы перемѣну дочери своей, каждый разъ возвращаясь съ битвы: — ея прерывающійся голосъ — блуждающіе взгляды — видъ смущен-

мый — все бы дало знать, что любовь много перемѣнила нѣжную Гинду.

Но это не та любовь, которая бы должна была составить благополучіе сердца юнаго и невиннаго; не та, нѣжная, счастливая, нескрыпная, безпрепятственная любовь, которой благопріятствуетъ небо, одобряетъ свѣтъ и которая, возражаясь изъ дружбы въ домъ отеческомъ, соединяетъ сердца пріятнѣйшимъ союзомъ. Нѣтъ, Гинда, швоя несчастная любовь воспитана молчаніемъ, печалію и стыдомъ. Спрасть сія, лишенная надежды и удовольствій, погребена тайно во глубинѣ души швоей, какъ сокровище неправедно пріобрѣтенное, какъ божество безъ олшаря и безъ имяни, чешвуемое во мракѣ обожашелемъ своимъ изъ боязни нескромныхъ свидѣтелей.

Семь уже разъ покровы ночи расплалась надъ моремъ Омановымъ съ шѣхъ поръ, какъ Гинда при блѣдномъ свѣтѣ луны видѣла въ послѣдній разъ любезнаго Гебра, уплывшаго въ легкомъ челнокѣ своемъ. Каждую ночь она плачетъ на возвышенномъ балконѣ, ожидая

видѣть того, чья улыбка заставила ее пролить впервые слезы; но вообще смотреть она и плачешь: челнокъ, предметъ ея желаній, не появляется. Крики уединенной совы, ночнаго сокола и гнусной птицы, упитанной кровію труповъ и разсѣкающей упомянутымъ крыломъ воздухъ, одни только нарушаютъ ея задумчивость.

Настаетъ осьмая заря . . . и чело Али-Гассана блещетъ радостью необыкновенною . . . Какая пагубная новость можетъ радовать того, котораго веселился одними злодѣйствами? Пламя, свѣтящееся на морѣ Геркендовомъ (1), во время бурной ночи, не столь вѣрно предвѣщаетъ гибель и смерть, какъ улыбка на лицѣ Эмира.

„Пробудись, дочь моя, взываетъ онъ, вставай; звукъ громкаго керна (2) раз-

(1) Замѣчено, что море Геркендъ, возмущенное бурей, блеститъ какъ огонь.

(2) Родъ шрубы. Инструментъ сей былъ въ употребленіи въ войскахъ Тамерлана, и ужасный звукъ его слышанъ на разстояніи нѣсколькихъ миль.

будиль бы мершвыхъ въ гробницахъ — а ты спишь! — Возспань, дочь моя, и благослови сей день, счастливый для отца своего и для самага неба. — Никогда кровь невѣрныхъ не лилась и не будетъ липься шакъ изобильно въ море Омано-во, какъ сегодня; и прежде, нежели другая заря освѣшитъ землю, я изпочу кровь его по капль; даже въ эту самую ночь собственными руками моими извлеку его сердце.“ — Его сердце, воскликнула Гинда, голосомъ умирающимъ... Ей мечтался одинъ только ея любезной. — „Такъ, дочь моя, не смотря на пропасти и башни, Гафедъ будетъ нашъ. Измѣна предаешь его намъ; и безъ ней сила чародѣйственная, укрѣпляющая сихъ невѣрныхъ, вопрошивилась бы всемогущей десницѣ Аллы. Возмутишель сей, коего сабля затрудняла каждый шагъ мой кучами пруповъ, эшопъ злой духъ, чей пализманъ отражалъ доселѣ мщеніе небесное, познаешь въ ночь сію, каковы удары, наносимые саблею Араба, когда Богъ и мщеніе управляющъ его рукою... О пророкъ... клянусь свѣшлымъ вѣнцомъ, украшавшимъ

чело твое въ кровавыхъ долинахъ Ого-
 да (1), за каждый вздохъ, извлеченный
 мною изъ отчаянныхъ сердець невѣр-
 ныхъ, пожертвовавъ въ славнѣйшій храмъ
 твоя алмазомъ копей Персидскихъ! . . .
 Но что я вижу? . . . Моя дочь лишается
 чувствъ . . . Что значатъ эти померка-
 ющiе взоры . . . блѣдныя уста? О дочь
 моя! — Дочь моя, жизнь бранная тебѣ
 не прилична; возвратись въ Аравію. Ни-
 когда бы не заставилъ тебя бышь сви-
 дѣтельницаю битвъ, спрашныхъ и му-
 жамъ, еслибъ не былъ увѣренъ попрашь
 здѣсь сыновъ Персіи, къ ногамъ моимъ съ
 покорностію поверженныхъ — и это пле-
 мя нечестливое осмѣлилось извлечь мечи
 свои! . . . Но ободрись, дочь моя . . . вѣпръ,
 освѣщающій горящее лице твое, опда-
 липъ тебѣ въ сей день опъ здѣшнихъ
 береговъ, и прежде нежели канетъ капля
 крови, долженствующей въ этой ночи

---

(1) Магометъ имѣлъ два плема, внутренній и
 наружный; послѣдній назывался *ал-май-*
вашахъ, ш: е. повязка, вѣнецъ, кошорой
 носилъ овъ въ сраженіи при Огодѣ.

пролитъся, ты увидишь берега Счастливой Аравіи.“

Эмиръ сказалъ истину. Не ложная надежда его обольстила: изъ малаго числа вѣрныхъ друзей, кошорыхъ Гафедъ орлинымъ окомъ считалъ около себя на огненной горѣ — кто бы повѣрилъ . . . одинъ подлый измѣнникъ, цѣною золота, продалъ шайну скрытой слезы, ведущей по мракамъ пропащей до сего здація, послѣдняго убѣжища свободы. Оспавленный на полѣ бишвы, въ одной изъ вылазокъ, въ копорой опчаянные Гебры были разбины, онъ не умеръ съ храбрыми. Солнце, долженствовавшее бы освѣтить его могилу, освѣтило его предательство; и въ то время, когда мужественные поварищи, возвращаясь въ свое укрѣпленіе, оплакивали его вмѣстѣ съ падшими — онъ жилъ, и предъ лицомъ свѣтила міра, измѣнилъ вѣрѣ своей и дружбѣ несчастливой.

Какими словами должно проклиная измѣнника, предавшаго союзъ, братства и уголовавшаго оному преждевременную кончину посреди блестящихъ подвиговъ?

— Пусть чаша жизни его исполнится до краевъ черными измѣнами, обманчивыми надеждами и удовольствіями, исчезающими съ приближеніемъ жаждущихъ устъ! — Пусть будетъ она для него плодомъ сѣрнаго озера, заключающимъ во внутренности смрадъ и пепель! Проклятый опечеснвомъ, поспыженный въ дѣтяхъ, пусть будетъ онъ отверженъ добродѣтели, мира и славы и умретъ въ мученіяхъ пожирающія жажды на знойныхъ пескахъ пустынныхъ! Пусть тамъ озеро приблизится къ нему для прохладенія горячей горпани и вдругъ исчезнуть, какъ ложные призраки славы, его обольстившей; и когда его отверженная душа оставитъ свое бренное жилище, пусть будетъ она скипаться близъ рая, и, внимая радостямъ небеснымъ, — чувствовашъ всѣ мученія ада!

(Окончаніе впредъ).

О БАРДАХЪ, СКАЛЬДАХЪ И СТИХО- ТВОРЦАХЪ СРЕДНИХЪ ВЪКОВЪ.

Съ Друидами, жрецами Гальскихъ народовъ, находились въ тѣснѣйшей связи Барды или Друиды второй степени. Ихъ обязанностію было воспѣваніе героевъ и боговъ. Какъ пишомцы Друидовъ, посвящались они въ ихъ таинства и обучались наукамъ. На полѣ ратномъ, чтобы быть очевидцами самаго сраженія, они шли (такъ сказано въ одномъ древнемъ стихотвореніи объ Эрскихъ или Ирландскихъ Бардахъ) впереди войска, одѣтые въ бѣлое платье, съ блестящею арфою въ рукахъ и окруженные музыкантами. Во время битвы мѣсто ихъ было въ нѣкопоромъ разстояніи отъ сражающихся, откуда они безопасно наблюдали кровавую

сѣчу (ибо ихъ лице было неприкосновенно), замѣчали подвиги воиновъ и собирали матеріалы для своихъ пѣсней. По обычаю сѣверныхъ Бриговъ, наканунѣ сраженія, знаменитѣйшіе Барды своими пѣснями одушевляли мужество воиновъ. Къ нимъ имѣли столь великое уваженіе, что бросали оружіе, какъ скоро Бардъ возкликнулъ: воспрещаяю! Кромѣ нихъ, вожди и государи не имѣли никакихъ другихъ посланниковъ, и когда приготавливались къ войнѣ, то Барды были отправляемы во всѣ страны созывать подданныхъ подъ ихъ знамена. По мнѣнію народа, никогда герой не могъ вступитъ въ воздушные чертоги своихъ предковъ, доколѣ Барды не воспуютъ въ честь ему надгробной пѣсни.

Въ Галліи орденъ сей скоро прекратился, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Жестокій Эдуардъ, покоривъ сію страну, велѣлъ въ 1284 году предать смерти всѣхъ Бардовъ изъ опасенія, что бы они не воспламенили духа народа къ мужеству, къ прежней независимости и ввнушили ему ненависти къ деспотизму.

Въ Великобританіи, и по введеніи Христіанства, не теряли они уваженія и своего достоинства, хотя во многомъ совершенно измѣнились, находясь подъ покровительствомъ государей, учреждавшихъ ежегодно торжественныя пиршества, на которыхъ собирались Барды для чтенія своихъ стиховъ. Многие изъ нихъ не рѣдко обладали обширными землями, получали богатые дары отъ частныхъ людей и даже содержались на общественномъ иждивеніи. Уваженіе, имъ оказываемое и самыя преимущества, сопряженныя съ ихъ званіемъ, до того умножили сихъ пѣснопѣвцевъ, что при дворѣ одного Ирландскаго Короля считалось до тысячи главныхъ Бардовъ. Въ концѣ VI столѣтія причислась къ сему сословію претъ часть народа. Наконецъ, когда горные Шотландцы всѣ сдѣлались рюмачами, истинные Барды и достойные пѣвцы исчезли, а мѣсто ихъ заступили придворные стихотворцы и площадные крикуны, которые долгое время забавляли Дворъ и народъ, представляя слабые остатки славныхъ Бардовъ.

Въ Валлисѣ между знаменитѣйшими Бардами въ VI столѣтіи были: Хиваргъ и Таліесинъ; послѣдній прозванъ соотечественниками своими главою Бардовъ.

Въ Ирландіи извѣстенъ былъ славный Крафли, которой, по преданію, жилъ за 300 лѣтъ до Р. Х.

Въ Каледоніи около III, IV, и V столѣтій славились при знаменитые Барда: Орранъ, Улинъ и Оссіанъ; произведенія ихъ дошли до нашихъ времянь.

Оссіанъ произошелъ отъ поколѣнія отважнаго Тренмора, разрушившаго сословія Друидовъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ сопровождалъ онъ повсюду отца своего Фингала. Ирландія была для нихъ полемъ великихъ подвиговъ и славныхъ побѣдъ. Фингаль въ преклонныхъ лѣтахъ торжественно вручилъ сыну свое копье, котораго онъ не оставялъ до полъ, пока глубокая старость не испоргла его изъ побѣдоносной десницы. Оставивъ ратное поле, будучи слѣпъ и немощенъ, Оссіанъ услаждалъ остатокъ дней пѣснями, въ коихъ прославлялъ друзей, особенно же

ына своего Оскара, убишаго измѣною. Младая Мальвина, вдова Оскара учила наизусть его стихи и пѣла ихъ, сопровождая голосъ свой арфою. По смерти Осіана Барды переняли отъ Мальвины сіи пѣсни, кошорыя такимъ образомъ переходили изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію чрезъ четырнадцать столѣтій до нашихъ временъ (отъ III столѣтія до 1765 года). Г. Макферсонъ, во время путешествія въ Сѣверную Шотландію и на соседственные острова, собралъ стихотворенія Бардовъ и перевелъ ихъ съ Гальскаго языка на Англійской (*). Они приняты были съ такимъ одобреніемъ, что скоро разпространились повсюду и были переведены на всѣ Европейскіе языки; многіе ученые спавашъ Осіана наравнѣ съ Омеромъ.

Пылокое воображеніе одушевляло его шѣсни, въ кошорыхъ Поэшь безпрестанно переходилъ отъ сражений къ любви, отъ любви къ сраженіямъ и погружаешь слушателей въ неизяснимую меланхолію, ко-

---

(*) Они были изданы въ первый разъ въ Лондонѣ 1765 года въ двухъ томахъ.

порая соспавляешъ вмѣстѣ красосу и поро-
рокъ Оссіановыхъ твореній. Описанія его
живы и прекрасны; нѣкоторыя повѣствованія
особенно трогательны; изображенія
простоты нравовъ и великодушія шогдаш-
нихъ времянь превосходны. Рожденный на
печальныхъ скалахъ Шопландіи, находъ съ
посреди народа воинственнаго и грубаго,
окруженный снѣгами, бурными морскими
волнами и каменьями, воздвигнушыми
надъ прахомъ предковъ его, онъ не пред-
спавляешъ для воображенія ни одной при-
ятной карпины. Въ пѣсняхъ своихъ онъ
безпреспанно обращается къ шумнымъ
вѣтрамъ, сѣдымъ облакамъ, пѣнишному
морю, ужасамъ ночи, къ умершимъ геро-
ямъ, кошорыхъ, показываешъ во всѣхъ до-
блеспяхъ и даешъ имъ какую-шо вѣщорую
жизнь въ воздушныхъ селеніяхъ, между
пѣвмъ какъ злыхъ и безчеловѣчныхъ за-
спавляешъ въ ужасномъ бореніи носишь-
ся на бурныхъ вихряхъ. Угрюмая природа
въ глазахъ Оссіана не улыбалась и не пи-
шала сердца его, пріятнѣйшими мечшамъ,
разсыпающими какую-шо неизъяснимую
прелеспь на предмешы, насъ окружающіе.

Не одни Гальскіе народы имѣли Поэтовъ и Пѣвцовъ; и Германскія племена, блуждая по непроходимымъ лѣсамъ, въ странѣ шуманной и холодной, и находясь въ безпрестанной борябѣ съ природою, также любили поэзію, которая служила имъ забавою въ часы отдохновенія отъ трудовъ. Они въ семь случаевъ подобились нынѣшнимъ дикимъ Американцамъ, кошорые послѣ пораженія хищнаго звѣря, послѣ рыбной ловли, или по окончаніи битвы проводятъ время въ пѣніи и пляскахъ.

Во всей Скандинавіи, шо ешь въ Даніи, Норвегіи, Швеціи и Исландіи, въ древнія времена славились *Скальды* (*), кошорые, какъ кажется, не соснавлиа никакаго ордена. Чье сердце преисполнялось божественнымъ огнемъ, кого сильно поражали красоты природы, шощь бралъ лиру и передавалъ другимъ свои чувства. Короли на шронѣ, наслухи въ хижинахъ играли на арфѣ, когда *Скальвингль* или поэтической духъ одушевлялъ ихъ. Присуп-

---

(*) Скальдъ, на древнемъ Скандинавскомъ нарѣчїи, означаетъ разумаго или остроумнаго мужа.

сплывъ подобно Бардамъ на сраженіяхъ, они ободряли малодушныхъ и пѣснями возвытали духъ воиновъ. Они воспѣвали боговъ и людей, героевъ и цѣлыя поколѣнія, великія произшествія и маловажныя обстоятельства, преподавая ученіе о природѣ и шансствахъ, вѣрвы; но преимущественно воздавали похвалы тремъ божествамъ: любви, храбрости и славы.

Короли Норвежскіе, Датскіе, Шведскіе, Османскіе (въ Ирландіи) и Английскіе старались къ себѣ привлечь Скальдовъ, какъ для прославленія своихъ подвиговъ и рода, такъ и для великолѣпія двора, гдѣ пѣсни ихъ повсюду до XIII столѣтія, когда число придворныхъ Скальдовъ увеличилось до чрезвычайности. — Не рѣдко знаменитаго Скальда принимали при трехъ Скандинавскихъ Дворахъ — и не прежде отпускали въ путь, какъ тогда, когда кто либо изъ придворныхъ научился его пѣснямъ. Последний придворный Скальдъ былъ Стурле Тордсонъ, жившій около 1265 года у Биргера Ярла въ Швеціи.

Исландскіе Скальды, наиболѣе прославившіеся въ позднѣйшемъ времени, сохра-

нили намъ пѣсколько произведеній Скан-
динавской словесности и драгоценнѣйшій
памятникъ Сѣверной Поэзіи, философіи и
нравственности — Эду.

Поэзія Сальдовъ отличается отъ
стихотвореній прочихъ народовъ двумя
особенными качествами: Просодією и Ми-
еологією. Первая основанная на самой ис-
кусной гармоніи, доставила ту выгоду,
что пѣсни Сальдовы сохранились въ ша-
комъ видѣ, какъ онѣ вышли изъ устъ По-
эта, не смотря на то, что онѣ чрезъ нѣ-
сколько вѣковъ передавались по одному
только преданію. Миеологія образовала
новый литературскій языкъ, богатый фи-
гурами и стильный въ выраженіяхъ. Они
называли небо *герломъ исполина Имера*,
рѣки кровію долинь, радугу *мостомъ бо-*
говъ, *путемъ неба*, золото *слезами Флеси*
(богини любви), стихотворство *Одино-*
вымъ питіемъ, землю *основаніемъ воздуха*,
дщерью ноги, *кораблемъ плавающимъ въ*
вѣкахъ, *распенія ея рцномъ*, *сраженіе кро-*
вавою баню, *гридомъ Одина*, *море полемъ*
разбойниковъ и *полсомъ земли*, *корабль ко-*
немъ солнца, *ночь покровомъ разговоровъ* и

работѣ, послѣдній день міра сцѣмерками боговѣ, ледь величайшимъ изъ мостовѣ, языкъ метели словѣ и проч.

Въ Великобританіи Англо-Сакскіе спихотворцы въ среднихъ вѣкахъ назывались *Минстрелами*. Названіе сіе произошло опъ изпорченнаго Латинскаго слова *Ministellus*, означающаго и художника и придворнаго чиновника.

Доколѣ Англо-Саксы признавали вѣру Одина, Минсперлы воспѣвали свои спихи при играніи на арфѣ, въ домахъ знатныхъ и при шоржеспивенныхъ пиршествахъ; но по введеніи Христіанства вышло изъ обычая пѣшь спихи. Поэзія сдѣлалась занятіемъ ученыхъ, напрошивъ музыка и цѣнне оспались у Минсперловъ, которые, какъ и прежде, соспавляли особенное общество и бродили по разнымъ мѣспамъ. Какъ въ язычествѣ шакъ и во времена Христіанства, они, подобно Бардамъ и Скальдамъ, умѣли сохранишь къ себѣ уваженіе; вездѣ имѣли свободной доступъ, могли безпрепятственно пумешествовашъ въ своемъ одѣяніи и безъ всякаго опасенія посѣщали непріятельской спань. У

Англо-Сакскихъ Королей Минсперль было особенное придворное званіе. Царствованіе Рихарда I (въ XII столѣтіи) можно почести цвѣтущимъ вѣкомъ Минсперловъ. Въ послѣдствіи они имѣли свое судилище (*), выбирали изъ среды своей Короля и чепырехъ начальниковъ, имѣвшихъ надзоръ за членами ихъ ордена. Еще при Генрихѣ VIII (царствовавшемъ ошь 1509 до 1547) всѣ дворяне и значившіе люди содержали по нѣскольку Минсперловъ. При концѣ XVI столѣтія, сіи пѣвцы шакъ развратились и сдѣлались сподъ презрительными, что Елисавета повелѣла считашь ихъ наравнѣ съ разбойниками и подвергати шѣмъ же наказаніямъ.

Съ сего времени исчезаетъ имя и орденъ Минсперловъ.

Минсперлы произошли не ошь Гальскихъ Бардовъ, находившихся въ Бришаниі, но ошь древнихъ Англо-Сакскихъ спитхопворцевъ; древнѣйшія Англинскія Баллады и Романсы суть ихъ произведенія.

Почши въ поже время, когда Минсперлы воспѣвали свои пѣсни, процвѣша-

(*) Предъ концемъ XIV столѣтія.

ли въ Россіи *Бояны*, а въ Германіи знаменитый орденъ *Миннезингеровъ*.

Подъ именемъ *Бояновъ*, кажется, должно разумѣть *Славянскихъ Бардовъ* или *Скальдовъ*. Хотя Исторія совсѣмъ не упоминаетъ о нашихъ стихотворцахъ, однакожь ославшіяся пѣсни свидѣтельствуютъ о ихъ существованіи. Они не составляли въ Россіи никакого ордена, не окружали ни Великихъ Князей, ни бояръ, ни богатѣйшей, не служили для великолѣтнѣя Двора, не сопровождали воиновъ на полѣ битвы, не воспламеняли въ сраженіи сердца къ мужеству; но кто вдохновенъ былъ Фебомъ, кто кипѣлъ въ сердцѣ своемъ любовь къ изящному; кто бралъ лиру и прославлялъ въ своихъ спихахъ все то, что внушало ему чувства, что ему нравилось, было близко къ его сердцу, приятно или горестно для воспоминавія.

Любовь къ поэзіи вмѣстѣ съ рыцарствомъ, можетъ быть перенесена въ наше опечесство опважными Норманнами. — Цвѣтущею эпохою Поэзіи и Рыцарства можно полагать вѣкъ Владиміра Великаго, когда Россія, преслѣдуя и поражая повсю-

ду своихъ непрятелей, разпространяла
 свои предѣлы и внушила къ себѣ уваженіе
 самой Греціи. Казалось, что все пригото-
 вляло ее къ будущему величію; и уже
 просвѣщеніе начало разпространявъ благо-
 дѣтельное свое дѣйствіе; но смертию Яро-
 слава I прерываеши блистательный пе-
 риодъ Россійской Исторіи, наступаютъ
 времена шажка и жребиі обрекаетъ Рос-
 сію на бѣдствія, оны несогласій и влас-
 толюбія кровожадныхъ и малодушныхъ ея
 повелителей и передаетъ ее содѣйстви-
 тельнымъ народамъ на порабощеніе. Остано-
 вилось просвѣщеніе и Россіяне, помимые
 раздорами внутреннихъ междоусубій, ос-
 таются позади всѣхъ образованныхъ на-
 родовъ Европы. Бояны любили блиста-
 тельный вѣкъ Владиміра, который, мо-
 жетъ быть, имъ шокровипельсимволя
 или котораго царствованіе представляло
 для Поэзіи всегда новыя и пріятныя
 предметы. Въ сіе время Россія славилась
 великолѣпными пирами, гдѣ гора зелена
 вина и турій рогъ меду сладкаго услажда-
 ли гостей. Мугучіе богатыри, привлечен-
 ные ко Двору ласковосшію государя, ча-

сто съ нимъ пировали, или испытывали свою силу и ловкость, или на поле рашномъ поражали несмѣшныя полки непріятельскіе.

Изъ уцѣлѣвшихъ опрышковъ опъ Поэзіи нашихъ предковъ можно замѣтить, что Бояны, такъ сказать, образовались въ одной школѣ, ибо они всегда придерживались однихъ и тѣхъ же выраженій, однихъ эпическовъ и прославляли своевольство и буйство богатырей, выславляя ихъ какими то Гигантами. Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ древней Словесности нашей почитается: *Слово о полку Игоря*, въ коемъ описывается происшествіе, случившееся въ 1185 году съ Удѣльнымъ Княземъ Новгородъ-Сѣверскимъ Игоремъ Святославичемъ, въ предпріятомъ имъ походу въ землю Половецкую. Въ Поэмѣ сей или эпической повѣсти, писанной въ изходѣ XII столѣтія, стихотворецъ упоминаетъ о какомъ то *соловьѣ вѣщелѣ Боянѣ* (1) которъй когда хошѣлъ

---

(1) *Соловьями, Боянами вѣщелами* называется преданіе древнихъ стихотворцевъ нашихъ, истинныхъ учениковъ природы.

кому пѣснь творить, то носилъся мыслию по древу, сѣрыми волками по землѣ, сизыми орлами подѣ облаками. Поэма исполнена силою слога, красотою и блестящими Метяфорами; быспроша и сила выраженія соспавляютъ главное ея достоинство. Кромѣ сей Поэмы оспалось нѣсколько пѣсней, посвященныхъ Венерѣ и Вакху, въ коихъ часпо воспѣвающся языческіе боги и многіе обряды, нынѣ почти забытые; также нѣсколько богашырскихъ повѣстей, копорыя предспавляютъ спранныю смѣсь истиннаго и ложнаго, благороднаго и низкаго и вздорнаго.

Миннезингеры или Швабскіе спихотворцы процвѣтали во время царствования Швабскихъ Императоровъ (отъ 1136 года до половины XIV столѣтія). Владычество сихъ Императоровъ было испочникомъ славы и благоденствія Германцевъ. Благопріятное обспоятельство, могущество и спокойствіе Германіи, шрудолубіе и изобрѣшательной духъ ея сыновъ, все имъ къ шому способшвовало. Князья и Васалы содѣлались сильными и богашыми, великолѣніе водворилось въ ихъ

чуждогахъ, цѣлующая торговля разпространяла между ними вкусъ и просвѣщеніе, а крестовые походы познакомили ихъ съ роскошью, обычаями, науками и познаніями другихъ земель. Это мало по малу смягчило нравы дикихъ Германцевъ и миролюбивыя занятія преслали уже бысть чужды ихъ сердцу. Прованскіе опизхониторцы вселяли въ ихъ охоту къ снисканію пловрису, и Миннезипгеры начали воспѣвать любовь и другіе предметы. Вскорѣ Императоры, Короли, Князья, Герцоги, Маркграфы, Графы, Дворяне, Рыцари и просмолюдты принимались за дѣло и гордились дарами воображенія и искусствомъ живописанья своихъ чувствъ. Тогда наступилъ золотой Періодъ древняго Германскаго языка и Пoesiи.

Подъ словомъ *Минне* древніе Германцы разумѣли воспоявную и нелицебѣрную любовь къ той дѣвицѣ, которую избрало сердце. Минне воспламеняло Рыцаря къ оыважнѣйшимъ предпріятіямъ; одушевленный ею, презиралъ всѣ опасности и починалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ, ежели прекрасная ободрала его

поднять из турширь, или улыбочко вскрывая
 побдипел. Одна взаимная любовь бы-
 лага градоу — и прелестная, сіе земное
 божество Рыцарей, зашила ему всь при-
 яшности здѣшней жизни. Но когда не
 дѣла было обьяснить чувствъ своихъ пря-
 мо, тогда лирные звуки служили ихъ онго-
 лоскомъ. Рыцарь шѣлъ печальныя дѣсны и
 извлекалъ изъ арфы шѣл поминныя звуки,
 конырне носилась въ окрестностяхъ уг-
 рюмыкъ Говитескихъ замковъ, или по вы-
 сокимъ снѣгамъ монашескимъ, гдѣ час-
 то суеврѣніе, не выная ни вопалъ, ни
 гласу самой природы, избрасывало мона-
 шеской покровъ на главу прелестныхъ,
 рожденныхъ бытъ украшеніемъ свѣта и
 счастиемъ семейственной жизни.

Они Минезингеровъ оспалось боль-
 шое число Лирическихъ, Дидактическихъ
 и Эпическихъ стиховореній; нѣкопы-
 рья были издавы, и многіе Нѣмецкіе пи-
 сатели почерпали изъ нихъ содержаніе и
 заимствовали красныя для своихъ со-
 чиненій.

Происхождение Минезингеровъ и ко-
 нецъ ихъ неразрывно связаны съ основа-

ніемъ и разрушеніемъ Рыцарства, сего прекраснѣйшаго учрежденія, дѣлающаго честь роду человѣческому. По уничтоженіи Рыцарства и Миннезингеровъ возникли *Мейстерзингеры*. Музы, которыя до сихъ поръ обитали въ роскошныхъ чершобахъ, подъ покровительствомъ Императоровъ и вельможъ, переселились въ крестьянскія хижины, или подружились съ шрудлюбивыми ремесленниками. Съ XIV вѣка Поэзія перестаетъ быть въ Германіи занятіемъ дворянства; Миннезингеры исчезаютъ и на мѣсто ихъ выступаютъ важные Мейстерзингеры, которые хотя и прежде были извѣстны, но въ сіе только время обратили на себя вниманіе.

Слово Мейстерзингеръ означаетъ мастера въ пѣніи, ибо Поэзія, перешедшая въ руки ремесленниковъ и подъ ихъ покровительство, должна была подчиниться законамъ цеха. Члены, принадлежавшіе къ ордену Мейстерзингеровъ, раздѣлялись на степени учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ, подобно тому, какъ сіе наблюдается въ механическихъ искусствахъ — и

сею по постепенностию можно было получить право на званіе стихотворства. Дарованіе рѣдко было опличаемо; одно шрудолюбіе и шерпѣніе снискивали вѣнцы лавровые. Извѣстнѣйшіе цехи Мейсперзингеровъ находились въ знаменѣйшихъ городахъ, какъ по: въ Майнцѣ, Регенсбургѣ, Нюренбергѣ, Спрасбургѣ, Аусбургѣ, Ульнѣ и въ другихъ.

Предшествованіе Миннезингерамъ *Прованскіе стихотворцы или трубадуры* получили начало въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, когда варварство и невѣжество царствовали во всей Европѣ, когда монархи, порабошивъ умъ суевѣріями всякаго рода, господствовали надъ совѣстію и умомъ слабыхъ смертныхъ. — Тогда въ южныхъ областяхъ Франціи, подъ чистою лазурью неба, въ сипранѣ благословенной, обильной всѣми красошами природы, извѣстной подъ общимъ именемъ Провансіи (1), про-

---

(1) Южная Франція называлась Провансомъ, пощому, что Прованской или Романской языкъ смѣсь Цельскаго, Лашинскаго и древняго Германскаго былъ въ ней общимъ.

дѣлали трубадуры, опция новѣйшей Французской Поэзіи. О происхожденіи снзъ снмкошворцевъ нѣтъ никакихъ достоверныхъ свѣденій. Первый извѣстной трубадуръ былъ Вильгельмъ IX, Графъ Поадускій и Герцогъ Аквитанскій, жившій въ XII столѣтіи и прославившійся своею развратною жизнью, оспроною и прекрасными снмками. Безъ всякаго сомнѣнія онъ имѣлъ предшественниковъ; чистота его слога доказываемъ, что языкъ былъ уже обработанъ.

Примѣръ Графа возбудилъ соревнованіе. — Трубадуры вскорѣ были приняты при дворахъ князей и вельможъ, гдѣ, наслаждаясь всѣми удовольствіями жизни и предношеніемъ, которое дѣлало самолюбію, — свободно занимались Поэзіею и музыкою. — Женщины, присутствующія на турнирахъ, опредѣляли также награду и паланкамъ. Часто красотка оцѣняла первое произведеніе юнаго Поэта, и снрогая критика, часто умерщвляющая дарованіе при самомъ рожденіи, не смѣла произнести приговора, когда рука прелестной дѣвицы украшала главу Трубадура павлиньимъ це-

ромъ (*). Но не въ одной Франціи Трубадуры пользовались уваженіемъ и славою; они, будучи образованнѣе Бардовъ и Скальдовъ, приобрѣли себѣ любовь самыхъ иностранцевъ. Римскіе Императоры Фридрихъ I и Фридрихъ II привлекли ихъ къ своему двору, а Рихардъ Львиное сердце почтилъ своею дружбою и осыпалъ богатыми милостями. Принятыя въ разныхъ городахъ Испаліи, въ сей классической землѣ, они снова возродили любовь къ наукамъ. Испаліянцы по слѣдамъ ихъ спали занимались Поэзіею и успѣхи ихъ были споль блистательны, что они вскорѣ превзошли своихъ учителей. Дантъ, въ концѣ XIII спольшій, далъ новое направленіе своему языку и возвысилъ оный предъ Прованскимъ. — Явился Петрарка, и въ самомъ опечесствѣ Трубадуровъ, мелодическими звуками, прекрасными, исполненными нѣжносносію стихами, совершенно помрачилъ славу Прованскихъ стихотворцевъ; съ сего времени сокрылись навсегда опъ лица Европы имя, языкъ и поэзія Трубадуровъ.

(*) Memoires sur l'ancienne Chevalerie par Sainte Palaye. Paris. 1759. T. I. p. 125.

Трубадуры считали между собою многих Королей. Англійской Рихардъ I Львиное сердце, Арагонскіе Альфонсъ II и Пепръ III, Сицилійскій Фридрихъ, многіе вельможи, рыцари, знашнѣйшія дамы, духовныя особы, монахи и люди всѣхъ сослояній принадлежали къ числу ихъ. Упомянемъ только о знашнѣйшихъ. Бернардинъ де Венпадуръ, жившій въ XII спольшій. Пеззія его оплмчається живыми и нѣжными чувспвами, прекрасными карпинами, легкими спихами. Пепрарка почщилъ его похвалою. Пердигонъ, сынъ бѣднѣйшаго рыбака; дарованіємъ своимъ, умомъ и пріятною наружноспію достигъ до особеннаго оплчія. Его повсюду принимали съ почестію, вездѣ удивлялись его способностямъ и знашнѣйшія дамы спарались ему нравиться, чіпобъ удоспоишься похвалы въ его спихахъ. Онъ умеръ въ 1269 году. Гиродъ де Борнель произошелъ также ошъ бѣдныхъ родителей низкаго сослоянія. Съ образованнымъ умомъ и обширными познаніями, превзошедъ въ Пеззіи всѣхъ предшеспвенниковъ и послѣдовапелей, онъ получилъ ошъ современниковъ наименова-

нѣ *Главы* (*maitre*) *Трубадуровъ*. Онъ умеръ 1278 году. Сордель, жившій въ XIII столѣтїи, опличился особенною ошрабошкою своихъ сочиненій. Кардиналь Петръ равнымъ образомъ принадлежишь къ числу пѣвчихъ, коихъ сочиненія заслуживающъ вниманіе просвѣщенныхъ мужей. Главнѣйшее достоинство его состоишь въ знаніи людей и въ искусствѣ изображать ихъ.

Въ то же время, когда славились Трубадуры, извѣстны были еще *Сказогники* (*les Conteurs*), *Пѣвцы* (*les Chanteurs*) и *Жонглеры* (*Jongleurs*). Сказочники сочиняли повѣсти и романы прозою, Пѣвцы пѣли произведенія Поэтовъ, а Жонглеры играли ихъ на разныхъ инструментахъ. Всѣ они, подспрѣкаемые прибыткомъ, скипаясь изъ города въ городъ, изъ замка въ замокъ, обогащались опъ своего искусства.

Въ сочиненіяхъ Трубадуровъ находимъ мы самое вѣрное изображеніе тогдашнихъ нравовъ: мечъ замѣнялъ всѣ права; война, любовь и Религія, составлявшія главное основаніе рыцарства, были также главнымъ содержаніемъ ихъ сочиненій. Произведенія Трубадуровъ состоятъ изъ стихо-

пвореній Анакреоническихъ, Историческихъ, Сапирическихъ и Дидактическихъ. Въ первыхъ изображается любовь въ обворожительныхъ карпинахъ, иногда нѣжною и пылкою, иногда искреннею и безыскусственною, иногда робкою, благоговѣющею предъ божествомъ своимъ. Родъ историческихъ Поэмъ, называющихся *Сирванты* и состоящихъ изъ похвалъ и насмѣшекъ, опирается до современныхъ происшествій и знаменитыхъ особъ тогдашняго времени, или прославляетъ побѣды, одержанныя Христианскими Государями надъ невѣрными въ Крестовыхъ походахъ. Въ Сапирическихъ сочиненіяхъ изображаются нравы ихъ въковъ самыми черными красками. Угнѣшеніе подданныхъ, вѣроломство, ненавистливая спрасъ къ грабежу, всеобщій развратъ, пороки духовенства и монаховъ были неизчерпаемымъ источникомъ для Сапирь. — Дидактическая Поэзія Трубадуровъ любопытна по своему содержанию. Пастушеская (*pastourelles*) олицетворяется числосердечіемъ, разговорами, преисполненными нѣжносши и невинносши. Повѣсти (*novelles*) замѣчательны по простото-

ствъ расказа, а въ копорья изъ нихъ и по прекрасному содержанию. *Тенсонами* (tensons ou jeux partis), назывались замысловатые вопросы о любви, подавшие мысль къ учрежденію извѣстнаго судилища *Дворъ любви* (la cour d'Amour), куда собирались умные мужчины и образованнѣйшія женщины для разрѣшенія споровъ, произведенныхъ Тенсонами. Приговоръ сего судилища почивался священнымъ; на немъ присупспововаль *Нагальникъ любви* (Prince d'Amour), избираемый на одинъ годъ. Званіе сіе споль было уважительно, что его занимали попеременно Король Рихардъ, Король Альфонсъ Аррагонскій и многіе знаменитѣйшіе люди и вельможи.

Трубадуры, бывшіе основателями новѣйшей Поэзіи, сочиненіями своими разпространили въ Западной Европѣ Прованской языкъ, копорому Испанской, Англійской, Италіанской и Французской одолжены многими новыми красотоми, а опчашпи и самымъ усовершенспованіемъ. Они пріохопили Испанцевъ, Италіанцевъ и Французовъ занимашья Поэзією. Изъ сочиненій Трубадуровъ Петрарка почерпнула

содержанія для большей части своихъ по-
вѣстей, Мольеръ нѣсколько сценъ для сво-
ихъ Комедій. Имъ обязаны мы также вве-
деніемъ во всеобщее употребленіе рѣмы,
заимствованной отъ Арабовъ или Испан-
скихъ Мавровъ. Трубадуды были также
первые учредители Тулузской Академіи
(les jeux floraux), въ когорую спекались
спихопворцы для чтенія лучшихъ произ-
веденій своихъ. Первое собраніе въ оной бы-
ло въ 1325 году въ присутствіи много-
численныхъ посѣпителей.

А. Р.

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ РУКОПИСИ, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ: ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИСПАНІИ.

(*Продолженіе*).

Въ сіе время, по внушеніямъ Маркиза де-ла-Романы Духовенству и обласпнымъ Юншамъ, быспро разлившимся по всей Испаніи, начали образоваться Гверильясы или Партизаны. Милиція, или всеобщее ополченіе, дѣйствовала вмѣстѣ съ регулярными войсками, и получала равное содержаніе и продовольствіе. Гверильясы вооружались на свой счепъ, и по возможности образовали пѣшія, или конныя шолпы, не знали ни дисциплины, ни военныхъ эволюцій, но зато не знали и страха. Никогда не освѣдомлялись о движеніяхъ и

планахъ какъ своей, такъ равно и непріятельской арміи, не спрашивали о числѣ. Для нихъ было все равно, находишься въ мѣстахъ, окруженныхъ своими, или непріятельскими войсками. Цѣль ихъ была вредить врагу опечества, а средствъ скорѣйшія почипались ими лучшими. Поперя жизни не только не успрашала ихъ, но напрошивъ того имѣла необыкновенную въ ихъ глазахъ прелесть; ибо вѣнецъ мученической долженствоваль бытъ ея наградой. Смѣлоснѣ Гверильясовѣ превосходилъ всякое описаніе. Они нерѣдко врѣзывались въ средину непріятельскихъ колонъ, единственно съ тѣмъ, чтобы, убивъ нѣсколько человекъ, погибнуть славною смертію за опечество. Какъ спая хищныхъ пшицъ, они всегда слѣдовали за арміей — и всякой опспавшій солдатъ былъ жершвою ихъ неумолимой месши. Не пропускали ни одной дефилии, горы, кустарника, переправы, чтобы не воспользоваться случаемъ и не вспревожисъ непріятеля. Въ горахъ, въ кустарникахъ выспрѣлы раздавались со всѣхъ споронъ, и Французы всякой часъ въ рядахъ ожидали смер-

ши, не видя враговъ своихъ. Каждый переходъ стоилъ нѣсколькихъ людей и лошадей безъ бипвы и встрѣчи прошивниковъ. Спарцы, женщины и малыя дѣшш находились между ними, и всякой изъ нихъ спарался вредить по возможности. Мальчики прокрадывались по ночамъ въ лагерь и конюшни, и подрѣзывали жилы подъ колънами у лошадей. Женщины подчивали оправленнымъ солдашь виномъ и назначали имъ свиданія, гдѣ смерть ожидала легковѣрныхъ. На ночь надлежало упрощать число часовыхъ въ паркахъ арпилерійскихъ; ибо ящики немедленно взлетѣли бы на воздухъ. Толпы Гверильясовъ рѣдко сообщались между собою — и дѣйствовали опдѣльно, подѣ начальствомъ приходскихъ Священниковъ, деревенскихъ прахширщиковъ, спуденшовъ, лѣкарей, адвокашовъ и прочихъ людей, пользующихся довѣренностью простаго народа. Только нѣкопорые извѣстные люди имѣли большіе опряды, но число ихъ было неопредѣленно и уменьшалось или увеличивалось по обспояшельспвамъ. Ужасные и жестокіе начальники Гверильясовъ, причинившіе

наиболѣе вреда Французамъ, суть: Жуанъ Маршино, прозванный *el Empecinado* то есть *Неприлиримый*, Генераль Мина и Маркизь Порлиеръ. Первый испреблялъ Французовъ въ обѣихъ Касшилїяхъ; впорой въ Наваррѣ, которою управлялъ самовластно, а послѣдній запруднялъ сообщеніе между Бургосомъ и Мадрипомъ. Въ Порпугалліи одна прекрасная женщина, которую жипели называли *Wictoria* то есть побѣда, а Французы *Героиня Пансфіельская*, по мѣспу ея рожденія, имѣла опрядъ, соспоявщій изъ нѣсколькихъ сощъ самыхъ опчаянныхъ Гверильясовъ, привлеченныхъ подъ ея знамена чрезвычайною красопою начальницы и необыкновеннымъ мужеспвомъ. Юношество богатыхъ и знапныхъ домовъ сей Провинціи пѣснилось съ оружіемъ въ рукахъ вокругъ сей Амазонки, и опличившимся въ сраженіи, сверхъ похвальной рѣчи, поцѣлуй прелеспныхъ успъ служиль наградою.

Вообще Гверильясы для нападенія избирали мѣспа, гдѣ бы непріательская кавалерія не могла дѣйствовать. Апаки свои производили они съ ужаснымъ крикомъ и

проклятіями въ одно время съ нѣсколькихъ споронъ. Ежели имъ удавалось разбить — то всѣхъ враговъ безъ исключенія предавали смерти; въ прошивномъ случаѣ разсыпались поодиначкѣ и въ извѣстное время и на условленномъ прежде мѣстѣ снова собирались, обыкновенно тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ожидали. Жестокость ихъ и безчеловѣчіе доходили до величайшей степени, и несчастные, попавшіеся имъ въ плѣнъ, погибали въ лютейшихъ мученіяхъ. Особенно женщины славилась своимъ свирѣпствомъ. Имъ отдавали на испязаніе больныхъ, раненыхъ, женщинъ и дѣтей, надъ кошорыми они испощали всѣ роды пышокъ и перзаній. Не было того дня, чтобы Французы не встрѣчали расперзаныхъ шѣлъ своихъ поварищей и единоземцевъ, нарочно выспавленныхъ на позорище. Взаимно и Гверильясы не получали пощады. Всякой Испанецъ, взяшый съ оружіемъ въ рукахъ безъ мундира, но въ крестьянскомъ плащѣ, былъ немедленно распрѣливаемъ. Правда, что мудроно означить, къ какому роду принадлежалъ, нарядъ Гверильясовъ, кошорые большей ча-

спью облакались, для ознаменованія пор- жесства своего, въ одежду испребленныхъ ими враговъ, не сохраняя припомъ ника- каго приличія. Съ обнаженными ногами, въ богашомъ гусарскомъ исподнемъ плашьѣ, въ мундирѣ просшаго фурлейша и гене- ральской, украшенной перьями и галунами, шляпѣ, являлся Гверильясъ на добромъ Андалузскомъ жеребцѣ, увѣщенномъ орденами и гербами Французскими. Уланская пика, или пѣхопное ружье,— равно ему нравились. Главное сосщюло въ шомъ, чптобы бытъ одѣшымъ и воору- женымъ на счешъ непріяшеля: ибо сіе при- носило ведикую почесщъ между жипшелями.

Обыкновеннымъ предметомъ нападе- ній Гверильясовъ были транспорты, шед- щіе изъ Мадрища во Францію и обратно; ошряды больныхъ и раненыхъ и запасные магазины, кошорые, не взирая на сильное прикрышіе, рѣдко избѣгали опасносщей безъ значисельной пошери. Для облегче- нія сообщеній и содержанія почшы, въ из- вѣсшномъ разсшюлнн на большихъ доро- гахъ были построены укрѣпленія и спа- рые замки приведены въ оборонисельное

состояніе. Но сіи мѣры мало помогали; ибо шаковыя укрѣпленія находились въ безпреспанной блокадѣ. Часпо случалось; что для сообщенія приказанія одному баталіону, надобно было посылать другой. Въ присутствіи Французскихъ войскъ жители города или деревни повиновались приказаніямъ новаго правленія, но лишь полько опрядъ выходилъ, соспавлялась немедленно провинціальная или мѣстная Юнша и принуждала жителей вооружаться и дѣйствовать непріятельски. — Спрахъ наказанія ни мало ихъ не удерживаль: они спокойно смощрѣли на превращаемые въ пепель ихъ жилища и разхищеніе имущества, довольствуясь взаимнымъ опощеніемъ, сожигая медленнымъ огнемъ пльвиныхъ на мѣспѣ преспупленія.

Для водворенія и увѣковѣченія въ сердцахъ Испанцевъ ненависти прошиву Французскаго народа и шогдашняго начальника его Наполеона Бонапарте, сверхъ множества разнаго рода прокламацій, составлень былъ духовными Политическій Кашехизисъ, кошорому подѣ присягою всѣ должны были послѣдовать, и научать по

оному дѣшеі своихъ. Я сообщу нѣкоторыя главнѣйшія сдѣшья, и вы увидите, какимъ духомъ оживленъ былъ народъ Испанской прошиву своихъ притѣснителей: До компаніи 1812 года первый примѣръ любви къ свободѣ въ исторіи новыхъ времявъ! Примѣръ великій и похвальный!

ПОЛИТИЧЕСКІЙ КАТИХИЗИСЪ ИСПАНСКАГО НАРОДА.

Г Л А В А I.

Вол. Скажи мнѣ, сынъ мой, кто ты шаковъ.

Отв. Испанецъ, милосшію Божіей.

В. Что шакое значить Испанецъ?

О. Честный человекъ.

В. Какія обязанности Испанца и сколько ихъ?

О. Три: бытъ добрымъ Христіаниномъ, защищать свою вѣру, опечество и Царя, и скорѣ умереть, нежели упасть духомъ.

В. Кто Король нашъ?

О Фердинандъ VII.

В. Какъ онъ долженъ бытъ любимъ?

О. Съ величайшею горячностью, какъ заслуживающъ его несчастія и его добродѣшль.

В. Кто врагъ нашего благополучія?

О. Императоръ Французской.

В. Каковъ эшошь человекъ?

О. Золь, гордь, начало всякаго зла, конецъ всякаго добра, смѣшеніе и соединеніе всѣхъ пороковъ.

В. Какаго онъ естества?

О. Двокаго: дьявольскаго и человѣческаго.

В. Сколько Французскихъ Императоровъ?

О. Одинъ въ шрехъ обманчивыхъ лицахъ.

В. Какія суть сіи лица?

О. Наполеонъ, Мюрашъ, и Годоа (князь мира).

В. Кто изъ нихъ злѣе?

О. Всѣ равны.

В. Опъ чего промзходитъ Наполеонъ?

О. Опъ грѣха.

В. Мюрашъ?

О. Опъ Наполеона.

В. А Годоа?

О. Опъ козней двухъ первыхъ.

- В.** Каковъ характеръ перваго?
О. Гордость и деспотизмъ.
В. Втораго?
О. Хищность и свирѣпство.
В. А прервьяго?
О. Скупость, измѣна и невѣжество.

Г Л А В А II.

- В.** Кто таковы Французы?
О. Христиане въ древности, Еремики въ нынѣшнее время.
В. Что ихъ привело въ рабство?
О. Ложная Философія и развращенные нравы.
В. Къ чему служатъ они Наполеону?
О. Одни для возвышенія его гордости, другіе, какъ орудія, для испребленія рода человеческого.
В. Когда долженъ кончиться сей ужасной деспотизмъ?
О. Уже онъ близокъ къ паденію.
В. На что мы должны полагать нашу надежду.
О. На Бога и на усиліе нашего опечесства.

В. Что есть опечество?

О. Собрание въ одно общество многихъ людей, управляемыхъ царемъ и имѣющихъ одни законы.

В. Какаго наказанія достоинъ Испанецъ, измѣняющій своимъ правамъ и обязанностямъ?

О. Безчестія, естественной смерти, назначенной измѣнникамъ и гражданской смерти для потомковъ.

В. Что есть естественная смерть?

О. Лишение жизни.

В. Что есть гражданская смерть?

О. Опнятіе имѣнія и лишение всѣхъ правъ и почестей, копорыя Государство предоставляетъ храбымъ и честнымъ гражданамъ.

~~~~~

Г Л А В А III.

..... ?

.....

В. Грѣхъ ли умертвить Француза?

О. Нѣтъ, Опче мой, напротивъ это Богоугодное дѣло, избавляющее опечество отъ чужеземныхъ припѣснителей.

Г Л А В А IV.

- В.** Что есть храбрость?
- О.** Сила душевная, ожидающая съ терпѣніемъ, спокойствіемъ и благоразуміемъ случая къ одержанію побѣды надъ врагомъ.
- В.** Для приобрѣшенія оной нужна ли подчиненность?
- О.** Конечно, она есть душа храбрости.
- В.** Кому слѣдуетъ повиноваться?
- О.** Всѣмъ начальникамъ.
- В.** Кто есть почтеннѣйшій и драгоцѣннѣйшій сынъ Отечества?
- О.** Тотъ, кто съ храбростью соединяетъ правила чести и безкорыстія.
- В.** Кто ищетъ почестей, не заслужа оныхъ?
- О.** Невѣжи, горделивцы и бесполезные люди, не умѣющие повиноваться.
- В.** Съ какимъ намѣреніемъ идемъ мы на сраженіе?
- О.** Умножать славу народа, защищать нашихъ братій и спасать отечество и законнаго Короля.
- В.** Кто обязанъ вооружаться?

О. Всякой, кто можетъ, кто назначенъ правленіемъ и кто ненуженъ къ исправленію другихъ публичныхъ обязанностей.

В. Какая должна быть политика Испанцевъ?

О. Правила, предписанныя намъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ.

В. А какова политика нашихъ непріятелей.

О. Махиавелевская.

В. Въ чемъ состоишь она?

О. Въ себялюбіи.

В. Какія же оной послѣдствія?

О. Развратъ, разореніе и истребленіе себѣ подобныхъ (*).

Таковыми-то и подобными сему правилами возбужденные Испанцы дѣйствова-

---

(*) Сія правила не сочинены мною, но суть оригинальныя. Многие Французскіе Офицеры имѣли случай достать оныя въ подлинникъ: они были напечатаны послѣ въ Парижѣ, между прочимъ и Г. де Нельи

ли какъ истинные Герои, презирали смерть и почести, предлагаемыя имъ Юсифомъ Бонапарте и Наполеономъ. Храбрость ихъ должна была часто уступать превышающему числу, устройству и опытности Французскихъ войскъ. Но даже враги отдавали должную дань уваженія ихъ личной неустрашимости, патриотизму и презрѣнію смерти, одушевлявшимъ всѣ соспоянія и даже женщины. — Нѣсколько примѣровъ лучше объяснятъ сказанное мною.

Отрядъ Французскихъ Гусарь, состоявшій изъ 40 человекъ и одного Офицера, былъ посланъ въ окрестности Ронды для фуражированія. Невѣрный проводникъ, блуждая будто не съ умыслу цѣлой день по горамъ, завелъ ихъ ночью въ одну горную деревню, чтобы дать отдохновеніе усталымъ лошадямъ и муламъ навьюченными добычею. Офицеръ остался ночевать въ деревнѣ, избравъ для сего домъ Алькальда (старосты или бургомистра), обнесенный высокою стѣною. Онъ разспавилъ

помѣстивъ оныя въ своихъ запискахъ объ Испаніи.

кругомъ часовыхъ, объявилъ жителямъ, что, кромѣ малаго числа съѣстныхъ припасовъ, онъ ничего оцъ нихъ пребовать не будетъ и уговаривалъ ихъ оспаваться спокойными. Изъ предоспорожности онъ запретилъ всѣмъ, даже домашнимъ, входить и выходить изъ дому, исключая одного Алькальда, который во время ночи долженъ былъ приготовить фуражъ и муловъ для подъему онаго: между тѣмъ жители доставили солдатамъ съ избыткомъ вина и съѣснаго, и все предвѣщало ночлегу самый благопріятный. Но въ полночь вооруженные жители съ зажженными факелами окружили домъ и пребовали, чтооь отрядъ сдася добровольно, грозя въ противномъ случаѣ штурмомъ и смертію. Хотя число Испанцевъ нѣсколькими спами превышало отрядъ, ибо изъ окрестныхъ мѣстъ народъ сбѣжался по первому извѣстію о неприятелѣ; однако Офицеръ рѣшился защищаться до послѣдней крайности и положилъ, что ежели на разсвѣтѣ не успѣеть пробиться на большую дорогу, то по крайней мѣрѣ умереть съ оружіемъ въ рукахъ безъ поруганія. Весь от-

рядъ былъ того же мнѣнія; и такъ укрѣпили ворота, сдѣлали наскоро изъ домашнихъ приборовъ подмостки къ забору, нѣкоторые взлезли на кровлю и начали стрѣлять и бросать камнями въ осаждающихъ. Но число превозмогало; ворота завалили камнями снаружи, приставили лѣспницы и готовились къ штурму. Тогда Офицеръ, чтобы принудить жителей разойтись по домамъ, вывелъ на балконъ жену Алькальда съ груднымъ ребенкомъ и другимъ мальчикомъ лѣтъ 12, и объявилъ помѣ народу, что ежели они будутъ упорствовать и не позволятъ ему удалиться съ отрядомъ въ безопасности, то онъ все семейство немедленно предастъ смерти. Народъ прекратилъ стрѣльбу и оставался въ недоумѣніи; — вопли несчастнаго отца раздавались среди безмолвныхъ поселанъ, наконецъ великодушная Испанка рѣшила всѣ сомнѣнія. Она просила позволенія говорить къ народу и въ краткихъ словахъ объявила, что жизнь ея не должна ихъ удерживать отъ справедливаго мщенія, и что она охотно приноситъ себя въ жертву оппечесиву. Съ этимъ сло-

вомъ она бросилась съ 3го этажа съ груднымъ ребенкомъ и другой сынъ ея добровольно послѣдовалъ сему примѣру. Ужась овладѣвъ Французами, злоба Испанцевъ дошла до испуленія. Они бросились какъ опчянные въ окна и двери, перелезли чрезъ заборъ, не взирая на ружейной огонь и всѣхъ предали ужаснѣйшей смерти. Одинъ только Французъ, бывший нѣкогда дьячкомъ (Sacristain) спасся отъ гибели. Онъ взлѣсъ на самую вершину кровли и началъ громогласно читать молитвы на Латинскомъ языкѣ. Умѣя нѣсколько по Испански, онъ заклиналъ поселянъ позволить ему предъ смертію приобщиться Св. таинъ. Они согласились и Священникъ, увѣрясь въ истинномъ его раскаяніи, выпросилъ ему помилованіе съ тѣмъ, чтобы онъ далъ клятву не служить проливу Испаніи и чтобы до конца похода не рассказывалъ о своемъ происшествіи. Онъ сдержалъ слово, и я ужъ въ 1813 году узналъ отъ него о семъ происшествіи, во время перемирія, когда главная Французская квартира находилась въ Дрезденѣ.

Другой примѣръ, слишкомъ извѣстный во Французской арміи, споимъ того, что бы упомянуть о немъ.

Французской опрядъ выходилъ изъ одного малаго городка въ Каталоніи, гдѣ онъ выбиралъ конприбуцію. — Одинъ старый Священникъ, всѣми уважаемый, запросилъ къ себѣ на обѣдъ Офицеровъ опряда. Всѣ, кромѣ дежурныхъ, согласились на приглашеніе. Обѣдъ былъ очень весель: шутили, смѣялись, даже пѣли за споломъ. Хозяинъ подчивалъ всѣхъ и по тогдашнему обыкновенію изъ предосторожности самъ первый опшвѣдывалъ кушанье и напитки. Наконецъ, при десертѣ, дверь опшворяется въ боковой комнатѣ — и выходитъ Священникъ во всемъ облаченіи со священными ушварями. Офицеры изумились. Господа, сказалъ имъ хладнокровно хозяинъ, еще есть время: пригошовъшесь чрезъ часъ предспаать предъ судилище Всевышняго; нѣтъ спасенія для васъ на земли — мы всѣ оправлены. Ужась и опчаяніе овладѣли несчастливыми; нѣкоторые бросились на колѣна предъ Священникомъ и просили

помилованія и разрѣшенія грѣховъ; другіе поропились написать нѣсколько спрокъ къ роднымъ и друзьямъ; нѣкоторые искали пособій медицины, но безъ успѣха; въ нѣсколько часовъ всѣ погибли въ лютейшихъ мученіяхъ и хозяинъ одинъ изъ первыхъ. Товарищи падшихъ жертвъ споль поражены были симъ произшествіемъ, что безъ дальнихъ изслѣдованій удалились немедленно изъ города. Нѣсколько времени спустя, высшее начальство повелѣло предать огню весь городъ, что и было исполнено. Но сіи строгія мѣры ни мало не удерживали раздраженныхъ жителей; вражда еще болѣе дѣлалась непримиримою.

(Окончаніе впереди.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

У Е Д И Н Е Н І Е.

Въ тѣни густыхъ лѣсовъ скрываясь отъ людей,
Орашаи и Пѣвецъ наслѣдственныхъ полей,
Забытый славою, забытый вдохновеньемъ,
Я начиналъ случашь нѣмымъ удивленьемъ.
Весна дарила всѣмъ веселье и цвѣшны:
Въ Природѣ я одинъ не видѣлъ красоты!
О счастье! Любовь глаза мои открыла
И сердце къ радостямъ невиннымъ приучила.
Съ тобою, милый другъ, я вижу новый свѣтъ!
Упращенное мной, блаженство юныхъ лѣтъ
Ты возвратила мнѣ волшебною рукою,
И я, по долгомъ снѣ, встрѣчая предъ собою
Природы прелести и красоту твою,
Печальной родины своей не узнаю!
Здѣсь дышешь все тобою; любви моей счаст-
ливой
Вездѣ внимаю я привѣтъ краснорѣчивой.

Иду ли вечеромъ надъ свѣтлою рѣкой —
 Мнѣ кажется, по ней мелькаетъ образъ швои
 И тихо зыблется на синевѣ спрунстой;
 Сажусь ли ошдохнувъ въ шѣни на лугъ души-
 сшой —

Я узнаю шобой измятую праву;
 Я думаю, когда цвѣлокъ въ саду сорву:
 Ты для меня его нарочно посадила!
 Мнѣ роца та мила, гдѣ шы со мной, ходила:
 Счастливецевъ молодыхъ покоида она
 И на корѣ деревъ хранитъ ихъ имяна.
 О другъ, въ замѣцъ всего мнѣ посланный судь-
 бою!

Съ Природой, съ Музами я примиренъ шобою,
 И пѣснопѣня богъ оцпшь меня зовешъ,
 Когда швои рука мнѣ лиру подаетъ.
 Теперь одно въ удѣль мнѣ нужно дарованье —
 На голосъ робкихъ спрунъ склоняшь швое
 вниманье,

И не забочусь я о въшренней молвѣ!
 Какъ ручеекъ журчишь невидимый въ травѣ,
 Какъ ландышь, притаясь въ лиспахъ, благо-
 ухасшь,
 Я для шебя пою — и свѣшь Пѣвца не знаешь!

А . Креловъ.

Э Л Е Г И И.

I.

Нѣтъ, не бываешь тому, что было прежде!
Что въ счастьи мнѣ? Мертва душа моя!
„Надѣйся, другъ —“ сказали мнѣ друзья:
Не поздно ли ввѣряешься мнѣ надеждѣ,
Когда желашь цющи не въ силахъ я?
Я бременюсь нескромнымъ ихъ учасьемъ
И съ каждымъ днемъ я вѣрой къ нимъ бѣднѣй.
Что въ пустошѣ несвязныхъ ихъ рѣчей?
Давнымъ-давно проспился я со счастьемъ,
Желательнымъ слѣпой душѣ моей!
Лишь въ слѣдъ ему съ унылымъ сладострастьемъ
Гляжу я вдоль моихъ минувшихъ дней.
Такъ нѣжный другъ въ безчувственномъ забвеннѣи
Еще глядишь на зыби синихъ волнъ,
На влажный пупъ, гдѣ въ темномъ опдаленнѣи
Давно исчезъ отбывшій дружнѣи чолнѣи.

II.

Не искушай меня безъ нужды
 Возвратомъ нѣжности твоей!
 Разочарованному тужды
 Всѣ ободьщенья прежнихъ дней.
 Ужь я не вѣрю увѣреньямъ;
 Ужь я не вѣрую въ любовь —
 И не могу предаться вновь
 Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ.
 Слѣдой поски моей не множь
 Прелестнымъ призракомъ былаго;
 Воображенія больного
 Въ его дремотѣ не превожь!
 Я сплю — мнѣ сладко усыпленье!
 Забудь бывалыя мечты!
 Въ душѣ моей одно волненье,
 А не любовь пробудишь ты.

ГРЕЧЕСКІЯ ДѢВИЦЫ КЪ ЮНОШАМЪ.

(Изъ Антологіи).

Счастливецъ юноша, онъ вашъ, сей пышный
міръ!

Все вамъ — вѣнки и ласки славы!

И молодая жизнь для васъ на шумный паръ.

Сзываешь игры и забавы? . . .

Священный огонь горите у васъ въ очахъ;

Какъ вдохновенные, на градскихъ площадяхъ

Вкругъ васъ кипищѣму народу,

Вы хвалише, въ своихъ возвышенныхъ рѣ-
чахъ

И славу пышную, и милую свободу . . .

А нашъ удѣлъ: въ безвѣснѣбности, въ тиши,

Томишься пылкою мечтою —

И, погасивъ въ слезахъ огонь молодой души,

Безъ жизни жить съ сердечной пустошою! —

Ф. Глинка.

СЕЛО ЧИРИКОВО,

На старой Калужской дорогѣ, гдѣ въ 1812 году было сраженіе съ непріятелемъ.

Еще увидѣлъ вась, поля и мирныя селы,
Гдѣ нѣкогда сверкалъ мечъ грозный Россійскъ;
Услышалъ снова я свирѣли звукъ веселый
И громкій хороводъ счастливыхъ поселянъ.
Здѣсь юность рѣвая играла въ круговинѣ;
Тамъ спухъ сохи съ полей и, сплунница шруда,
Просяжна пѣсенка неслися по долинѣ;
Шумѣли въ нажишихъ рассыпаны снада;
Вечерній солнца лучъ, злата волнистыя нивы,
И церковь древнюю и гробы молчаливы,
Гдѣ праѣдовъ села почишь мирный прахъ,
Тонулъ и зыблея въ лазуревыхъ водахъ.

Къ тебѣ, о скромный храмъ, пришекъ я уми-
ленный:

Творца благодарить желалъ;

Но что — въ слезахъ безмолвенъ палъ

На швой помось священный,
Гдѣ спарець, дѣва, машь, въ часѣ бишвы ро-
ковой,

Молились, преклонивъ спрадалъческую волю,
За чадь, за брашьевъ и Россію.

Въ день гибели шы былъ послѣднею спѣной,
Къ копорой прислонясь, герои умирали.

Какія жертвы ушучнали
И самый швой оларь, гдѣ Божеспвомъ лю-
бовь?

Предъ нимъ, по немъ спруилась кровь
При заревѣ Москвы за родину и Вѣру! (*)

Но гнѣва на сыновъ Творецъ исполнялъ мѣру:
Ошбито у врага, что намъ свящѣй всего.

О кровь моихъ друзей, кровь брата моего, (**)

О жертва, для сердець во вѣки незабвенна!

Не шщешно близъ могилъ шы опческихъ ли-
лась,

Когда спрана сія спокойна и блаженна,

Коль радостная пѣснь уже ошозвалась

Въ поляхъ и кровахъ сихъ, искупденныхъ по-
бою.

Уже вздымаюшся прель скиніей свяшою

Мольбы признашельныхъ, какъ чистый оимі-
амъ.

(*) И въ самой церкви сражались. См. Донесеніе покойна-
го Князя Смоленскаго.

(**) Въ этомъ сраженіи братъ мой былъ шажело раненъ
пулею.

А слава славный годъ опечесшвенной брани,
 Внеся въ скрижали бытописаній,
 Достойно возвьспишь грядущимъ племянамъ,
 Сколь Руской швердъ въ бѣдахъ, сколь онъ
 пришельцу спрашенъ.
 На играхъ смолкнешъ шумъ народныхъ шолпы:
 И спарець, какъ сребромъ, сѣдинамъ украшенъ,
 Подвигнешъ медленны стопы,
 Воскишишь юношей безсмершными дѣлами,
 Ведяишь благоговѣшь надъ прахомъ ихъ слѣдовъ,
 И, болѣ чѣмъ за жизнь, благодарнишь опцовъ:
 За честь назвашься ихъ сынами!
 И юноша, въ груди жаръ доблесни пая,
 Воскликнешъ, вдохновенъ любовію святою:
 „Опечество, блаженъ кто умеръ за тебя!“
 И дернь, гдѣ храбрый палъ, блеснешъ его сле-
 зою.

Жилища мирныя, да снидешъ благодашь
 Но холмы ваши и долины,
 Гдѣ дрогнулъ хищный враиъ, узрѣвъ полешъ
 орлиный.
 Для счастья вашихъ дней чего пѣвду желашъ?
 О чада Сѣвера и Славы!
 Ко благу общему усердіемъ гора,
 Бѣгите злыхъ умовъ приманчивой оправы;
 Покорствуйше власиамъ, и добраго Царя,
 Какъ предки вѣрныя, какъ Рускіе, любите!
 Срътайше опъ земли благословенну данъ;
 Съ порокомъ, праздношью ведите смѣлу брань,
 Часъ XVI. Кн. II.

ПОСЛАНИЕ.

◆○○○○○○◆

П... , исполняясь пріятелей желанье,
Давно ты вѣдаешь, что я всегда готовъ—
И съ береговъ Кубры (1) пишу тебѣ посланье.
Но что предскаблю въ немъ? Нѣшь мыслей, ни
стиховъ.

Мнѣ, спутнику дожда, съ починеной коляской,
Мысль къ мысли подвести, уладишь рѣшмы
пряско:
Тамъ горы, шамъ песокъ, а шамъ въ болотѣ
визко,

И недосугъ ловишь замысловатыхъ словъ.

Разумной городской и барышнѣ любезной,
Съ коюрой Музы всѣ и Аполлонъ знакомъ,
Осмѣюсь ли послашь нескладной стихъ, же-
лѣзной

И незашѣливимъ начертанный перомъ?

Пусть солнце опишу, какъ, яркими лучами
Съ быспропекущими сливаясь волнами,

---

(1) Кубра рѣчка, протекающая въ Переславль-Залескомъ.
См. примѣч. въ 1-мъ стихотвореніи Графа
Хвостова на стихотвореніе къ рѣкѣ Кубрѣ.

*

И въ капль даже водь
 Являешь сонмъ красонь;
 Иль огнь Всевышняго, крыдашый громъ, чудесный,
 Кошорой, съ высоты спускаясь ближе къ намъ,
 Воюешь жестоко средь обласши древесной,
 И звукъ удару въ слѣдъ кащися по лисшамъ;
 Иль, ароматными цвѣтами испещренный,
 При шумъ ручейка прїятнѣйшій лужокъ,
 Гдѣ, въ часъ уединенный,
 Поешть любовь и грусть унылый паспушокъ.—
 Ты, въ сонмъ Музъ, забавъ искусствен-
 ныхъ на лонѣ,

Уже чишала шо въ Делилѣ и Томсонѣ.
 Тебѣ опчеша я о солнцѣ не даю,
 Чшо вижу, чувствую, шо просшо и пою.
 Хошя бы невзначай случилося на диво,
 Чшо прелесшъ ешешсва изображу счасливо:
 Но сельскій можешъ ли понравилсья Омїрь
 И забавляшъ спихомъ большой въ Столицѣ
 мїрь?...
 Умѣешъли придашъ румяной цвѣпть онъ нивѣ,
 Былинкѣ новелѣшъ весь день плясашъ на нивѣ?
 Заспавилсь ли, хошъ разъ, могущаго вола,
 По жердямъ прыгая, опередилсь козла? (1)
 Фуршунѣ жершвуя, всѣ жителї въ сполї-
 цахъ

(1) Всѣ сія пїшпическія украшенїя о румяной нивѣ, козлѣ а проч. суть изобрѣшенїе Сочинилселя.

Пируютъ иногда фаншазіи въ границахъ;
 Среди волненія и радосныхъ суетъ
 Чужаго праздника большой не любите свѣтъ:
 Не рѣдко судите онъ, забывъ поэзовъ славу,
 Не по словесности, боспона по уставу;
 Тѣхъ думаетъ хвалить и кшаши прилас-
 кашь,

Кому удастся разъ съ вельможей пошепшашь.
 Большею частію въ Сшодлицахъ лицемѣряшъ;
 Не многіе у васъ и журналистамъ вѣряшъ.
 Забошась семь недѣль исполнишъ швой
 приказъ,

О спраншвіяхъ шеперь пускаюся въ расказы:
 Знай, въ Пешехонскіе предѣлы я помчался
 И къ сожалѣнію съ пошпомъ не встрѣчался,
 Который, Талія любя прелесшншй домъ,
 Представилъ *Какаду* искусно и съ умомъ.

Не попадался мнѣ родня и мой пріятель,
 Расину счастливый въ Эсеири подражашель;
 Но видѣлъ дѣдушкинъ въ моемъ помѣшшѣ
 кедръ, (1)

Который посадилъ для внука самъ шрудился,
 Когда онъ съ Минихомъ опъ Турокъ возвра-
 шился
 Давно садилшель спилъ въ объащяхъ земныхъ
 нѣдръ

---

(1) Въ двухъ вершкахъ опъ уѣзднаго города Галича село
 Реброво, гдѣ находится Кедръ, посаженный Гвер-
 скаго Драгунскаго Полка Полковникомъ Михайломъ
 Алексѣевичемъ Хвостовымъ.

А древо въшьвями по воздуху играетъ,
И въ честь ему плодомъ попомство награж-
даешъ.

Я Нила Рускаго по краснымъ берегамъ
Въ село Темирино (1) на черноземъ спремился,
И съ Ярославемъ лишь и Коспромой про-
сшился,

У праха Минина на ярмонкѣ явился.
Торговли внутренней шамъ созданъ пышный
храмъ,
Надъ коимъ зодчешва искусный духъ тру-
дился...

Не можешъ съ кораблемъ сравниться ма-
лый чолнъ:

Изобразилею Кубры смиренныхъ волнъ
Приспойно ли, скажи, пѣшь Волгу *велигаву*?
Пипомцы сей рѣки ея въщали славу;
Но Музѣ здѣсь моей, Симбирскихъ госпѣ
спранъ,

Другой полешъ сужденъ и даръ скуднѣе данъ;
Ей можно объявишь, забопою объятной,
Чшо на Сурѣ она увидѣла богашой
Ошличныхъ шерлядей въ одеждѣ золотой.
Коли шебѣ чишашъ походъ не скучно мой,
Вообрази, гдѣ былъ воспишанникъ Парнасса—
Пѣшечкомъ улицы обмѣрилъ Арзамасса.

(4) Въ Симбирской Губерніи Ардашовскаго уѣзда на-
ходится село Галызино, принадлежащее Графинѣ
Жаосшовой, супругѣ автора, которую въ стихотво-
реніяхъ своихъ онъ всегда называешъ Темирою.

Тамъ общесство гусей онъ видѣль у рѣки;
 Но жаль, что не нашлось межъ нихъ бойца
примова;

Обыкновенные, какъ и вездѣ гуськи,
 Такіе имянно, какъ въ басенкѣ Крылова:
 Ну, право, не смопря на множесство похваль.
 Я шаковыхъ гуськовъ и при Невѣ встрѣчалъ.
 Свиданіе съ роднымъ и другомъ мнѣ оп-
рада

Среди престольнаго Владимірова града.
 Тамъ Клязьма, славная по древности рѣка,
 Съ кошорой въ Волгу пасшь сливается Ока;
 Тамъ удивленные пришельца видяшь взоры
 Проспранныя поля, ручьи, долины, горы;
 Тамъ пахарь за сохой съ веселіемъ идешь,
 И плѣна опъ Орды уже къ себѣ не ждешъ;
 Тамъ злашверхій Кремль съ лучемъ небесъ
играешъ,

И дома на холмахъ покапныхъ осѣняешъ:
 Опъ Кіева принявъ владычесшва вѣнецъ —
 Сей градъ величесшвомъ Москвѣ былъ обра-
зецъ.

Кто вѣры воспишалъ езяшыя въ сердцѣ
чувства,
 Тотъ средъ Владиміра зрѣль шоржесство ис-
кусшва.

Какая въ лицахъ жизнь, какая въ краскахъ
пѣнь (1)!

---

(1) 1812 года Господинъ Товчи, славной живописецъ

Взываю къ холмику, зываю я къ Кубрѣ:
 Кубра безмолствуетъ и мнѣ не отвѣчаетъ,
 Позла своего огнемъ не надѣлаетъ.
 Къ березкамъ я моимъ, прекраснѣйшимъ дре-
 замъ,

Вѣщаю: вы забавъ свидѣтелями были,
 Не прекословили вы юности играмъ
 И шѣнь прохладную средь лѣтнихъ дней да-
 рили;
 Но скоро, можетъ часъ приближишься, нас-
 шашь,

Что будешь мой холмъ могильный осѣняшь.

Боясь передъ шобой щеголевашымъ свѣтомъ
 Синшменпальности отккрыть себя позшомъ;
 Угрюмой старости я оставляю шонъ,
 Надежда и любовь да будутъ мой законъ!
 Я умозрѣнїя плодъ горькій отвергаю,
 Прїятнымъ случаемъ письмо къ тебѣ кончаю:
 Позшу — спарику на берега Кубры
 Содружбой искренность несли свои дары;
 И снова свѣтскости свиданье посвятили,
 Играли въ виспъ, босшонъ и вальсовъ не забыли.

Графъ Хвостовъ.

Село Слободка на Кубрѣ.
 1821 года, Сентября 2 дня.

С М Ъ С Ъ.

О СЛОВАРЬ, ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗИИ

Н. Ѳ. Остолопова.

Съ удовольствіемъ спѣшимъ извѣстить читателей нашихъ о сей новой и полезнѣйшей книгѣ. Она будетъ украшеніемъ каждой библіотеки.

Любопытный наблюдатель хода наукъ въ Россіи никогда не пропуститъ безъ вниманія прошлаго и настоящаго десятилѣтій нашего вѣка. Мы вдругъ получили превосходную общественную Исторію, ключъ къ богатствамъ Поэзіи, и надеемся черезъ нѣсколько недѣль увидѣть галерею всѣхъ нашихъ писателей, посвященныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. (*) Труды, подобные симъ, чаще совершаемы были прежде сего Обществами людей, совершенно удаленныхъ отъ должностей государственныхъ, людей, посвящавшихъ цѣ-

(1) Любопытные могутъ пересмотрѣть въ *Сынѣ Отечества* нынѣшняго года статью: *Біографіи Россійскихъ Писателей*.— Говоря о полезнѣйшихъ книгахъ и спомышихъ особенно большихъ трудовъ, нельзя не упомянуть о *Техно-Ботаническомъ Словарѣ и Сокращеніи системъ Турнефорта, Линнея и Жюлье*, соч. И. И. Маршкова.

луду жизнь ученымъ занятіямъ. Скажемъ съ чувствомъ народной гордости; „у насъ *одинъ* перебрали всѣ пыльные бумаги, хранившіяся въ безчисленныхъ архивахъ, свели въ одно мнѣніе всѣ голоса разныхъ лѣтописцевъ и подарилъ намъ Исторію; у насъ *одинъ* перечиталъ всѣ руководства къ словесности, взвѣсилъ ихъ достоинство, извлекъ изъ нихъ все лучшее и необходимое, обогатилъ свои заключенія прекрасными примѣрами и подъ скромнымъ именемъ Словаря выдалъ полный курсъ Поэзіи; наконецъ у насъ *одинъ* собралъ всѣ извѣстія о писателяхъ съ появленія наукъ въ нашемъ ошечествѣ, воскресилъ имена и труды давно погибшіе въ изданіяхъ, копоры никогда не воскреснуть для прихотливого вкуса — и съ предварительными правилами прозы и поэзіи, съ примѣрами, испинно классическими, издаеиъ Исторію Руской Литературы: “

Это небольшое ошступленіе намъ показалось необходимымъ для опредѣленія насшоящей цѣны шой книги, о копорой мы говоримъ начала. Почтенный Сочинитель оной четырнадцать лѣтъ посвятилъ шуду своему. Терпѣніе, копорое можетъ родиться шолько ошъ спрасши къ общешвенной пользѣ и надежды на признашельность соошечешвенниковъ! Если бы оиъ ограничился сосшавленіемъ

Словаря, въ обыкновенномъ его значеніи; тогда бы можно было кончить это предпріятіе и скорѣе и легче, особенно взявъ за образецъ какой нибудь Словарь иностранннй въ семь же родѣ. Но ему хотѣлось произвестъ совершенно новое швореніе, обрабошашъ поле безплодное и украсишъ его цвѣтами. Прислушая къ объясненію какаго нибудь слова, употребляемаго въ поэзіи, онъ вездѣ показываешъ этимологически произхождение его; изчисляешъ разныя значенія по употребленію; пошомъ (если это родовое названіе поэзіи) опредѣляешъ правила его; приводишъ извѣснѣйшія о немъ мнѣнія ученыхъ иностранцевъ; далѣе излагаешъ исторію его съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ, упоминая объ именахъ лучшихъ писателей въ семь родѣ прославившихся, съ присовокупленіемъ крашкой ихъ характеристики; а наконецъ предлагаешъ нѣсколько примѣровъ, заимствуя ихъ, смотря по приличію и совершенству, шъ изъ древнихъ поэшовъ, шъ изъ новѣйшихъ, и вездѣ стараешъ знакомишъ читателей болѣе съ ошещественными произведеніями. Сверхъ техническихъ словъ, встрѣчающихся въ поэзіи, въ семь Словарѣ изложены и примѣрами объяснены всѣ Репорические шропы и фигуры, какъ украшенія, свойственныя и прозѣ и стихошворству.

Объясненія словъ, копорыя принадлежатъ къ роду стихотворческихъ забавъ или игръ, должно почестъ на нашемъ языкѣ совершенно новыми. Всѣ примѣры, приведенные сочинителемъ, такъ любопытны, что могутъ служить пріятнымъ препровожденіемъ времени для особъ, даже незанимающихся постоянно Литературою. Между примѣрами есть много такихъ сочиненій, копорыя до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны, и копорыя отчасти принадлежатъ самому автору, а отчасти другимъ нашимъ писателямъ, сообщившимъ ему оныя въ рукописи.

Такимъ образомъ *Словарь Древней и Новой Поэзіи* должно справедливо назвать полнымъ курсомъ Поэзіи, въ копоромъ предметы изслѣдованія и объясненія расположены по азбучному порядку. Особенно, кажется намъ, онъ можетъ быть полезенъ для тѣхъ, копорые живутъ не въ Сполицахъ, и слѣдственно лишены способовъ пользоваться хорошими руководителями въ семъ замѣшн, или богатыми книгохранилищами, изъ копорыхъ здѣсь въ С. Петербургѣ самое лучшее доступно каждому любителю наукъ; равнымъ образомъ и для тѣхъ, копорые не въ состояніи опыскивать все писанное о поэзіи.

Сей трудъ, истинно полезный, заслужилъ лестное для автора одобреніе ИМПЕРАТОР.

СКОЙ Россійской Академіи, которая, желая наградить сочинителя, оказала ему значительное пособіе для напечатанія книги.

Различныхъ спашей въ Словарь находится болѣе чепырехъ сомъ. Не излишнимъ почитаемъ сказать для особъ, выписывающихъ книги по *объявленіямъ*, что сія книга содержишь около ста печатныхъ листовъ. Она раздѣлена на три тома. При каждомъ томѣ помѣщено оглавленіе содержащихся въ оной спашей. При концѣ послѣдняго тома приложена Методическая таблица, показывающая по порядку полный курсъ Поэзіи, со всѣми къ тому принадлежностями. Сія таблица облегчаетъ способъ, какъ можно пользоваться всею книгою. По ней не только учащіе, но и сами желающіе учиться въ сословіи будущъ, безъ помощи руководишеля, составить для себя, какой угодно, краткой или обширной курсъ Поэзіи.

Книга сія продается въ С. Петербургѣ въ книжной лавкѣ *Департамента Народнаго Просвѣщенія*, состоящей у Чернышева моста въ переулкѣ тогоже названія въ казенномъ домѣ — и у *самага Сочинителя*, Спашск: Сов: Ник. Фед; Осолопова, живущаго на фоншанкѣ у Симеоновскаго моста, въ домѣ Тайн: Сов: Ходнева. Цѣна за три тома въ бумажномъ переплетѣ на лучшей любской бумагѣ 35 руб.;

на веленовой 50 руб. ассигнаціями. Въ пользу всякаго рода учебныхъ заведеній уступаешся по 5 руб. ошъ экземпляра.

Иногородныя особы благоволятъ адресовать свои шребованія въ означенную лавку, или на имя Сочинишеля, прилагая на пересылку въсовыхъ денегъ за папъ фуншовъ. Управляющіе учебными заведеніями могутъ получать книги ошъ Сочинишеля, утверждая шребованія собственноручнымъ подписаніемъ. Потребующимъ значительное количество экземпляровъ сдлана будетъ уступка.

О НѢКОТОРЫХЪ ОТКРЫТІЯХЪ ИЪ НАУКАХЪ, ИСКУСТВАХЪ И МАНУФАКТУРАХЪ
ВЪ ПРОШЕДШЕМЪ 1820 ГОДУ.

Новое употребленіе легкоплавкаго металла Г-мъ Кадетъ-Гассикуртъ.

Извѣстно, что легкоплавкій сплавокъ Дарсета, состояваемый изъ 8 частей висмута, 5 свинца и 3 олова, становится жидкимъ при температурѣ 80 градусоѡ Реомюра, и что оный расплавляется въ кипящей водѣ.

Г. Кадетъ-Гассикуртъ, зная, что сей металлъ сохраняетъ всѣ гравированныя части въ лишейной и выпукло-рѣзной (Relief) формахъ, постарался извлечь нѣчто изъ сего понятія. Приклеивъ на дно Шербера (1) лоскушокъ бѣлой бумаги, написалъ онъ на ней обыкновенными чернилами и покрылъ сію надпись тончайшимъ порошкомъ камеди (gummi

---

(*) Пробирная глиняная плошка наподобіе чашечки.

agabicum); порошокъ сей придавъ нѣкоторую выпуклость (Relief) надписи; когда все засохло по оны сдулъ сверху неприльнувшій порошокъ, и вылилъ попомъ въ шерберъ легкоплавкій сплавокъ, кошорый мгновенно застудилъ, дабы возпрепятствовашъ кристаллизации онаго; такимъ образомъ получилъ оны оппечашокъ своей надписи въ массѣ шого мешала. Оны положилъ на нѣсколько времени полученную мешаллическую плишочку въ теплую воду для разпворенія нѣсколько приспавшей къ ней камеди. Держа сію плишочку предъ зеркаломъ, можно было совершенно чисташъ выгравировавшуюся надпись. Тогда посредствомъ гравернаго пресса и чернилъ Г. Кадепъ-Гассекурпъ сдѣлалъ многіе весьма чистые оппешиски шой надписи, и получилъ такимъ образомъ испинный оппечашокъ.

Слѣдовательно легкоплавкій Дарсетовъ сплавокъ, будучи обрабопанъ сказаннымъ пеперь образомъ, можешъ служить для многихъ письменъ, музыки, рисовки и, можешъ бытъ, въ иномъ случаѣ не уступитъ самой Литографіи. (Annales générales de Sciences physiques — Janvier 1820).

О Конеровыхъ ракетахъ.

Ракеты сіи имѣють обвершку, или каркасъ мешаллической; папронъ ихъ бывають

до тридцати двухъ фунтовъ въсомъ, и до чепырехъ съ половиною фунтовъ длиною; всякой патронъ наполняется споль же плошнымъ и жеспкимъ сосавомъ, какъ настоящее желъзо, и насаживается на желъзной колпачекъ въ шесть футовъ съ половиною діаметра. Древо имѣеть осьмнадцать футовъ длины, и бываетъ поставлено шакъ, что весьма оспаеша крѣпкимъ и неподвижнымъ во время дѣйсвія; его пропускають сперва сквозь двѣ желъзныя шрубки и конецъ привинчивають въ кольцо, посредствомъ коего плошно соединяеша оное съ ракетю.

Особенная польза Конгревовыхъ ракетъ состоить въ удобности, съ какою всѣ верженія сего рода могутъ быть произведены въ различныхъ случаяхъ; преимущественная способность ихъ къ бомбандировкѣ съ кораблей состоить въ томъ, что онѣ не совращающа никогда съ линіи верженія ихъ. Всѣ шакковыя каркасы, бросаемыя изъ самыхъ сильныхъ морширь, могутъ дѣйствовать и съ меньшихъ судовъ. Выгода сего способа для употребленія онаго на сухомъ пуши предшавляеть чрезвычайно сильную систему верженій безъ огнеспрѣльнаго жерла. И шакъ избавляюща отъ шяжеспи морширь, пушекъ и всѣхъ издержекъ для перевозки экипажей, ибо можно шеперь

Использовать подобными верженіями, выигрывая всегда надлежащую дистанцію выстрѣловъ и производя самыя важныя дѣйствія тяжелой артиллеріи.

Издержки для сихъ ракетъ не бываютъ столь велики, какъ предполагаютъ; ракета № 32 комплекта стоить съ небольшимъ 58 франковъ, между тѣмъ какъ равнаго достоинства брандсбургель (Carcasse sphérique) въ 10 дюймовъ съ приготовленнымъ зарядомъ для верженія онаго на 3000 метровъ, стоитъ 28 франковъ, не включая въ сіе число издержекъ для морширы и прочаго артиллерійскаго снаряда.

При употребленіи на войнѣ противъ арміи служатъ два сорта ракетъ; первая есть ракета № 32, подобная гаубичному заряду, которая можетъ бросать девятифунтовое ядро (бомбу) на 3000 метровъ; вторая составляетъ родъ маленькаго картечнаго заряда, равнаго ружейному патрону № 6, вержущему пулю на 2000 метровъ; сею послѣднею ракетною дѣйствуютъ пѣхота просто изъ рукъ.

Ракеты сіи или паскаютъ посредствомъ вала безъ всякаго другаго снаряда, или носятъ ихъ на особенной рамѣ, подобной живописному станку, или садовничей лѣшницѣ. (Bibliothèque universelle, avril. 1820).

Особенная Гидравлическая машина.

Извѣстный горный механикъ Г. Меджеръ изобрѣлъ въ нашемъ опечесствѣ особенную гидравлическую машину, коей главное дѣйствіе зависитъ отъ удѣльной тяжести падающаго шѣла, то есть, когда тяжестъ, имѣющая напр. 30 фунтовъ вѣсу, или ведро воды той же тяжести, падаетъ чрезъ пространство, имѣющее 14 футовъ высоты: то она должна поднять вверхъ ту же самую тяжестъ и на ту же самую высоту, исключая треніе твердыхъ шѣлъ самой машины, каковыхъ въ предлагаемой Г. Меджеромъ машинѣ находишь очень мало. (1) Сія машина имѣетъ, по увѣренію изобрѣтателя, многія преимущества надъ всѣми до нынѣ извѣстными какъ гидравлическими, такъ и нѣкошорыми другими машинами. Главные изъ таковыхъ преимуществъ суть:

1) Между данною силою и самымъ дѣйствіемъ разность составляетъ только $\frac{1}{14}$ частъ; у всѣхъ же прочихъ машинъ, гдѣ дѣйствуютъ водяныя колеса и ш. п. обыкновенно треніемъ убавляется $\frac{1}{8}$ частъ силы.

2) Скоростъ воды равна скорости дѣйствія, почему она и находишь въ равновѣсѣ. Напрощивъ того въ извѣстныхъ до нынѣ во-

---

(*) Сей машины сдѣлана вѣсьма искусная модель, хранящаяся здѣсь у самаго изобрѣтателя.

данныхъ колесахъ замѣчено общее правило, что дабы произвести свою дѣйствующую силу, колесо должно необходимо поперяшь $\frac{1}{3}$ часть скорости ошъ напекающей воды ш. е. оно идетъ одною прешью.

3) Всякая капля воды въ оной машинѣ сберегается и производитъ свое дѣйствіе; въ нынѣшнихъ же водяныхъ колесахъ не только шеряется много воды, но большая часть оной не производитъ своею тяжестью никакого дѣйствія, что въ особенности примѣлно на Сибирскихъ заводахъ.

4) Важное удобство предлагаемой машины состоитъ въ томъ, что она имѣетъ перемѣнное движеніе, какое пошребно для насосовъ (1), употребляемыхъ для осушенія рудниковъ и ш. п. Когда бы движеніе ея бы о ровное, то произошла бы пошеря въ силѣ.

5) Меньшими издержками и экономіею въ силѣ превосходитъ она обыкновенныя паровыя машины. При извѣстныхъ обстоятельствахъ въ предлагаемой машинѣ давленіе на всякой квадрат. дюймъ будетъ 14 фунтовъ; между тѣмъ какъ въ паровыхъ машинахъ никогда не бываетъ оное давленіе болѣе 12 фунтовъ. Поправка и содержаніе паровыхъ машинъ во

---

(1) Машина сія прожектирована въ особенности для дѣйствія такъ называемыхъ въ горной механикѣ насосныхъ ставовъ:

150 лошадей ежегодно спойшь напр. 25000 рубл., содержаніе же сказанной гидравлической машины, по увѣренію Г. Меджера, не превзойдетъ 6000 рублей при однихъ и тѣхъ же обспояшельствахъ; слѣдовательно машина сія въ четверо дешевле такой же паровой.

Весьма желательна видѣшь устройство и дѣйствіе споль полезной машины въ большомъ видѣ.

Нѣкоторыя изъ открытій Г. Власова.

1. Простѣйшій отлично выгодный способъ раздѣленія золота отъ серебра.

Незабвенный Лабарантъ нашъ С. П. Власовъ имѣя случай по волѣ начальства особенно заниматься раздѣленіемъ золота отъ серебра и другими химическими операціями при здѣшнемъ монетномъ дворѣ, случайно сдѣлалъ слѣдующее важнѣйшее открытіе: производя опыты надъ онымъ раздѣленіемъ посредствомъ сѣрной кислоты, какъ предлагается новѣйшими химиками, онъ не имѣлъ желаемаго успѣха въ своемъ предпріятіи по причинѣ разрыванія обыкновенныхъ стеклянныхъ колбъ парами и газомъ отъ сей кислоты происходящими, такъ что однажды Г. Власовъ вмѣстѣ съ работающими поперпѣлъ отъ сего большой вредъ. Это самое подало ему

поводъ изыскивать другіе крѣпчайшіе и при-
шомъ дешевые сосуды для разшворенія ме-
шалловъ въ кислотахъ. Недавно предъ симъ
имѣлъ онъ случай приготоплять лимонную
кислоту чрезъ окисленіе дерева посредствомъ
крѣпкой водки и замѣнилъ при шомъ, что
древесныя части не споль много разруша-
юща дѣйствиемъ оной. Основываясь на семъ
и нѣкоторыхъ другихъ своихъ дотадкахъ, онъ
уже осавилъ предлагаемое *раздѣленіе* (Dé-
part) сѣрною кислотою и началъ пробовать
разшвореніе мешалловъ посредствомъ обыкно-
венной крѣпкой водки въ *деревянныхъ чаш-
кахъ*. Зная, что холодное разшвореніе серебра
медлительно, накаливалъ сперва оное и бросалъ
въ холодную крѣпкую водку, налишную въ дере-
вянную чашку. При семъ увидѣлъ онъ спре-
мипельное разшвореніе и неповрежденіе ча-
шки. И такъ пошчасъ предложено имъ было
начальству учредишь раздѣленіе золоша ошъ
серебра при здѣшнемъ монешномъ дворѣ вмѣ-
сто колбъ въ *деревянныхъ кадкахъ*, на что
получивъ должное разрѣшеніе, приступилъ
онъ къ производшву опышовъ своихъ въ боль-
шомъ видѣ. Сперва мешаллическіе шпыки бы-
ли предварительно накаливаемы, но, видя въ
семъ нѣкоторое затрудненіе, смалъ онъ под-
вергалъ ихъ *холодному разшворенію*, и пред-
пріяшіе увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ; но

что бы же перьяшъ при семъ кислоту, во множествѣ опдѣляющуюся при раствореніи въ видѣ *селитроватаго газа* (*Gaz nitreux*), онъ устроилъ для сего приборъ подобный *Вулвфону*, но шокмо въ большемъ видѣ. И такъ главный процессъ *раздѣленія* при здѣшнемъ мощномъ дворѣ почти весь прошлый 1820 совершался и нынѣ совершается слѣдующимъ порядкомъ: Въ большіе *деревянные чаны* (раздворительные) полагаются въ каждый до 70 пудовъ золошистаго серебра, ежегоднопривозимаго съ *Колыванскихъ* и *Нѣрчинскихъ* завѣдовъ. Серебро сіе спавишя въ чанъ прямо шныками (безъ всякаго дробленія) подъ нѣкопрымъ угломъ. Потомъ наливается на оное почти равное, или нѣсколько большее количество крѣпкой водки (*селитряной кислоты*) до 26° крѣпостию. Чанъ закрывается и вверху соединенъ бываетъ сначала *глиняными*, а потомъ *деревянными* трубами съ *Кислотопріемными кадками*, въ кои наливается свѣжей чистой воды по 15 пудовъ въ каждую.

При такомъ устройствѣ, по предложенію моему, проведены еще *деревянные горизонтальные и вертикальные воздухоотекучія трубы* для доставленія свѣжаго воздуха (съ надворья), необходимаго при окисленіи *селитроватаго газа*, переходящаго въ кислоту съ водою (въ *приемникахъ*) соединяющуюся, и

также оными трубами очищается *рабочая палата* отъ вредныхъ паровъ.

Спось важнѣйшее открытіе незабвеннаго Власова даетъ слѣдующія выгодныя для фабрики результаты: 1) мешалль безъ всякаго *дробленія* удобно и весьма скоро разпворяется; 2) деревянные разпворительные сосуды гораздо менѣ споятъ (цѣною) шаковыхъ же спекляныхъ; 3) никакого горючаго маперіала и заведенія особенныхъ печей при семъ не нужно; 4) за одинъ разъ несравненно въ большемъ количествѣ и при помѣ скорѣ разпворенія мешалль; 5) кислота, въ видѣ газа обыкновенно перывшаяся при разпвореніи, здѣсь получается обратно знашною частію.

Изъ опытовъ найдено, что деревянные разпворительные чаны выдерживаютъ въ себѣ до 1000 пудовъ непрерывнаго разпворенія мешалла.

2. Усовершенствованіе способа полученія *квѣчной водки*.

Далѣ Г. Власовъ предложилъ способъ къ полученію наибольшаго количества *квѣчной водки* въ здѣшней *квѣководотной фабрицѣ* (на монешномъ дворѣ). По совѣту его сдѣланы шакъ называемые *поботные реципіенты* при перегонкѣ селишраной кислоты изъ смѣси

селистры съ желѣзнымъ купоросомъ. Въ сихъ побочныхъ реципіентахъ селипровой газъ окисляется доступомъ атмосфернаго воздуха, и перешедъ въ кислоту, соединяется съ водою въ реципіентахъ. Г. Оберъ-Гишень-Фервальтеръ *Даниловъ* еще болѣе усовершенствовалъ сей способъ, употребивъ вмѣсто всякихъ другихъ приспавныхъ, или подобныхъ реципіентовъ обыкновенныя здѣсь *бутылки* съ узкимъ и продолговатымъ горломъ — кои немѣюшь большой цѣнности. Вообще опъ сего улучшенія перегонки получается нынѣ изъ одного и тогоже количества селистры болѣе кислоты противъ прежняго.

3. *Улучшеніе способа приготовленія краски ярв-мѣдianки.*

Усовершенствоваъ способъ приготовленія краски *ярв-мѣдianки* при здѣшнемъ монетномъ дворѣ, нашель Г. Власовъ, что для осажденія сей краски изъ разтворенія селипрокислой мѣди гораздо лучше употребляль *горячій* разтворъ пошаша, а не холодной, какъ обыкновенно дѣлаюшь. Опъ сего получается краска наилучшаго зеленого цвѣта, и слѣдовательно болѣе имѣеть цѣнности. Причина сему, вѣроятно, заключаешся какъ въ различной степени окисленія мѣди при холодномъ и го-

рячемъ осажденіи — такъ и въ разномъ соединеніи оной съ углекислою.

4. Изобрѣтеніе новой беспламенной лампы.

Приготовляя химическіе опыты къ публичному экзамену въ Горномъ кадепскомъ корпусѣ, сдѣлалъ онъ слѣдующее опышеніе: если положишь, или повѣсишь нѣсколько листочковъ обыкновенной золотой или серебряной потали надъ смѣсью сѣрной нефти и виннаго спирта, и прикоснешься зажженнымъ прушомъ къ одному изъ листочковъ; по мгновенно раскаливаются оныя, и калильной огонь пробѣгаетъ чрезъ все ихъ пространство при доступѣ воздуха, что продолжается до шѣхъ поръ, пока будешь подъ листочками находишь смѣсь нефти и спирта, которую можно всегда приливать по надобности. Сіе можешь замѣнить известную беспламенную лампу (*Lampe sans flamme*) Г. Деви; но кромѣ того по количеству пошальныхъ листочковъ и нефти спиртовой смѣси можешь оное служишь и канфоркою для нагрѣванія и варенія; пошому что производитъ сильной жаръ. Опытъ сей удобно дѣлается въ фарфоровой, или фаянсовой чашкѣ и блюдечкѣ; жидкость наливается внизу въ небольшомъ количествѣ; поверхъ ея кладется проволочная сѣточка, или рѣшетка (родъ колосниковъ), на которую

накладываются въ довольноомъ количествѣ пошальные листочки одинъ на другой неплотно, шакъ что могутъ бытъ переворачиваемы деревянною, или стеклянною палочкою. И шакъ сіе предспавляетъ новый родъ печки, гдѣ вмѣсто дровъ для топки употребляются металлы, и огонь раздувается *Эфирными парами*.

5. Приготовленіе особенныхъ желѣзныхъ гвоздей.

Имѣя случай по приказанію [начальства] изслѣдовать химическій составъ *желѣзныхъ гвоздей*, по увѣренію оставшихся невредимыми послѣ плашдѣшняго пушешествія въ морѣ при обивкѣ караблей мѣдными листами, онъ опредѣлялъ, что гвозди сіи съ поверхности *обуглены* (carbonisé), а впрочемъ составляютъ худой сортъ желѣза. Онъ самъ сдѣлалъ пошчасъ подобные слѣдующимъ образомъ: взявши обыкновенные гвозди, накаливалъ ихъ до красна и потомъ вдругъ погружалъ въ холодное *конопляное масло*, имѣя въ предметѣ, что желѣзо поверхностію своею удобно соединится съ *углеродомъ* въ маслѣ находящимся, и закаливавшись, покроется обугленнымъ веществомъ, кошорое, по увѣренію Г. Власова, дѣйствительно предохраняетъ металлъ отъ ржавчины и даже дѣйствія кис-

лопть. Желательно только, чтобы гвозди сім не лишались своей непроницаемой покрышки при вколачиваніи оныхъ въ дерево, когда обивается корабль мѣдью.

Печать Генія знаменуетъ вездѣ предпріятія — идеи нашего незабвеннаго лаборанта.

В. Любарскій.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА.

I.

Во исполненіе § 24 вѣнчанаго Устава, Обществомъ долгомъ считается извѣстивъ почтенныхъ членовъ *Соревнователя* о поступившихъ суммахъ, причисленныхъ къ кассѣ, на благошвореніе опредѣленной:

Отъ Г. Дѣйствительнаго Члена Общества Н. И. Розенмейера . . . 140 руб.
И отъ неизвѣстнаго, чрезъ Г. Дѣйствительнаго Члена В. И. Панаева, въ пособіе вдовѣ Ненашевской . . . . . 25 —

Всего 165 руб.

II.

Общество, принявъ во вниманіе бѣдное состояніе оставшейся послѣ смерти Дѣйствительнаго Члена С. П. Власова вдовы и чепырежъ дѣшей и вдовы Ненашевской, коей мужъ

бывшій Учительемъ въ Иркутской, а потомъ въ Нижегородской Губернскихъ Гимназіяхъ и умершій здѣсь въ С. Пешербургѣ, оставилъ на попеченіе ея шрехъ малолѣшнихъ дочерей, назначило, на основаніи §§ 8 и 15 второй части Устава своего, выдавашъ имъ въ Пансіонѣ каждой по 25 рубл. въ мѣсяцъ, начавъ производсво онаго съ 1 Окшября сего года.

III.

Изъ суммы на благошвореніе опредѣленной выдано:

Пансіонерамъ Общсва за Окшябрь мѣсяцъ сего года:

Г. Новоселдву	25 руб.
Г. Ск . . . . . му	25 —
Г-жѣ Ненашевской	25 —
Ей же единовременно	25 —

Всего 100 руб.

IV.

Общсво, имѣвъ честь получить для Библиотеки своей и кабинета опъ Совѣша ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета *Каталогъ лекцій на слѣдующій Академическій годъ*, и опъ Г. Коллежскаго Регистратора Семена Ивановича Волненки *восемь окаменѣлостей и тридцать четыре разныхъ монеты*,

изъ коихъ 20 мѣдныхъ, 13 серебряныхъ и 1 золотая, долгомъ счищаетъ изъявишь за сіе истинную свою благодарность.

V.

Книгопродавецъ С. Пенербургскій купецъ Иванъ Васильевичъ Слѣнинъ избранъ Коммисіонеромъ Общества.

VI.

Еще въ 1819 году ГГ. Предсѣдатель Общества Ф. Н. Глинка и Почетный Членъ Графъ Ф. П. Толстой основали заведеніе для продажи разныхъ вещей въ пособіе бѣднымъ всякаго сословія, которое до сего времени находилось въ книжномъ магазинѣ В. А. Плавильщикова и извѣстно какъ многимъ благотворителямъ, участвовавшимъ въ пособіи бѣднымъ, такъ и читателямъ *Сина Отечества*, въ коемъ помѣщенъ былъ отчетъ по сему заведенію за 1819 годъ. Нынѣ въ слѣдствіе предложенія почетныхъ учредителей, благотворное заведеніе сіе присоединено къ Обществу, которое, оставивъ оное на прежнихъ правилахъ въ упомянутыхъ книжномъ магазинѣ, неизлишнимъ счищаетъ повторить напечатанное въ *Синѣ Отечества* нижеслѣдующее извѣстіе о семъ заведеніи:

„Кому не извѣстно, что многіе, обиженные счастьемъ, бѣдные дарами его, богаты шертвнѣемъ, прилѣжаніемъ и прекрасными дарованіями въ рукодѣліи? — Часомъ изъ рукъ бѣднаго семейства, изъ убогой хижины выходятъ работы драгоценныя. Счастливы тѣ, копорые работаютъ *съ вѣрною надеждою* продать труды свои за хорошую плату! Тогда *игла и спица скорѣе* въ рукахъ обращаются, и свѣтъ не меркнетъ въ глазахъ, заливаемыхъ слезами, тогда работа становится *забавою*; ибо *надежда* и самый тяжкій трудъ умѣешь превратить въ наслажденіе. Но совсѣмъ не то въ семействѣ, лишенномъ способовъ сбывать труды свои *выгодно и вѣрно*. Уныніе заступаетъ мѣсто веселой надежды, и руки печальныхъ труженицъ вянутъ надъ работою. Часомъ прекрасный узоръ и золотое шитье попускаетъ ошь слезъ и пыли, прежде нежели найдутъ возможность продать ихъ *не за безцѣнокъ*; а между тѣмъ послѣдніе способы жизни, какъ послѣдняя свѣча, при копорой работаютъ, все уменьшаются!... Въ многораннихъ земляхъ, особливо въ Германіи, есть много заведеній въ пользу бѣдныхъ, домогающихся пропитаніе трудами своихъ рукъ. Простѣйшія суть нарочно усвоенныя *лавки*, въ копорыхъ продаютъ одни только *издѣлія бѣдныхъ*. — Въ *Вирцбургѣ* особенно замѣча-

пельна така лавка. Рѣдкой изъ проходившихъ чрезъ шоссъ городъ офицеровъ не купилъ въ ней какой нибудь прекрасной вещи, превосходно сдѣланной изъ бисера руками бѣдныхъ *Вирцбургскихъ дѣвушекъ*. Многие охотно плашили *двойную цѣну*, узнавъ, что деньги ихъ утѣшаютъ какое нибудь убогое семейство, умножаятъ приданое бѣдной дѣвицы, или дадутъ насущный хлѣбъ с:парцу, питаемому усердною рукою сироты.

И у насъ не безъ *бѣдныхъ* и конечно не безъ *добрыхъ* людей! — Последніе всегда готовы помогать первымъ и вѣрно съ сердечнымъ благоволеніемъ примушъ извѣстіе о *новомъ учрежденіи*, скромномъ, но полезномъ (*). Нѣсколько *благонравныхъ* людей желая поспособствовать скорѣйшей продажѣ ихъ издѣлій. Они приступили къ сему слѣдующимъ образомъ. На первой разъ, занявъ уголокъ въ прекрасной книжной лавкѣ (въ библіотекѣ для чтенія *Г. Плавильщикова у Синга моста*), успроили тамъ *два лица*, изъ коихъ въ первомъ помѣщены *работы бѣдныхъ*, а въ другомъ шруды разныхъ лицъ, или *приношеній*

(*) На сей разъ все учрежденіе состоитъ изъ двухъ только лицъ, которые со временемъ благотворительностію великодушныхъ друзей бѣдныхъ могутъ быть превращены въ шкафы и т. д.

(разными вещами) *въ пользу бѣдныхъ*. Всѣ живущіе прѣдами своихъ рукъ, усердно приглашаются къ предсавленію *работъ своихъ*. Учредители берутъ на себя прилагать возможное стараніе о скорѣйшей и выгоднѣйшей продажѣ доставленныхъ имъ работъ. При нѣкоторыхъ изъ оныхъ находишься будутъ крашкія, но вѣрныя записки объ истинномъ положеніи особы (безъ означенія имени) для цѣлаго семейства, о пѣ котораго предсавлено для продажи *издѣліе*. Такимъ образомъ *благотворительные покупатели* могутъ плашить болѣе прошиву назначенной *продавцомъ* цѣны въ уваженіе бѣдности и крайняго положенія одного лица или цѣлаго семейства. Для записки вещей, равно какъ и вступающихъ за оныя денегъ, имѣются двѣ *шнуровыя книги*: всякой можетъ ихъ видѣть, и *собственною рукою* записывать дѣлаемую имъ, по внушенію собственной *благотворительности*, *добавку* сверхъ положенной цѣны, въ пользу бѣдныхъ. Вотъ назначеніе перваго *листка*! Впрочемъ же всякій доброхотный датель можетъ положить, что пожелаетъ: Сочинитель — экземпляръ издаваемой книги; Живописецъ — какойнибудь *эскизъ*, а *благотворительный соотечественникъ* пруды прекрасныхъ рукъ своихъ: *кошельки, шитве, вязанье* и тому подобное. Всѣ деньги, вырученныя за про-

дажу сихъ приношеній въ пользу бѣдныхъ, употреблены будутъ наиболее полезнымъ для нихъ образомъ, а именно: изъ оныхъ выдавать спанупъ впередъ, смотря по бѣдности лица и до-спойнству вещи: $\frac{1}{8}$ часъ или $\frac{1}{2}$ назначенной (по оцѣнкѣ продавца) за вещь суммы. Всякій другъ бѣдныхъ поспѣшь пойметъ, сколь благодарительна таковая предварительная свидателіемъ, у которыхъ очень часто нѣтъ полна дровъ для отопки убогой хижины и куска хлѣба для дневнаго пропитанія. Вкладчики втораго лица могутъ быть увѣрены, что каждое приношеніе ихъ послужитъ въ помощь спасительную истинно бѣднымъ, въ утѣшеніе спрададцамъ въ полной мѣрѣ соспраданія достойнымъ. Великій Государь Пётръ I ранній часъ каждого утра шрудился за шокарнымъ спянкомъ, говоря, что *работаетъ для бѣдныхъ*, и въ самомъ дѣлѣ въ пользу неимущихъ продавались шруды Внценоснаго Художника. Напалія, Родительница Его, не рѣдко шакже въ часы вечернихъ досуговъ (которыя тогда не поглощались еще модною разсѣяношнію), вмѣсилъ съ своими приближенными, усердно работала для бѣдныхъ. Вошъ способъ придашь новый, истинный блескъ величію! — Искреннее участіе въ судьбѣ несчастныхъ, сердечное благословеніе къ бѣднымъ миритъ всѣ состоянія народа и

сближаетъ палаты съ хижинами. Много уже говорено было о бѣдности, объ ея ужасахъ, неизвѣстныхъ, даже вовсе непонятныхъ шѣмъ, которыхъ въ привольной жизни ласкается постоянно счастье. Но изъ всѣхъ послѣдствій нищеты ужаснѣйшее есть — потеря нравственнаго достоинства чловѣка. Какъ часто — особливо въ большихъ городахъ — бѣдность, мучительница жестокая, передаетъ обезсиленныя бореніемъ, истомленные спраданіемъ, жертвы свои въ объятія *возврата*, влекущаго ихъ по пути гибели! — Рамъ, нѣжныя, благородныя души, вамъ предлежитъ великій, священный подвигъ быть *землею Провидѣніемъ* страдальцевъ и, утѣшая несчастныхъ, спасать отъ нищеты шрудлюбивыхъ. . . . “

VII.

Общество, во исполненіе § 4. первой части **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденного Устава своего, будетъ продолжать изданіе шрудовъ своихъ и на слѣдующій 1822 годъ въ видѣ журнала подъ шѣмъ же наименованіемъ: *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія*.

Для составленія сего журнала предназначены слѣдующія *тетви* отдѣленія:

I. **НАУКИ**. Въ семь отдѣленія будутъ помѣщаемы: изслѣдованія, касающіяся до Древ-

ней и Новой исторіи, а въ особенности до Россійской; Археологическія разысканія; Спампическіе опрывки о разныхъ предметахъ въ Европейскихъ государствахъ; Философическія мнѣнія и разсужденія о любопытнѣйшихъ предметахъ Естественной Исторіи, Физики и Химіи.

II. КРИТИКА. Сіе отдѣленіе предназначается для разбора, по теоріи вкуса, лучшихъ сочиненій, какъ ошечественныхъ, такъ и иноспранныхъ; произведеній ошличныхъ художниковъ и вообще всего того, что можетъ быть предметомъ вкуса.

III. ЛИТЕРАТУРА. Здѣсь будетъ двѣ части:

A. *Проза* — Любопытныя записки путешественниковъ; Біографіи знаменитыхъ людей; карпинныя описанія разныхъ предметовъ; нравственныя повѣсти; опрывки изъ классическихъ Романовъ и всѣ сочиненія, относящіяся къ изящной прозѣ.

B. *Стихотворенія* — Опрывки изъ Поэмъ, Трагедій, Комедій и разнаго рода поэтическія произведенія.

IV. СМѢСЬ. Въ семъ отдѣленіи будутъ помѣщаемы краткія извѣстія объ открытіяхъ въ наукахъ и искусствахъ, о вновь выходящихъ книгахъ, кошорыя особенное на себя должны обратишь вниманіе; Некрологіи; Записки Общества и проч.

Каждый мѣсяць выходитъ книжка, содержащая отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ, копорую ГГ. Подписавшіеся здѣсь въ С. Пешербургѣ непременно будутъ получать въ началѣ мѣсяца, а именно: въ *первой Помѣдѣлникѣ послѣ 1 числа*. Три книжки составляютъ часпъ.

Цѣна годовому изданію 25 рублей, а съ доставленіемъ на домъ и съ пересылкою во весь города Россійской Имперіи 30 рублей; на полгода же 15, а съ доставленіемъ 18 руб. Но какъ вырученныя изданіемъ симъ деньги назначаются на пособіе *неимущимъ ученимъ и учащимся*, то желающіе содѣйствовать сей благошворной цѣли, могутъ вносить за экземпляръ и болѣе означенной суммы.

Имяна *Подписавшихся и Благотворителей* припечатываются при каждой часпѣ.

Подписка принимается:

Въ С. Пешербургѣ — въ домъ Собраній Общества подъ № 254, 3 Адмиралшейской части 4 кваршала, на Вознесенскомъ проспектѣ; также въ книжномъ магазинѣ Коммисіонера Общества И. В. Слѣнина и въ Библіотекѣ для чтенія, В. А. Плавильщикова.

Иногородныя особы могутъ адресоваться въ Газетную Экспедицію С. Пешербургскаго Почтамта.

Желающіе получить Журналь сей за 1818,

1819, 1820 и 1821 годы, съ плапою означенной суммы, могутъ относиться прямо въ Общество, или въ С. Петербургскую Газетную Экспедицію.

Хотя исправность пересылки *Соревнователя* зависишь единственно ошь Газетной Экспедиціи; но Общество просишь ГГ. Подписавшихся, въ случаѣ неполученія ими книжекъ Журнала, относиться прямо въ сіе Словіе, которое не преминешъ удовлетворишь ихъ въ справедливыхъ требованіяхъ.

П Р О З А.

ОБОЖАТЕЛИ ОГНЯ.

Часшъ шрепья.

(Окончаніе).

Мрачится день въ срединѣ своего печенія... вѣпры спятъ еще на черныхъ и угрожающихъ волнахъ; но густыя испаренія скопляются въ воздухъ и, мгновенно сдвигаясь и разрываясь, кажутъ собою видъ разрушенія свода небеснаго. Каждое облако предвѣщаетъ бурю: одно мчится по волѣ вѣпрровъ, подобно конской гривѣ; другое, клубясь черною грядою, надмѣвается, нося въ нѣдрахъ своихъ громъ и молнію; иныя же, растворяя хляби, проливаются обильнымъ дождемъ и приугошворяютъ дорогу бурѣ.

Часшъ XVI. Кн. III.

На землѣ все еще спокойно; повсюду царствуетъ мертвая тишина, величественнѣйшая самаго гласа бури. Рыболовъ поспѣшно удаляется къ пѣнистымъ рощамъ Ормуса и привязываетъ челнокъ свой въ болзливомъ ожиданіи. Морскія птицы носятся надъ берегомъ, и крикомъ вызываютъ бурю.

Кормчій ждетъ у пристани и обращаетъ безпокойные взоры къ небу: все предвѣщаетъ ужасъ, но Гида садился въ корабль, долженствующій опдалить ее отъ земли Персидской. Никакая (1) музыка не сопровождаетъ равнаго ударенія весель; никакой другъ не просперъ за нею объяпій и не огласилъ берега послѣднимъ прощаніемъ. Одинокій корабль медленно разсѣкаетъ волны, подобясь тѣмъ несчастнымъ судамъ, кои осмѣливаются плавать въ Слезномъ проливѣ. (2)

---

(1) Воспочные народы садятся на корабль всегда при звукахъ музыки.

(2) Слезной проливъ, или, по проспорѣчю, Бабель-Мандель, названъ такъ потому древними Арабами, что мореплаватели подвергаются въ немъ частымъ опасностямъ отъ безпресанныхъ бурь. Всѣ

Но гдѣ же страшный Али-Гассанъ? Не уже ли жестокий Эмиръ не могъ оспа-
винъ на время Корана и убійствъ, что-
бы проститься съ любимою дочерью? . . .
Нѣтъ, онъ, заключаея въ палапахъ сво-
ихъ, переходить попеременно отъ мо-
литвы къ мысли о мщениіи, и въ мрач-
номъ уединеніи неперпѣливо ждетъ при-
ближающейся ночи. Уже ему мечтающія
умирающіе неприятели, и онъ, подобно
коршуну, издали чувствуетъ, когда его
добыча должна испустить послѣднее ды-
ханіе (1). Печальная Гинда оставляетъ
сіи мѣста, зрѣлища ужасовъ военныхъ,
подобно Вавилонской голубкѣ, лепящей
въ родную землю съ вѣспію о побѣдѣ, и
у которой бѣлыя крылья зацѣпаны кро-
вавыми руками, даровавшими ей сво-
боду (2).

осправляющіеся проливомъ сими почи-
паются какъ бы уже мертвыми.

- (1) Говорятъ, что въ какомъ бы мѣстѣ жи-
вотное пало мертво; потчасъ являет-
ся одинъ или многіе коршуны, хотя пре-
жде ихъ и не было видно.
- (2) Они привязываютъ письмо къ крыльямъ
голубей Багдадскихъ или Вавилонскихъ.

Не уже ли мысль объ опечествѣ, такъ давно оставленномъ, не пробуждаетъ радости въ сердцѣ Гинды? Она увидитъ цвѣты, ею взлелѣянные; рощи, въ коихъ душа ея предавалась мечтаніямъ; горлицъ, кои вспорхнутъ къ ней на встрѣчу съ серебряными на шеѣ гремушками; птицъ, коихъ блестящія перья такъ много ей нравились; игривыхъ рыбокъ, украшающихъ ясные водоемы и замѣченныхъ ею золотыми колечками (1); она будетъ молиться въ своей маленькой мечети, посреди сада поставленной, и тамъ, на свободѣ, въ шѣни акацій, станеть перебирать рубиновыя четки. Эпи удовольствія не льстятъ ли ей улыбкою надежды? . . . Нѣтъ: она удаляется отъ невольницъ, печальна и молчалива, какъ будто предчувствуя свою участь, ищетъ единенія и, пре красная въ своей печали, походитъ на блѣднаго ангела смерти. Но вдругъ содрогается она, увидѣвъ посреди

(1) Императрица, супруга Иганъ Гира, кормила сама маленькихъ рыбокъ въ прудахъ своихъ и часило, по истеченіи вѣсколькихъ лѣтъ, узнавала замѣченныхъ ею золотыми проволочками.

лѣнящихся волнь тѣ башни, въ копорыхъ по нѣсколькихъ часахъ прольются испочники крови и, подобно нечиспымъ куреніямъ, будутъ еще дымиться при первыхъ лучахъ солнца.

Гдѣ ты, мужеспвенный незнакомецъ, любезный сердцу моему и несчастный?... Гдѣ ты, повторила она... Какое бы имя ни носилъ ты — врага... Гебра... невѣрнаго, всегда ты достоинъ славы, и всегда будешь жить въ сердцѣ ной, копорая тебя обожаешь. Такъ, справедливый Алла... такъ, спрашный Алла... такъ! И если я виновна, если любовь моя преступна... пусть окружающія волны поглощаютъ меня прежде, нежели я забуду вѣру, отца, родину, все; прежде, нежели предамся душою кумиру земному и предпочту его самому себѣ. — Такъ, любовь моя столь жестока, что рай, шобою обѣщанный, будетъ для меня пустынею, ежели мой возлюбленный не раздѣлитъ его со мною.

Руки ея сложены крестообразно на сердцѣ; глаза обращены къ небу и проливаютьъ чистѣйшія слезы, подобныя росѣ

звѣздной; и хопя пламенныя уста про-
 износятъ слова любви дерзновенной и оп-
 чаянной, но какой-то свѣтъ разливае-
 ся на чель и блеститъ въ помраченныхъ
 взорахъ; хопя душа ея блуждаетъ по зем-
 лѣ, но настоящее ея опечество въ небѣ;
 она чиста, не взирая на заблужденіе, по-
 добно лучу солнечному, преломленному въ
 спруяхъ водныхъ и хопя уклоняющемуся
 отъ прямаго направленія, но не преспа-
 ющему испекашь отъ свѣсила дневнаго.

Гинда сполько заняла была своею
 горестію, что не чувствовала приближе-
 нія бури, покрывшей небо мракомъ; не
 примѣтила плещущихъ волнъ; не слыха-
 ла крика, топота шаговъ, раздававших-
 ся надъ ея головою. Казалось, что спукъ
 оружія и вопли ярости спарались оси-
 дить ревъ свирѣпѣющей бури. Откуда же
 принеслись вопли сіи? ... Что значаць
 удары, отъ коихъ ломится помосць? ...
 Что значить трескъ, подобный круше-
 нію судна; грозныя голоса опчаянныхъ
 Исламитовъ? ... Милосердый Боже! Это
 уже не буря, хопя корабль спонеть, какъ
 будущею грозная волна обрушилась на

него всею пягоспью! Боже, умилосердись надо мною, вскричала юная Аравипянка, бросаясь на колѣни и пррепеча, какъ при наспутившемъ часѣ суда спрашнаго. Невольницы, полумертвыя опть сѣрахъ, пѣснятся около своей повелишельницы . . . но, о ужась . . . ударъ . . . еще одинъ . . . и вдругъ, подобно сокрушенному громомъ, помоспъ корабля рушился съ прескомъ . . . хлынула вода . . . печеть кровь . . . снаспи, оружія, люди валяшся въ опшверзтїе въ безпорядкѣ . . . одни сражаются, умирая . . . другїе восклицаютъ: для Бога и для Ирана! . . .

Кто же опшврапилъ опть Гинды опасности сраженїя? Кто извлекъ ее изъ челюстей бури и смерти? Того она сама не знаетъ. Смершный хладъ разлился по ея жиламъ; она упала безчувствевна посреди смяшенїя, подобно цвѣтку, увядшему подъ раскаленнымъ дождемъ горы огнедышущей.

Но какое зрѣлище пррежде поразило ее! Какїе смершные вопли пронзили ея робкую душу! Она видѣла обрушенный помоспъ и воиновъ, котпорые бились на зы-

блющихся половницахъ... Изорванные паруса разевались, подобно кровавымъ знаменамъ, надъ головами сражающихся. Сабли сверкали и, отражая молнію опть клинковъ своихъ, казалось, бросали пламенные стрѣлы. Въ сіи минулы люди и стихіи воспламенялись одинаковою яростію.

Одно мгновеніе... но нѣпть... эшо не могло спашься... Гинда приняла эшо за мечту... Одно мгновеніе... въ полузакрытыхъ глазахъ, посреди бури и сраженія, показался ей Герой; онъ опличался между воиновъ, какъ звѣзда Египта (1), блестящая свѣтомъ невѣдомымъ для бѣлыхъ острововъ Запада (2) и зашмѣвающая всѣ прочія созвѣздія неба.

Нѣпть, эшо былъ обманъ очей, призракъ воображенія; ни прежде, нежели крикъ удивленія испоргся изъ шрепещущихъ устъ, мертвенный хладъ объялъ Гинду и простеръ надъ нею глубокій мракъ.

---

(1) Блеспящій Канопусъ, невидимый въ земляхъ Европейскихъ.

(2) Смоипри Вильфорда ученія изысканія о Священныхъ островахъ Запада.

Какъ пріятно наступленіе пишины послѣ бури! И когда борьба стихій прешанетъ, когда появленіе солнца, разсвѣвая облака, возвратитъ морю и землѣ всѣ блестящія прелести покоя, тогда день кажется возрожденнымъ изъ нѣдръ новой зари. Цвѣты, приклоненные къ землѣ яростнымъ дуновеніемъ бури, поднимають головки свои и наполняютъ воздухъ благоуханіями. Каждая капля, оспавленная дождемъ на правкѣ или на кустахъ, блеснитъ издали, подобно шѣмъ камнямъ, въ коихъ пышное сіяніе зараждается отъ блеска молній (1). Легкіе вѣтерки дышуть благовоніями; кажется, будто у cadaго цвѣтка есть свой вѣтерокъ, который разноситъ повсюду его бальзамической запахъ. Океанъ чужь колышется тихою зыбью; лазурная его

(1) Драгоценной Индѣйской камень, называемый *Seraupim*; ибо древніе думали, что его шѣмъ найши только можно, гдѣ ударила молнія. Тершудліанъ говоритъ, что камень сей имѣетъ такой блескъ, какъ будто бы внутри его былъ огонь. Слѣдуя сочинителю разсмотрѣнія путешественія Гарриса, это опаль.

поверхность отражаетъ лучи солнечныя, и легкое колебаніе на немъ, оставленное бурей, подобится молчаливому біенію юнаго сердца, ожидающему впервые испытанія счастливыхъ таинствъ любовныхъ.

Въ такой прелестной картинѣ была раскинувшись природа, когда Гинда, пробудясь отъ долгаго безчувствія, услышала только легкой шумъ пѣны за кормою. Но гдѣ же она? ... Слабое зрѣніе еще не различаетъ предметовъ ... Въ помѣ ли суднѣ, въ которомъ оплыла она изъ залива Гармогіи? ... Нѣтъ ... удивленные глаза встрѣчаютъ новое и чудное. Она лежитъ на помостѣ другаго корабля; нѣтъ надъ нею богатаго навѣса; опахала изъ рѣдкихъ перьевъ не прохлаждаютъ ея своимъ вѣяніемъ; ясинныя цвѣты не отѣняютъ шелковаго изголовья. Военныя одежды, разоспанные по полу, служатъ ей жесткимъ ложемъ; шали и поясы, развѣшенные на копьяхъ, закрываютъ ее отъ солнца. Она обращаетъ вокругъ себя смущенные взгляды, и видитъ воиновъ, опдыхающихъ на солнцѣ послѣ сра-

женія: одни въ молчаніи смотрятъ на тихія воды; другіе, негодуя на безвременную тишину, почасту и съ нешерпѣніемъ взглядывають на парусъ, висящій въ бездѣйствіи по мачтѣ.

Великій Боже, кто придетъ къ ней теперь на помощь? Ни у одного изъ воиновъ сихъ Гинда не видитъ Арабской сабли, ни одной чалмы, опличающей соотечественниковъ ея отъ невѣрныхъ. Одежда ихъ... кожаные поясы, спягивающіе полукафшанья желшаго цвѣта (1), цвѣта буншующихъ... опушка на Ташарскихъ шапкахъ (2)... все, все возвращаетъ, что спрости ея не напрасны, что небо въ сіи пагубныя минуты предало ее во власть Гафедъ, Гафедъ Гебра! При сей мысли кровь спынетъ въ ея жилахъ. Этошъ Гафедъ, этошъ самый, къ кошорому опецъ ея съ каждымъ днемъ посвялялъ ненависть, какъ къ злему духу, ги-

(1) Гебры опличаются вообще принятыми ими для плашья темножелшымъ цвѣтомъ.

(2) *Колахъ* или шапка, которую носятъ Персы, дѣлается изъ Ташарскихъ ошдинокъ.

бельному посланнику ада, изрыгнутому на землю, дабы покрывъ ея проклятіемъ и разпростиришь мраки свои между челоуѣкомъ и Богомъ. И этаго злаго духа она теперь жертва, безпомощная и отчаянная... Свирѣпыя войны, которыхъ видить она, его сподвижники и, подобно ему, враги и невѣрные.

Какая надежда освѣпила лучемъ своимъ ея сердце, когда она осмѣлилась съ отвагою, приданною отчаяніемъ, обратишь взоры, столь проникающыя и гордыя, на воиновъ Рафедовыхъ, что самый свирѣпѣйшій изъ нихъ опускалъ глаза съ боязнію, какъ бы угадывая, кого искали взоры сіи? ... Но она его не видала... онъ исчезъ... мечта обольстила ее посреди ужасовъ. Это была одна пѣна, облако, которое воображеніе Гинды одѣло собственными красками въ ея ищупленіи.

Однако судно плыветъ быспрѣ по лазуревымъ волнамъ... люди движущся... легкія весла брызжутъ пѣну на гладкую поверхность океана;... Гинда видить съ ужасомъ, что корабль направляется къ

страшной горѣ, къ симъ башнямъ, заста-
вляющимъ ее препешать, гдѣ закланные
враги Пророка засѣли, какъ ядовитыя
гады, въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ.
Между моремъ и берегомъ, позлащенны-
ми солнцемъ, гора сія одна стоить въ
сумракѣ; только на вершинѣ ея блеститъ
багряное облако, какъ будно въ знаменіе
судбины, показующей мѣсто, на коемъ
смерть вскорѣ восторжествуетъ.

Еслибъ Гинда могла сообразить раз-
сѣяныя свои мысли; она бы изумилась,
видя, что смертные осмѣливаются съ
морской стороны взойти на эту го-
ру: Арабы слышали только о тропинкѣ,
ведущей чрезъ пропасть.

Но страхъ оковалъ всѣ чувства, ко-
гда увидѣла она, что волны влекли суд-
но къ мрачнымъ пещерамъ, проспирав-
шимся подъ огнедышущими сопками сей
горы ужасной. Громкой голосъ повелѣ-
ваетъ приклонить мачту, засвѣтитъ
пламяники — и вдругъ корабль, брошен-
ный ревущею волною, вспукаетъ въ под-
земелье споль же мрачное, какъ и пред-
дверіе ада. Слабый огонь свѣшильниковъ

едва освѣщаетъ кипящія волны. Воины молчатъ, не смѣя говорить въ сихъ темныхъ вершепахъ, гдѣ каждый звукъ повторяется такъ печально, что кажется, будто отзвѣвъ, сговаривается съ волнами о гибели пловцовъ дерзновенныхъ.

Вдругъ судно оспанавляется; печеніе обратилось назадъ. Неодолимая и невидимая сила воспящаетъ наглыя волны, кои, пѣнясь, отступающъ, и удвоенныя силы гребцовъ едва превозмогающъ силу водоворота. Одинъ изъ Гебровъ прыгаетъ на скалу, ему бросаютъ цѣпь и онъ привязываетъ судно.

Въ это самое время дрожащій лучъ свѣта дневнаго проникаетъ мраки, но прежде, нежели дочь Эмирова могла усмотрѣть, откуда исходилъ сей свѣтъ мгновенный, она содрагается, чувствуя невидимую руку, возлагающую ей на горящія глаза повязку. Она посажена на носилки, и Гебры несутъ ее по дикимъ скаламъ.

Привѣтствую тебя, свѣтъ солнца!
Ты заключаешь въ себѣ жизнь природы,
и ощущаешь тебя споль пріятно, что

еслибъ на свѣтъ не было другихъ радостей, кромѣ роскоши яснаго дня, и тогда бы человѣку жаль было распаться съ жизнію и обмѣнить свѣтъ швой на мраки гробницы.. Сама Гинда, не могшая видѣть, куда несли ее по стезѣ опасной, узнала, подѣйствію свѣжаго воздуха, что они вышли изъ темницъ вертеповъ, и что солнце освѣщало ее своими благошворными лучами.

Но вскорѣ пріятная свѣжесть смѣнилась опять сырими испареніями. Извилины пупи приводятъ опять къ мрачному проходу. Трескъ хвороспа и сплукъ падающихъ обломковъ скаль пробуждаютъ шамъ спящаго въ логовищѣ леопарда, и онъ, въ алчности своей, принимая за добычу каждый капающійся камень, гонится за нимъ со спремнины на спремнину, изъ пропасти въ пропасть, .. Крики шакалей... опдаленныя завыванія кровожадной гіенны... вѣчный и спрашный шумъ водопадовъ... все устрашаетъ Гинду... она была бы счастлива, еслибъ могла видѣть все то, что ей слышимо; ибо нѣтъ призрака, кошорый не спано-

вился бы опть воображенія ужаснѣ въ шакомъ мѣстѣ и при подобномъ шумѣ.

Но что? Еще ли мечта ее обманываешь? Еще ли страхъ вводитъ въ заблужденіе ея душу?... Любезный ей голосъ произноситъ тихо слова: „не бойся, возлюбленная, швой Гебръ съ побою“... Нѣтъ, это не призракъ, слухъ ея не обманулся... слова: „швой Гебръ съ побою“ произнесены милымъ. Во всей вселенной нѣтъ голоса подобнаго; нѣтъ голоса нѣжнѣ, пріятнѣ, краснорѣчивѣ! Скорѣе майская роза не узнаетъ своего соловья, и при пѣсняхъ другаго пѣвца рощей развернетъ пурпуровыя листочки, но голосъ, нѣ дыхание любезнаго, не могутъ обмануться неузнанны любовью. Гинда благополучна посреди несчастій, чувствуя, подлѣ себя того, чья улыбка, на краю гроба, сдѣлала бы ей смерть пріятною.

Но вдругъ мрачныя мысли заступаютъ мѣсто перваго восхищенія. Потерпѣли ли неумолимый Гафедъ, чшобъ одинъ изъ его Гебровъ любилъ дѣву Аравійскую, Музульманку, дочь Эмира, коего

кровавые знамена развѣвались на разрушенныхъ храмахъ Солнцевыхъ, Эмира, превратившаго въ пущыню плодоносныя поля Персіи?

Попомь Гинда содрагаешся, вспоминая о наспувающей ночи. Кто остано-
витъ, опврашитъ мечъ, висящій надъ головами Персовъ? Чья рука спасетъ жерпву? Чей щипъ укроетъ любезнаго отъ пораженій опца ея?...

Сохрани его, о Боже, такъ молишся она изъ глубины душевной; сохрани его въ сію ночь — и если для тебя пріятна жертва сердца и слезы кающагося грѣшника, сохрани его: я клянусь предъ пвоимъ пресполомъ испоргнушь изъ сердца моего любовь, надежду и даже воспоминаніе о помъ, кого обожаю, хопя бы чувствованія сіи слились съ испочникомъ жизни моей. Пуспъ живеть онъ, и эти слезы, сполько разъ за него проливаемыя, сіи вздохи пресупные, но сладкіе моему сердцу — все посвящено будепц Небу. Юность моя обречешся покаянню, а остатокъ дней проведу я въ исполненіи пляжкихъ обѣщанъ: я испреблю

Часль Кн. XVI. III.

18

совершенно пламя, меня пожирающее; успа не произнесушь его имени; только въ молишвахъ моихъ буду просишь за его душу, чшобъ она, сѡвлекшись земной славы, удостоилась прощенія, и, увѣчанна небесною славою, вступила въ вѣчный эдемъ. Какое торжество для тебя, великій Пророкъ, возвратишь на путь небесный звѣзду заблуждшую! Пуеть живеть онъ, великій Боже — и мы оба будемъ принадлежать Тебѣ; пошому чшо счастливый или несчастный, въ жизни или въ смерти, онъ участью связанъ со мною, и, если онъ погибнетъ — я болѣе не существоую.

Часть четвертая.

Зеленяя роши, берега, волны, позлащенныя лучами солнца, и гора, возвышающая величественно чело свое до облакъ, представили бы зрѣлище восхищительное для очей веселыхъ, для сердець беззаботныхъ. Буря уступила мѣсто прекраснѣйшему вечеру; западъ на чистомъ небосклонѣ развершывалъ уже свое багряное знамя и благошворная жидкость росы, въ видѣ дрожащаго свѣта, изливалась со сводовъ небесныхъ. Не шакъ ли, пра вечерѣ жизни, чело кающагося смертнаго вѣнчаеся блескомъ добродѣтели, и слезы, проливаемые имъ о содѣянныхъ преступленіяхъ, свѣпяся небеснымъ прощеніемъ?...

Повсюду царствуетъ тишина; въпры, свирѣпшвовавшіе въ миндальныхъ лѣсахъ Керманскихъ, и лишившіе фиспанковья дерева плодовъ, любимыхъ путешественниками (1), смирились, и едва струюпъ

(1) Во многихъ областяхъ Керманскихъ ми-

поверхность Зеленаго моря. Разсѣянные островки, отражая свое изображеніе въ зеркаль воды, кажутся жилищами Пери, взнесенными на воздухъ и поддерживаемыми ипамъ волшебною силою.

Но вошще карпины сіи открылись для Гинды, когда сняли съ ея очей повязку; блѣдна и трепещуща, какъ пробужденная при появленіи Ангеловъ смерти (2), она робко осматривается, и хочеть прочеснь учаснь свою во взорахъ ее окружающихъ. Грозныя скалы и развалины башень представляющя ей какъ бы презирающими улыбку неба, блестящую на сѣдыхъ вершинахъ. Напрасно, волнуемая снрахомъ и надеждою, она ищеть пого, кто сладкимъ голосомъ успокоивалъ ее за минушу. Мечпа льсливая и обманчивая... съ нею нѣтъ его!... Но вдругъ смерпный ужась объялъ ее, когда возвѣстили о возвращеніи Гафедя, начальника Гебровъ.

когда не подбирають фисшашекъ, сбн-ныхъ вѣщомъ, оспавля ихъ пушешеспвенникамъ.

(2) Монкирь и Некирь, два снрашныхъ Ангела, именуемыхъ *искателями гробовъ*. (Oskley).

Спрашное имя его перелепаетъ изъ успь въ успа... онъ идееть... скалы съ гуломъ повпоряють шаги его. Какъ осмѣлился она поднятъ голову и вспрѣшилъ взоры, коихъ блескъ успрашаетъ храбрѣйшихъ воиновъ Іеменя, взоры, спрашнѣйшіе, какъ говорятъ Музульмане, нежели свѣпящіеся ночью глаза Мандрагоры (1)! Какъ вынесеть она голось, коего воинственный звукъ часто разсѣивалъ цѣлыя полки, подобно рыканію шигра, успрашающаго многочисленныя караваны, разположенныя ввечеру около пустыннаго колодца!

Она едва дышитъ, опускаетъ глаза и колеблется, полагая, что огненный взглядъ, кошорый воображеніе представляетъ ей молніеноснымъ, успремленъ на нее; она препенетъ, слыша воиновъ Гафедовыхъ, опспускающихъ почпидельно съ его приближеніемъ: никогда неизвѣстное ожиданіе не было ужаснѣе. Наконецъ Гафедъ, дрожащею рукою, беретъ ея руку и, наклоняясь къ ней, произноситъ: „Гинда!“, . . . Одно шолько слово сказалъ онъ... и до-

(1) Арабы называютъ Мандрагору *сетей дивола*,

вольно; оспальное опгадано... невольный крикъ вырывается изъ ея спѣсенной груди; юная Аравищянка, препенца отъ страха радости, нечаянности, подымаетъ глаза... и скрываетъ ихъ на груди своего любезнаго! Это онъ, шопъ самый... жаждущій крови, посланникъ ада, духъ убійства, Гафедъ, чей голосъ потрясаетъ, чей взглядъ смущаетъ неприятели; это ея Гебръ возлюбленной, это Герой, копорый съ шѣхъ поръ, какъ первую улыбкою очаровалъ ея нѣжное сердце, неразлученъ былъ съ мыслями и сновидѣніями Гинды.

Подобно лучамъ солнечнымъ, проникающимъ мгновенно мраки пустыни, во время опусхоженія Симуна, или зеленымъ кушамъ, прозябающимъ на краю огнедышущаго жерма, есть въ жизни минупы, услаждающія и облегчающія удары судьбы жеспокой. Прошедшее... будущее... все то, что опчаяніе можетъ соединить мрачнаго въ воображеніи, даетъ только большую прелестъ симъ минупамъ, къ несчастію всегда короткимъ.

Самъ Гафедъ... для копораго вся надежда исчезла, слава не существуетъ...

счастье изменило, Иранъ, драгоценное опечесиво, превратилось въ спешь, покрывшую шрупами или невольниками, въ обширное кладбище, представляющее взору одни только слезы и оковы . . . самъ опчаянный Гафедъ, споя одной ногою въ могилъ, видя, что вскоръ послѣдній защитникъ опечесива долженъ погибнуть, и за нимъ онъ самъ . . . Гафедъ однакоже, посреди своихъ несчастій и страшной судьбины, ему грозящей, чувствуешь, сколько противоположность горести возвышаетъ его мгновенное счастье. Невинныя ласки Гинды . . . милый взглядъ, волнующій душу воспоргами неизъяснимыми . . . взглядъ, копорый говоришь, что онъ любимъ . . . и любимъ нѣжно . . . нѣшь, онъ никогда не бывалъ столько счастливъ! Какъ сладка намъ послѣдняя капля счастья, блестящая на краю чаши горестей! И кпо усомнишься приблизить къ ней уста, хотя бы смерть гопова была поразить насъ!

Гинда, также какъ и онъ, почерпая спокойствие во взорахъ, полныхъ любви, забываетъ всѣ свои страхи, всѣ несчастія, или покрайней мѣрѣ чувствуешь ихъ

неболѣ пого несчастнаго, который улыбаеяся во снѣ опъ обманчивой мечпы, и наслаждается призракомъ счастья, испуская вздохи.

Величественныя развалины на горной вершинѣ, гдѣ были Гинда съ Гафедомъ, открыты къ морю. Челноки, удержанныя у береговъ непоудою, браздили волны, лепя на парусахъ, еще смоченныхъ дождемъ и надуваемыхъ вечернимъ вѣтромъ. Такъ орлы, послѣ бури, ширяютъ крыльями своими къ солнцу.

Свѣшло дневное спустилось уже за холмы Лара; но свѣшлыя облака блиспали еще оспашками величія; какъ будто солнце въ утѣшеніе своего отсутствія оставило на небѣ лучезарное свое покрывало. Карпина, достойная двухъ любовниковъ! Подъ ногами ихъ криспальныя волны успупали однѣ другимъ съ легкимъ колебаньемъ; небо озаряло сверху... сердца ихъ въ восторгѣ раздѣляютъ движеніе волнъ, и блещутъ радостію, подобно небу.

Но, увы, непродолжилелень былъ сонъ сей... Гинда, воспоминаешъ свои спрахи... Ночь, убійственная ночь, быспро

какъ ядовитыя испаренія сѣрнаго озера. Для чего корабли наши встрѣпились во время бури?... Когда узналъ я, какую пльнницу посылаешь мнѣ рокъ, я взглянулъ только однажды на тебя блѣдную и безчувственную — и поклялся не видѣшь болѣе никогда предмета любви моей, возвышающаго мою душу; клялся не показываться и невидимо пещись о тебѣ въ сіи часы превоги. За чѣмъ же нарушилъ клятву? За чѣмъ уступилъ желанію видѣшь тебя?... Но успокойся: шумъ, слышимый побою, происходитъ отъ водопадовъ, низвергающихся въ пропасть. Не бойся: въ этихъ мѣстахъ мы опдѣлены отъ цѣлаго свѣта; для насъ нѣтъ теперь ни надежды, ни страха; мы живемъ здѣсь, какъ обитатели гробницъ въ мрачной безопасности. Пусть небо и самый адъ соединятся, и всѣ усилія ихъ одолѣшь сіи священными скалами, останутся щещны... не спрашись... я самъ, въ ночь сію, вмѣстѣ со звѣздами, окружающими пресоль Солнца, спану бдѣшь надъ побою; а завтра, прежде, нежели взойдетъ заря, я отправлю тебя къ отцу швоему...“

„Завтра, нѣтъ... восклицаетъ юная дѣва, ты не увидишь завпрешней зари; солнце освѣтитъ окровавленные уже башни сіи, ежели мы не убѣжимъ сей же часъ опсюду! Тебѣ измѣнили!... Одинъ изъ воиновъ твоихъ, которому извѣспень проходъ чрезъ пропасть, предалъ тебѣ мщенію моего отца! Такъ, не сомнѣвайся; клянусь тебѣ звѣздами, которыя надъ нами сіяютъ... онъ сего дня упрямъ все рассказалъ мнѣ, и съ улыбкою злобной радости, съ поржеспвующимъ видомъ, онъ топталъ землю, какъ бы уже попирая пивой прудъ бездыханный. Боже великій, какъ мало знала я тогда, что жертва его былъ мой герой возлюбленный!... Бѣги... пошли спражей къ пропасти... клянусь всѣми небесными надеждами моими, что я говорю правду!

Не сполько жестоко сѣверный вѣспрь, который единымъ дуновеніемъ, оковываетъ рѣзвья спруи, журчавшія при лучахъ солнечныхъ, сколь жестока печаль для сердца, измѣною пораженнаго! Гафедъ, въ опчаяніи, остаеця недвижимъ и безгласенъ, будшо слышанное имъ оледенило те-

кущую въ жилахъ кровь; или, какъ очарованный мгновенно, онъ подобился одному изъ мраморныхъ обипашелей молчаливыхъ палашъ Исмоніи (1).

Но вскорѣ первое движеніе опчаяніа миновалось; великая его душа принимаетъ снова силу, и блещетъ на челѣ также, какъ и прежде, во дни счастья и славы. Онъ обращаетъ къ небу взоры, ясные и рѣшишельные: все конечно, послѣдній часъ его насталъ. Жизнь его пронеслась подобно молніи предшествующей поражению въ день бури; однакоже погибель его оставивъ за собою спезю свѣта лучезарнаго и продолжительнаго. Опважныя души временъ грядущихъ и несчастливья, почляпъ его, и водимы симъ свѣтомъ славы, въ ночи рабства, вѣрнѣе управятъ испишельною рукою. Гора сія, памятникъ величеспвенный, будетъ живою повѣстію для вѣковъ будущихъ о подвигахъ

---

(1) Въ книгѣ: *изображеніе Востока*, Перри, есть описаніе Исмоніи, города, будшобы превращеннаго въ камень, въ верхнемъ Египтѣ, въ коемъ находяшъ еще окаменѣлыхъ людей.

Гафедъ; пѣснопѣвцы и герои пайно придуть къ ней и приведши дѣтей своихъ на мѣсто гибели Гафедовой заспавають поклясься разрушеннымъ храмомъ вѣры предковъ не прощать никогда врагамъ, коихъ цѣпи оставили на чель Ирана пашна, долженствующія бысть смышы полько кровію.

Таковы величественныя мысли, выражаемая свѣплымъ лицомъ Гафедовымъ. Онъ подобился мужу, съ благородною гордоспїю взирающему на мученическій вѣнецъ, ему готовимый. Гафедъ, съ пѣтми же чувствованіями, смотришь на смерпный одръ свой, на косперъ, сложенный вблизи олшаря имъ самимъ и сподвижниками изъ деревъ благовонныхъ и долженствующій приняшь въ нѣдра свои малое число храбрыхъ, поклявшихся погибнуть на мѣспѣ семь, если всякая надежда поперяна будешъ. Эпо пламянное ложе, долженствующее освободить ихъ отъ оковъ и спыда, также для нихъ пріятно, какъ и колыбель, на которой успокоился юный Пророкъ ихъ, когда небо перемѣнило въ розы

раскаленные угли и упушило огонь, коему онъ обреченъ былъ въ жерцву (1).

Гинда съ беспокойствомъ слѣдуетъ за быспрыми взорами Гафедъ... И для чего взоры сіи блещутъ?... Какая мысль его занимаесть?... Какое его намѣреніе и надежды?... Для чего такъ долго медлишь онъ, когда каждая минуша приближаесть опасносшь? „Гафедъ, возлюбленный, восклицаесть она, бросаясь къ его ногамъ, если швоя душа чувспвуетъ хошя половину шой любви, кошорю ты мнѣ клялся, заклиная себя эшою любовью спасаешься сію же минушу; умоляю шебя на колѣняхъ, преклоняемыхъ мною только предъ Богомъ! Бѣги, пока непріятели швои еще далеко! Поспѣши... корабль, меня привезшій, можетъ спасти обоихъ насъ... Оправимся къ востоку... къ западу... все равно... лишь бы ты жилъ и я была съ тобою... Сокроемся шуда, куда ты хо-

(1) Гебры говорятъ: когда Авраамъ, ихъ великій Пророкъ, былъ брошенъ въ горящую печь, по повеленію Немврода, шопламя перемѣнилось въ розы, на коихъ младенецъ уснулъ спокойно.

ченъ до шѣхъ поръ, пока моя рука будетъ съ швоею, доколѣ улыбка швоя будетъ радовать меня въ счастьи или несчастьи. Цѣлый свѣтъ для насъ будетъ убѣжищемъ любви. Мы будемъ обинать на какомъ нибудь счастливомъ берегу, гдѣ пылкая любовь наша не будетъ пресупленіемъ, гдѣ любовь моя къ Гафеду не будетъ виновна предъ небомъ... гдѣ мы возможемъ загладишь вину нашу слезами. ... День и ночь будемъ преклоняшь колѣна... шы предъ олпаремъ Аллы, а я предъ шѣмъ богомъ, кошораго познавашъ меня научишь!"

Она произносишь слова сіи со всѣмъ испупленіемъ спраши, опускаешъ голову, плачешъ опъ спыда; вози ея кажущя послѣдними въ жизни, и Гафедъ... Не обвиняйше его, если онъ, нѣжный, и юный забываетъ на одно мгновение гордость свою, славу, клшвы, друзей, огонь священнй, даже опечешво, для шой, копорая у ногъ его гошова испушишь дыханіе въ мученіяхъ опчаянной горешпи! Не осуждайше его за шо, что лучъ надежды освѣщаетъ еще его сердце и показываешъ

вдали чистыя радости, о коихъ умоляетъ его споль доспойная раздѣлять ихъ. Слезы, блеснувшія на рѣсницахъ, когда онъ наклонился для подѣляющаго умоляющей Гинды, напоминающаго ему о слабости, зашмигнувшей душу: онъ содрагаешся — и опираешся слезы сіи, недоспойныя его величія. Такъ почно воинъ, въ упру брани опрѣхаетъ росу, приспавшую ночью къ саблѣ, но не запускнившую ея блеска. —

Однакоже, хопя и преодолѣвъ онъ слабость свою: но взгляды и звукъ голоса выражали сполько кропости, что Гинда думала видѣть его согласіе къ побѣгу; льстивалась, что душа героя, спольже нѣжна, какъ ея, и улыбулась къ нему съ признательностію, когда онъ произнесъ сіи слова: „Такъ, Гинда, ежели существуешъ счастливая страна, въ которой любовь наша будешъ угодна Богу, ежели еспь мирный пріюпъ для тѣхъ, которые должны любить другъ друга вѣчно... шо утѣшся... мы свидимся въ сихъ странахъ благословенныхъ.

Еще сердце ея не имѣло времени повѣшъ настоящаго значенія словъ сихъ,

уже нешерпѣливый юноша лепитъ на башню, въ коей висѣла огромная морская раковина, шрубить въ нее, и спрашные звуки подобяшся голосу духа, призывающаго бурю. Знакъ сей извѣстенъ его товарищамъ, вѣрнымъ въ жизни и въ смерти; это знакъ сбора, возвѣщающій, что надежда исчезла, и часъ гибели ихъ наступаетъ. Издавна роковая раковина висѣла на стѣнахъ башни въ готовности звучать надгробную пѣснь послѣднимъ защитникамъ свободы (1).

Они собираются окрестъ своего начальника... Какъ мало число ихъ!... Это остатки многочисленнаго войска, нѣкогда въ торжесствѣ выступавшаго въ долинахъ Керманскихъ, при звукахъ зелей и шимбаловъ: тогда каждый солнечный лучъ, отражавшійся отъ блестящихъ копій, былъ для нихъ лучемъ надежды, тогда каж-

(1) Раковина, называемая *Сіанкосъ*, очень обыкновенна въ Индіи, Африкѣ и около Средиземнаго моря. Звукъ сей раковины слышатъ издали и обыкновенно употребляется для притога или другихъ знаковъ.

дый военачальникъ, развѣзжая на конѣ съ развѣвающимся прошибу въпра буйволовыми хвостами (1), какъ бы съ расироспершими крыльями, уподоблялся полубогу. Сколь они нынѣ измѣнились! Блѣдность покрываетъ чела ихъ, обезображенныя ранами. Пламя жерпвенника, изливаетъ на нихъ свѣтъ могильный... Они приближаются къ нему и зажигаютъ пламенники. Молчаніе царствуетъ; вождь назначаетъ каждому должность, и взоры подчиненныхъ ему изъявляютъ гошовность на все опважисься.

Но время лепить... Звѣзды украшаютъ лазурныя небеса. Вскорѣ небесныя созвѣздія, созерцающія землю съ высоты Эмпирея, вскорѣ вы будете свидѣтелями позорища, которое зашипитъ вашъ блескъ неисчислимымъ!

Трепеща отъ страха, непрерывна и надежды, Гинда видитъ воиновъ Гафедовыхъ, пригошовляющихъ въ молчаніи но-

(1) Наилучшее украшеніе лошадей состоить изъ шеспи прядей бѣлыхъ волосъ, вырванныхъ изъ буйволовыхъ хвостовъ, кои махоташся во многихъ обласпяхъ Индіи.

силки; и наконецъ полагающихъ оныя къ ногамъ ея. Гафедъ самъ оповодитъ ее съ нѣжною заботою и жметъ ея дрожащую руку съ выраженіемъ нѣмой горести, сопровождающей вѣчную разлуку, послѣ которой любящія сердца не знаютъ уже болѣе счастья. Сія печальная ласка еще дастъ ей надежду... и можетъ ли не обмануться пылкая любовь? Она думаетъ; что это пожаліе выражаетъ восторги безмолвной радости и предвѣщаетъ общій побѣдъ; словомъ, она мыслитъ о любви, о довѣренности, обо всемъ, кромѣ разлуки.

„Поспѣшимъ, говоритъ она: небо шепчетъ, но мы достигнемъ еще до корабля, и завтра, при появленіи зари... о сладость... плывя съ тобою по водамъ, я буду воспоминашь о семь часѣхъ, какъ о спрашномъ сновидѣніи, и мы... но что... ты мнѣ не отвѣчаешь?... Одной ли мнѣ бѣжать должно?“ Уже вступила она въ шлюзу мрачной проходы, въ кошоромъ за нѣсколько часовъ голосъ Гафедъ, подобный голосу ангела Исрафиля (1), за-

(1) Ангель Исрафиля, одаренный, по ихъ мнѣ-

спавляющаго пѣснями своими нѣжно прешашь листки рощей Эдемскихъ, голосъ Гафедѣ успокоилъ ея страхи и горести... Но ахъ, шеверь его нѣшь съ нею: ищепно осматриваешся она боязливо и восклицаетъ: „Гафедъ, мой любезный! Ежели у часпъ, ежели намѣреніе твое непремѣны, если ты хочешь погибнуть въ ночь сію; позволь мнѣ осмашься и умереть съ тобою: тогда, до послѣдняго часа, съ благодарностию буду благословлять имя твое! Позволь устамъ нашимъ соединить послѣдніе вздохи наши, и тогда я перенесу тысячу смертей!... И вы жестокіе, удаляющіе меня отъ него, остановитесь на минуту... онъ, можетъ быть, придетъ... и уступитъ моимъ моленіямъ!... Гафедъ, любезный Гафедъ!“... Напрасно выражаетъ она нѣжныя свои жалобы, смягчившія бы камни; ищепно проситъ она Гафедѣ у смущеннаго Эха... Гафедъ не появляется. Несчастливая чета!... Вы простились другъ съ другомъ на вѣки... Какъ выдержали это сердца ваши!... Меч-

нію, голосомъ, нѣжвѣйшимъ всѣхъ швореній Божескихъ.

тты ваши исчезли... участь рѣшена... вы не увидишь въ жизни!

Но ахъ, пожалѣемъ о Героѣ, которой слышишь жалобы юной дѣвы Темена! Онъ останавливается посреди горной пропастей и слѣдуетъ унылымъ взоромъ за печальнымъ свѣтомъ пламенниковъ, освѣщающихъ путь невозвратный его возлюбленной. Онъ неуспѣшимъ, подобно шѣмъ, кои посреди океана вѣтряють пѣнящимся волнамъ останки любезнаго предмета; протершись на помостъ, они не могутъ оплечь взоромъ своихъ ошь гроба, освѣщаемого луною.

Но что слышишь, онъ?... Спрашные вопли несутся со стороны земли, какъ будишь шѣмы духовъ, обитавшихъ во мракахъ пропастей, голы и дивы и всѣ чудовища ада вдругъ забывали.

„Они здѣсь, восклицаетъ Гафедъ, и восторгъ души блещетъ во взорахъ: Музульмане здѣсь, продолжаютъ онъ; возрадуйтесь, души ошважныхъ, свободныя ошь узъ земныхъ и обитавшія между звѣздами, возрадуйтесь! Души, васъ доснолжия,

спремятся уже къ соединенію съ вашими
ликами небесными. “

Онъ рекъ и, подобно юному супругу,
спремящемуся къ своей подругѣ, онъ воз-
вращающагося назадъ къ жершвеннику огня.
Сподвижники окружающъ его, и мгновенно,
какъ бы влеченіемъ невольнымъ, ис-
торгающъ мечи на слышимые вопли . . .
они усиливаящяся . . . опзывы пропасти
несущъ ихъ далѣе и далѣе. Кто усомни-
ся въ негодованіи воиновъ, окружающихъ
военачальника, съ успремленными на не-
го взорами, съ мечами въ рукахъ, и какъ
бы вопрошающихъ: должно ли имъ здѣсь
ожидать непріятели? Гафедъ угадыва-
ешь ихъ мысли — они его собственныя
. . . и говорятъ: „не ужели мы съ оружи-
емъ въ рукахъ умремъ не защищаясь? Ум-
ремъ одинъ, не принеся жершвъ мщенію
нашему, не попопивъ цѣней нашихъ въ
крови Музульманской? Нѣтъ, Солнце пала-
ющаго неба Персїи, презришь столь мало-
славное принощеніе. . . И если мы лишены
уже всякой земной надежды, намъ оста-
ются еще: жизнь, мечи и мщеніе! Пустьъ
кровавыя вершины пропасти останутся

предметомъ удивленія для свѣта; пустьъ воспрепещуть шираны, когда рабы ихъ напоминашь имъ о послѣднемъ убѣжищѣ Гебровъ! За мною души великія!... Косперъ сей всегда готовъ избавишь насъ отъ жизни и оковъ: но смертный одръ для надшихъ священіе на шлахъ воиновъ Магомцовыхъ.“

Они устремляются со скалы на скалу, оживаясь духомъ выше человѣческимъ; шержествующій непріятель задержанъ темнымъ проходомъ, и медленно подвигается при свѣтѣ своихъ пламенниковъ, подобно спращиному змью. Голкондскому, (т) влекущемуся ночью подолнѣ и оспавляющему за собою черпу блѣднаго мерцающаго. Гебры не имѣють нужды въ свѣтѣ... сшези имъ извѣсны... Они такъ часно проходили ими между логовищами дикихъ звѣрей, чно шигры и леопарды пропускали ихъ свободно, какъ швореній, себѣ подобныѣ и спюлько же люшыхъ.

Музульмане еще не достигли шой части пропасти, гдѣ малое число Гебровъ

(т) Смешри Истерію Синбада и замѣчанія Поля.

можешь остановить ихъ. Водопады, усиленные упреющею бурей, наполнили шамъ водою рвы и рышвины; острые скалы, съ обѣихъ сторонъ узкой прощелки, кажутся, угрожающе паденіемъ, защищая тѣсный проходъ на гору. Здѣсь-то послѣдніе испителли Ирана ожидаютъ воиновъ Эмировыхъ, и вниманіе ихъ столь велико, что они не слышатъ надъ собою шрепеша крыльевъ хищнаго коршуна.

Музульмане приближаются... Камень, брошенный Гафедомъ въ воду, подаетъ знакъ сраженія. „Пойдемъ, Гебры, пойдемъ, вѣщающъ Гафедъ, и если мечи не прашутились еще въ рукахъ нашихъ, пусть помогутъ они въ послѣдній разъ мщанію нашему!“... Несчастные Музульманъ, идущихъ передовыми!... они приходятъ... вспрѣчаютъ убійственное желѣзо и свергаются, издыхая, въ окровавленные волны. Другіе вскорѣ послѣдуютъ за ними къ пропасти. Воины Гафедовы утомлены убійствомъ; занекшаяся только кровь удерживаетъ сабли въ рукахъ ихъ. Никогда спутники тирановъ не получали подобной помощи; никогда свобода не была

чествуема спрашивѣннми возліаннми. Пропасть представляеть ужасное позорище, при свѣтѣ полуугасшихъ пламениковъ, изливающихъ слабое мерцаніе посреди волнъ багровыхъ! Тамъ видны головы, чалмы обозженные, препещущіе члены, мечи, испоргнушыя изъ рукъ опсѣченныя. Тѣла и свѣшльники валяшея въ глубину пропасти; раненыя умирають посреди волнъ и пламени; живые увлекаются мертвыми и поглощаются волнами.

Но вопице тысячи Музульманъ умирають отъ мечей Гебровъ; другія тысячи ихъ замѣляютъ. Безчисленны, подобно насѣкомымъ Сѣвера, тучами летящамъ на огонь, заженный, во время ночи, они гибнутъ шьмами и наконецъ подавляютъ пламень. Вскорѣ нрупы заваливають бездны; мертвые и умирающіе заравнивають пропасть, и спешють пагубный мостъ, до которому счастливейшіе первыхъ стремятся къ опущенію. Какая шенерь надежда ваша, Гебры злополучныя? . . . Кровавая жертва, принесенная вами отвечеству, дымншя въ глазахъ раздраженныхъ враговъ . . . Они знаютъ, сколь

страшны мечи въ рукахъ вашихъ... и кипящъ яростию, видя, сколь вы малочисленны! Упѣсненныя наконецъ множествомъ, одни изъ воиновъ Гафедовыхъ умирають съ оружіемъ въ рукахъ, другіе сражаются около своего вождя, которой, лицомъ къ непріятелю, опшсупаетъ къ храму, проливая за собою рѣки крови. Какъ будще левъ, застигнушій въ своемъ верлепѣ разлившимися волнами Иордана и бьющійся долго противу увлекающаго теченія, Гафедъ уступаетъ мѣсто, шагъ за шагомъ, и, ужасный даже въ опшсупленіи, еще осцановляетъ непріятеля и судьбу свою. —

Вдругъ Музульмане теряють его изъ виду и заблуждаются въ своемъ преслѣдованіи. Добыча ихъ ускользнула... они оспались безъ вожакаго... Свѣщильники угасли, или слишкомъ далеко... Оборонны лужи и водопады запрудняютъ имъ путь... Они подвигаются на удачу и въ ожеспоченіи своемъ проклинають пламенники, такъ худо имъ свѣщящіе. „Для чего, восклицають они, не имѣемъ мы псовъ, ошкрывши хъ бы намъ слѣды ихъ!“ Но

желаніе ихъ шире . . . они заблуждаются и свирѣпѣють болѣе и болѣе. Обманутые пламяемъ сопокъ огнедышущихъ, свергаются они въ пропасти и гибнутъ тамъ, вѣпясь въ ладени за острые камни утесовъ, оспаются пакъ живыми жертвами коршунѣвъ, налетающихъ на вопли, крикъ дождь сползуть горы. —

Гафедъ слышитъ вопли сіи. Они любезны ему, и мщеніе его наслаждается всею тѣснѣю смерти. Онъ дежитъ, проспертый на краю утеса; опрачная сабля дымитъ подлѣ боку; онъ свершилъ подвигъ жизни, удовлетворилъ родную землю кровью, за нее пролившую; онъ господъ умереть; но вдругъ свѣтлая мысль возсіяла въ его сердцѣ и освѣтила мраки горести. Эту мысль о той, кощорую любилъ онъ, и кощорая появлялась ему при знхожденіи жизни, какъ лучезарная звезда, посреди тѣмныхъ вѣщаній, куда погружены всѣ его надежды. Ни когда образъ Гинды не представлялся ему сіель прелестнымъ; ему кажется, что любовь ихъ очистилась, никакихъ уже об-

лако не зашнѣваетъ сего блестящаго образа; какъ будто онъ получалъ новыя краски въ новомъ мірѣ; будто бы Гафедъ видѣлъ возлюбленную свою при сіяніи свѣта незаходимаго, начинающаго уже озарять его великую душу.

Онъ слышитъ подлѣ себя голосъ... голосъ друга-единственнаго, который еще пережилъ страшные часы ночнаго сраженія.

«Должно ли, вѣщаетъ сей, о другъ мой, о мой вождь, здѣсь умирать намъ? Враги наши близки; но еще ближе жерновники!» Эти слова возбуждаютъ силы Гафедовы. Какъ, восклицаетъ онъ, мы еще не избѣгли злодѣевъ!... И мысль сія окрыляетъ его умирающаго... онъ подымается окровавленнымъ, беретъ руку слабющаго друга; и съ трудомъ мечется къ косиру. Великій Боже! Ты слышишь ихъ объемы, подаждь имъ силы шуда достигнуть; они взбираются на скалу, пошли имъ твою помощь!... Кровавые слѣды остаются за ними; они колеблются; наконецъ сабля Гафедова, послѣдняя подпора, намѣняется ему и преломляется!... Поспѣши-

ше... поенѣшите, друзья! Кляки враговъ
вашихъ возвѣщаютъ ихъ приближеніе...
еще одно усиліе... и, благодареніе небу,
они уже на вершинѣ... близко храма.
Гафедъ видитъ уже священный огонь; но
увы... истощенный другъ его падаетъ
на ступеняхъ олшара — и умираетъ.
„Нѣтъ, восклицаетъ герой, не повущу шѣ-
ду швоему бышь попрану ногами, и сдѣ-
лашься мѣшою копій и стрѣлъ вражескихъ!
Нѣтъ, клянусь священнымъ пламенемъ!...“
И, оживляясь силою сверхъестественною,
онъ схватываетъ хладѣющими руками
бездушное шѣло, полагаетъ его на костеръ
и восплаляетъ оный. Пламя шпелется и
далеко свѣситъ въ море Оманово.

„Боже свободы! Я шпремлюсь въ объ-
шшія швои“ произноситъ Гафедъ и съ си-
ми словами, шоржественно улыбался, бро-
сается въ огонь подлѣ своего друга. Это
усиліе кончаетъ угасающую жизнь: онъ
испускаетъ духъ свой прежде, нежели пла-
мя объяло его останки.

Но вдругъ опчаянный толсъ несется
въ моря Оманова. На корабль, везущемъ
дѣлу Іемена, увидѣли возносящееся къ не-

бу пламя. Ахъ, для чего Гинда еще не далеко? . . . Она вѣрена немногимъ заслуженнымъ воинамъ, которымъ Гафедъ не хотѣлъ отккрыть будущей своей судьбины; онъ надѣялся, что возвращеніе Гинды опцу ея будетъ залогомъ ихъ помилованія, и они, не вѣдая замысловъ Гафедовыхъ, уже гордились столь драгоценнымъ залогомъ, вѣреннымъ ихъ усердію, какъ вдругъ знакъ бѣды, донесенный къ нимъ обзывомъ, поражаетъ ихъ, едва преплывшихъ волны кипящія при входахъ въ горные вершины. При семъ знакомомъ звукѣ, оставляютъ они весла свои висащими по боку судна, отдаются на произволь печенія, и устремляютъ взоры въ безмолвномъ ожиданіи на гору, на которой уединенное пламя жершвенника свѣшится и шрепещетъ.

О Гинда! Напрасно воображеніе призоветъ всѣ краски на помощь для изображенія горести швоей; въ сіи часы ужаса! Только тѣ, кои испытали подобное швоему опчаянію, могутъ описать его; но кто же испыталъ шакое? Это не шо ужасное положеніе души; упомянутой го-

женіями рока, кошпая спрашнпся всего; шогда какъ нечего уже спрашнпся, и хопя надежда нзчезла, но шнвъ ея гнѣздится въ разшерзанномъ сердцѣ. Ннпъ...сей несчастпный можеть пошерпшь свои радосши, надежды и блага и сноснть еще жнзнь, подобно живопнымъ, копхъ находящъ живыми въ ушесахъ шогда, какъ все окрестъ ннхъ умерло и окаменѣло... Въ семъ положеніи естъ родъ покоя мрачнаго, шнвшны угрюмой, кошпые кажущся счастливымъ послѣ злополучій, шерзавшнхъ душу, послѣ движеній ужаса и смершельныхъ ударовъ рока, опъ копхъ сердце нзбавляешся не нначе, какъ разрываешся на часпш.

Море спокойно, и воды его опражающъ блескъ сіяющнхъ звѣздъ на шверди лазурной. Было время, когда юная Аравнщянка, сполько шеперь несчастпная, въ шомной задумчнвостп любила созерцатъ опшблескн звѣздъ на зеркалѣ водномъ; для ея счастья довольно было сего удовольствія и чувствованія развершывающагося бышія, волнующаго юное сердце.

Сколь различны чувствованія сіи нынѣ

нѣ! .. Но крикъ убійствъ раздается еще разъ! Напрасно храбрые воины Гафедовы поднимаются на помостъ судна; напрасно извлекаюшь они сабли свои... Напрасно .. они могутъ отдать ихъ ржавчинѣ на свиданіе... Тотъ, чей знакъ возвѣщаетъ смерть, долженъ самъ погибнуть въ эту ночь. Такъ, усpreмляйте взгляды на черныя башни; шцишесь угадашь, для чего звуки сраженій раздаются въ сіи часы ночи. Вамъ можеть сказать объ этомъ шолько ша, которая шеперь васъ болѣе не занимаетъ и, блѣдная, шрепецующая, шпойшь, склонясь челомъ на мачшу... Спросите ее... она знаетъ, что шопъ, кого она любитъ болѣе жизни, долженъ погибнуть въ бою кроволишномъ.

Но кто сей воинъ, взбирающійся на ушесы? ... Въ рукахъ его пламенникъ!... Что хочеть онъ дѣлать? ... Взоры всѣхъ обращены ко храму... И шы, Гинда... шы обращаетъ послѣдніе швомъ взгляды... Нѣскольکو мгновеній... и косперъ, возгораясь, далеко разливаеть печальный свѣшъ своего пламени... Тогда Гафедъ появ-

ляется какъ призракъ, какъ духъ огня
посреди своей стихіи. —

„Эпо онъ, возопила препещущая дѣ-
ва . . . но онъ уже исчезъ — и погребаль-
ное пламя вознеслось къ небу . . . исчезъ
— и съ нимъ погибли надежды Гинды и
Ирана.

Опчаянное сшenanіе вырывается изъ
ея смѣсненной груди; она пропягиваетъ
руки свои къ коспру, ошъ коего не мо-
жешъ опшвеспи гаснущихъ взоровъ . . . и
свергаешся въ море . . .

Н. Бестужевъ.

ОБЪ УПРАЖНЕНІЯХЪ ВЪ СОЧИНЕНІИ.

(Изъ Квинтилиана.)

Должно писать, сколько можно, больше и рачительнѣе. Какъ земля, чѣмъ глубже вспахивается, тѣмъ способнѣе дѣлается къ произращенію и пипанію распе- ній: такъ почво долговременнѣйшее упраж- неніе обильнѣйшіе и вѣрнѣйшіе прино- ситъ плоды. Безъ упражненія самая спо- собность — говорить безъ пригошвленія — будетъ пустымъ болтаньемъ, пусты- ми словами. Размышленіе даетъ прочную основу сочиненію: въ размышленіи, какъ бы въ нѣкоей сокровищницѣ, почерпаются вѣрные запасы на непредвидѣнные случаи.

Вступая въ состязаніе, сперва собе- ремся съ силами, измѣримъ, доспанемъ ли ихъ. Сама природа ничего великаго скоро не производитъ; всякое превосход-

ное ея швореніе ознаменовано трудомъ и усиліемъ.

Начинайте писать не скоро, но щипательно; не все ловить, что на глаза попадаетея, надобно искать лучшаго. Изобрѣшенное вами обдумайте, а обдуманное разполагайте въ надлежащемъ порядкѣ. Впрочемъ, какъ въ словахъ, такъ и въ мысляхъ должно дѣлать выборъ, взвѣшивая силу каждаго слова и каждой мысли. Потомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на разположеніе словъ, наблюдая въ составленіи оныхъ благозвучіе: не всякое слово, какъ ни попало, спавить въ рѣчи.— Для сего надлежитъ чаще перечитывать предыдущее; ибо кромѣ того, что чрезъ сіе самое послѣдующее легче и лучше соединяется съ предыдущимъ — самый жаръ мыслей, охлаждаемый медленностію писанія, снова воспламеняется.— Впрочемъ, если подуешь благопріятный вѣтръ — разпускайте паруса; только берегитесь, чтобы порывы сіи не ввели васъ въ заблужденіе. Всѣ мысли наши, въ минувшіе ихъ рожденія, намъ нравятся; иначе мы не повѣряли бы оныхъ бумагѣ.

*

Но возвратимся къ изслѣдованію нашему и рассмотримъ подозрительную легкость въ слогѣ. Такъ, говорятъ, писалъ Саллустій; употребленный имъ прудъ видѣнь въ самомъ его твореніи: Варъ свидѣтельствуетъ намъ, что Virgilій въ день весьма немного сочинялъ стиховъ. Но оратору совсѣмъ другое предлежитъ условіе. — Медленность и тщательность въ сочиненіи особенно требуется отъ начинающихъ писать. — Сначала должно положить для себя правиломъ: стараться, какъ можно лучше, писать; а привычка родитъ скорость. Мало по малу мысли намъ спануть легче представляясь; слова будутъ соотвѣтствовать мыслямъ, а сочиненіе само собою пойдетъ; наконецъ въ сочиненіи, какъ въ благоустроенномъ семействѣ, все будетъ въ порядкѣ и повиновеніи. Главное дѣло состоитъ въ томъ, что, писавши скоро, никогда не научишься хорошо писать; а писавши хорошо, можно пріучиться писать скоро.

Есть люди ничѣмъ не довольные; все хопятъ по своему перемѣнять, иначе написать, нежели какъ написали. Нѣкто-

рыс, будучи сами къ себѣ недоувѣрчивы и не умѣя пользоваться своими дарованіями, сами себя запрудняютъ излишнею рачительностію въ опдѣлкѣ. Мудрено сказать, копорые изъ нихъ погрѣшаютъ: тѣ ли, коимъ все свое нравится, или тѣ, коимъ ничего не нравится. Запрудняющійся опдѣлкою нѣкопорыхъ часпей рѣчи и на по все время, весь трудъ упопребляющій, можетъ ли удовлетворить важнымъ обязанностямъ гражданина? Нерѣдко и оспроумные юноши опъ чрезмѣрной охоты къ краснорѣчію изнуряютъ себя трудомъ.

Надобно спараться какъ можно лучше писать; однакожъ должно писать по способности. Для успѣховъ нужна склонность и охота, а не чрезмѣрное усиліе.

Для приобрѣпенія легкости и готовности въ сочиненіи пребуется не одно упражненіе, копорое, безъ сомнѣнія, необходимо, но еще и то, чшобы мы, приступая къ сочиненію, въ безопасности и лѣни не ожидали наипія опъ пополка, не разсѣвали мыслей шумомъ, а разсмапривали бы въ чемъ состоятъ дѣло, что

прилично лицу и каковы обстоятельствова. Тогда сама природа укажетъ намъ, съ чего начать, гдѣ и чѣмъ кончить; ибо большая часть предметовъ, о коихъ мы должны писать, уже извѣсны и сами собой бросаются въ глаза, если только мы не будемъ смотрѣть на нихъ сквозь пальцы. Когда непросвѣщенные и неученые долго не думаютъ, съ чего имъ начинать; но тѣмъ спыднѣе, когда мы съ наукою придемъ въ затрудненіе. — Не всегда то лучшее, что отъ насъ скрыто; иначе не о чемъ писать, если мы будемъ стараться писать о неизвѣстномъ.

Противоположный сему порокъ находится въ тѣхъ, кои пишутъ не обдумавши, касающа слегда своего предмета и, слѣдуя токмо разгоряченному воображенію, пишутъ все, что ни придетъ имъ на разумъ; потомъ ужь примупся написанное ими марасть и перемарывать. Но они переспавляютъ только одни слова, округляя періоды; а мысли все остаются также необдуманными, какъ омѣ сперва вымелись на бумагу. — Лучше сперва

обдумывать — и такъ дѣлать, чтобы послѣ не передѣлывать. — Иногда можно слѣдовать порыву чувствъ; жаръ мыслей превосходнѣе всякой тщательности, и выисканности.

Никто спорить не станетъ, что уединеніе и тишина весьма много благоприятствуютъ писателю; однако нельзя совершенно согласиться съ тѣми, кои думаютъ, что для сего весьма способны лѣса и рощи; что вольный воздухъ и пріятность мѣста могутъ возвысить нашъ духъ и вдохнуть въ насъ счастливыя мысли. Но убѣжища сіи кажутся мнѣ болѣе пріятными для насъ самихъ, нежели благоприятными для нашихъ упражненій; ибо то, что доставляетъ намъ удовольствіе, отвлекаетъ насъ отъ предпринимаго дѣла. Умъ нашъ не можетъ въ одно время совершенно занять бытъ многими предметами; какъ скоро обратится на что либо поспороннее, потчасъ попережетъ изъ виду главный предметъ. Наше вниманіе развлекается пріятностью дубравъ, журчаніемъ ручьевъ, шопшомъ вѣтра въ листьяхъ древесныхъ, пѣніемъ

птиць и самымъ пространствомъ небесъ; и, какъ мнѣ кажется, прелестныя сіи предметы болѣе ослабляютъ, нежели возбуждаютъ наше вниманіе.

Демосѣенъ предпочлиительно уклонялся въ такое мѣсто, откуда ничего нельзя было ни слышать, ни видѣть; тамъ его ничто не развлекало. — Трудящемуся также благопріятствуетъ ночь; ибо въ ея безмолвіи при свѣтѣ лампы, въ заперенной хранилѣ, нашъ разумъ устремляется на одинъ предметъ. Но какъ для всякаго рода занятій, такъ для эшаго особливо рода, требуется хорошее здоровье и умѣренность, которая наиболее поддерживается оное: по чловѣку слабого сложенія не должно употреблять на столь изнурительныя труды времени, даннаго намъ природою для спокойствія и отдыха. На подобное занятіе надлежитъ не болѣе удѣлять времени, какъ сколько остается намъ его отъ сна. Изнурительный трудъ весьма противоположенъ съ прилѣжаніемъ: пому довольно и дневнаго свѣта, кто можетъ и умѣетъ располагать своимъ временемъ; только

одна необходимостъ заставляеть насъ посвящать ночь трудамъ. Впрочемъ, если мы въ сосшояніи перенеспи: по нѣшъ лучше уединенія, какъ ночью порою.

Хотя болѣе всего надлежитъ намъ искашь пищины, уединенія и свободы духа; однако онѣ не всегда опъ насъ зависяшъ; впрочемъ не должно, при малѣйшемъ безпокойствѣ, топчасъ бросашь дѣла и почиашъ время свое, какъ бы поперянышъ; напрошивъ пого, надобно бороться съ препяпствіями и приучашъ побѣждашь неудобства посредствомъ нѣкотораго усилія. — Если мы успремимъ всѣ свои мысли на одинъ предметъ: то все поражающее нашъ слухъ и зрѣніе не достигнешъ до нашей души. —

И. Снегиревъ.

Ж Е Н И Т Ь Б А.

Кто изъ влюбленныхъ не представлялъ себѣ заранѣе безъ особенныхъ воспоминаній той счастливой минушкы, въ которую, прижимая въ первый разъ супругу, сердцемъ избранную, онъ обрѣшетъ всѣ радости въ ея объятіяхъ? Очаровательное событіе, скрывай всегда, ежели можешь, отъ ненавистныхъ взоровъ ревнивца чувство истинной любви! Пусть одни нѣжные супруги, священными узми связанные, въ мирѣ наслаждаются счастьемъ, имъ уготованнымъ: они его достойны и могутъ имъ пользоваться сегодня, завтра и цѣлую жизнь.

Одинъ строгій моралистъ, желая явно оклеветать всѣхъ людей, привязываетъ

ся къ самолюбію и гордостѣ нѣкопорыхъ, и говоритъ, что есть порядочныя партіи, но нѣтъ наспоющихъ! Онъ весьма ошибается; ибо тѣ супружества, копорыя я зналъ, могли бы его переувѣрить во мнѣніи и служилъ въ свѣтѣ примѣромъ дружбы и согласія: они составились съ помощію спростей благородныхъ; ни самолюбіе, ни гордость не играли при вѣнцѣ ихъ ни какой роли.

Состояніе холоспаго конечно имѣетъ свои пріятности, но и большія невыгоды. Человѣкъ, необязанный семействомъ, копорый посвятилъ всю жизнь свою непрерывнымъ занятіямъ и приноситъ пользу и честь тому званію или службѣ, гдѣ находишься, въ минуны свободныя чувствуешь скуку своего одиночества, тогда какъ ласковый взглядъ супруги или его любимца могъ бы служилъ ему лучшею наградою за труды и поощрять къ большимъ. Онъ лишень прекраснаго преимущества въ жизни, упѣшишься въ спарости дѣльми, копорыя посредствомъ его нравственности и попеченій, приложенныхъ къ ихъ воспитанію сдѣла-

лись бы, подобно ему, полезными своему опечечеству.

Нечему дивиться, что нынѣшнія женишьбы по большой части бывають несчастны, несообразность лѣтъ и соблазнительный интересъ пому причиною. Молодую, любезную и хорошиенькую дѣвушку выдають за дряхлаго и угрюмаго спарика: чтожь выходитъ изъ такаго брака? По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ жена получаетъ отвращеніе къ мужу; онъ въ короткое время надоесть ей своими капризами, ревностію и неушомимыми подозрѣніями; одна боязнь подчиниться навѣкъ его несстерпимымъ дурачествамъ, заставляеть ее нарушить кляпву и сдѣлаться ему невѣрной, тогда, какъ эта же самая женщина была бы, можеть бытъ, украшеніемъ пола и семейства своего; еслибъ ей было позволено избрать мужа по сердцу. О предразсудки, сколько вы могущеспвенны надъ слабостію людей! Ты робщешь, изнеможенный спарець, что спрась супруги твоей къ тебѣ охладѣла, что она выходитъ изъ швоего повиновенія: вини въ томъ лучше свои

лѣта, свое непреборимое упрямство снизить любовь богатствомъ; помолодѣй снова, если это возможно; заплаши пою же чувствительностию за прежнія ласки своею подруги; не отправляй ея юныхъ лѣтъ своимъ докучливымъ самовласіемъ, но самъ старайся предупредить ея желанія и дни твои конечно протекутъ въ дружбѣ, любви и довѣренности.

Эмелію двадцать лѣтъ, онъ любитъ Нину и любимъ ею. Въ его наружности нѣтъ ничего необыкновеннаго; онъ довольно сложенъ, ловокъ безъ принужденія, хорошо воспитанъ, уменъ, состояніе его посредственное, но достаточное. Нина молода, хороша собою, богата и нравственность ея не испорчена. Эмелій сватается, дѣлаетъ предложеніе, ея родители сначала кажутся на это согласными, становящся къ нему внимательнѣе, заочно цѣняятъ его достоинство; но такъ какъ они состоятъ въ одной полкъ чести, благоразуміи и пристойномъ поведеніи жениха, нѣтъ при нихъ большаго прилагательнаго — ему отказываютъ подъ предлогомъ молодости. Эмелій забываетъ Нину,

ищешь себя другую невесту, находишь ее, женился и они оба счастливы. Богатая Нина все еще ждет своей очереди, ей пятнадцатилетний возраст умножен семью другими годами, которые, научивши опытности, похитили кой-что из прелестей красавицы. Представляется степенный пятидесятилетний жених: Нина не узнает в нем своего Эмелия, но сто тысяч дохода ее избирающего рыцаря склоняют наперед родителей, а чрез посредство их и невесту на его сторону. Свадьба отпразднована в столице с большою пышностью; новобрачные появляются в публике; молодые волокиты не спускают глаз с супруги; напрашиваются на знакомство ее мужа; преследуют их всюду утискованьями: старый ревнивец едва не изменяет себя и сухо отвѣчает за ласкашества; их приглашают на балъ—совсѣнно опоздав на первый разъ женъ въ удовольствіи и не уваживъ просьбы хозяина; супругъ за недѣлю швердилъ Нинѣ о неприличіи танцовъ для замужней женщины, о томъ, что желалъ бы и въ обществѣ

быть съ нею неразлученъ; малодушная Нина чужь не плачешь, но въ угодность супругу нехощя даеть слово сидѣшь, поджавши руки. Едва показались они въ залъ, вѣжливая хозяйка подбѣгаеть къ нему первому, подносить карпы; онъ сначала опкланивается, его убѣждають и пропивъ желанія садитсѧ за продолжительный вистъ; хозяинъ береть Нину и сдаеть ее поочереди въ польскомъ; въспревоженный Донкишотъ не обращаеть болѣе вниманія на игру; ищетъ взорами свою Дулцинею и видитъ ее кружащуюся съ молодымъ офицеромъ въ безконечномъ копильонѣ. Досада, гнѣвъ и ревность изображающѧ на лицѣ его; онъ кусаеть губы, морщитсѧ и обнаруживаеть свое нетерпѣннѣе; вистъ и танцы кончены; они ѣдутъ домой; лишъ сѣли въ карету, упреки и выговоры сыплются на вѣроломную. Разбѣшенный супругъ не хочешь слышатъ никакихъ оправданій; жестокая истерика и спазмы начались, всѣ врачебныя средства на свѣтѣ ихъ не излѣчиваютъ, богатая Турецкая шаль съ большимъ трудомъ полагаешь конецъ онымъ. Нѣсколько лѣтъ

пропекли въ безпрестанныхъ ссорахъ: что нравится женѣ, того не хочетъ мужъ; наконецъ, вопреки мнѣній свѣта и всѣхъ убѣжденій родныхъ, они живутъ розно.

Вы, которые желаете обрѣсти счастье въ женитьбѣ, не ищите супруги въ блестящихъ обществахъ, гдѣ представляюща вашимъ взорамъ одни заимствованныя дарованія и часто дурныя качества; прикрывая благовиднымъ приличіемъ! Спаяйтесь понравиться въ честномъ, благородномъ семействѣ, гдѣ малѣйшій порочный шагъ примѣненъ! Если вы боитесь доверять своему сердцу и вынудить пуспой билетъ въ лопареѣ жизни, призовите въ помощь совѣтъ людей опытныхъ! Согласивъ условія своего разсудка съ достоинствами вами избираемой, вы конечно не обманетесь.

Лиза мила, хорошо себя держитъ: но она не красавица и не богата; взоръ ея исполненъ чувствительности и глаза живости, ея уму свойственной; обхождение ея благородно, она одѣвается просто, но со вкусомъ, не шершавъ кокетства и предоставляетъ его тѣмъ дѣвушкамъ,

жоторыя собираюся скорѣе вышши замужъ, чпобъ полько сдѣлаться свободными. Она имѣла въ виду способъ нравиться — и тайнымъ образомъ плѣнила Леонса. Скромность, пріятное обращеніе и основательный умъ опличили его опть другихъ въ глазахъ Лизы: ни онъ, ни она не ошиблись въ выборѣ. Благомыслящая мать невѣсты, имѣя въ виду счастье своей дочери, не спрашивала жениха о количествѣ душъ, за нимъ сосполщихъ; дѣвушка не льстилась на дорогіе подарки; всупивъ въ новое семейство, въ короткое время снискала любовь у всѣхъ родныхъ своего мужа; всячески старалась дѣлать имъ угодное, хошь въ модномъ свѣтѣ и называющъ такое вниманіе униженіемъ и предразсудками. Удивительно ли послѣ того, что Лиза будетъ примѣрною матерью и соспавитъ счастье своего мужа? ...

II. Арановъ.

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ РУКОПИСИ, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:
ВОСПОМІНАНІЯ ОБЪ ИСПАНІИ.

ВЗЯТІЕ САРАГОССЫ.

(*Окончаніе*).

Недоспашокъ съсанныхъ припасовъ сдѣлался весьма чувствительнымъ въ лагерь осаждающихъ. Всѣ транспорты, идущіе въ лагерь изъ Пампелуны, доставались непріятелю, а фуражировъ высылать было невозможно по причинѣ Инсургеншовъ. 22,000 Французовъ, осажда 50 тысячную армию и окруженные превышающимъ числомъ непріятеля, только опъ необыкновеннаго своего мужества, благоразумія и опытности начальниковъ своихъ ожидали спасенія. Въ нѣсколько дней надѣялись о-

кончишь проломы въ городъ; но первая осада Сарагоссы доказала, что средства, обыкновенно рѣшающія судьбу какой нибудь крѣпости, недостаточны для окончанія осады сего города. Дома и улицы представляли особыя крѣпости, учинившіяся почти неприслупными, по причинѣ мужественной обороны жителей.

Прибытіе Маршала Лана 22 Тенваря избавило армію отъ сего опчаяннаго положенія. Взявъ начальство надъ обоими корпусами, онъ приказалъ Маршалу Моршье соединиться съ Монаемъ. На пути изъ Калагасодъ къ Сарагоссѣ, Моршье подъ Пердигвера разбилъ корпусъ Испанской подъ начальствомъ Франциска, брата Палафокса, и симъ очистишь сообщеніе Французовъ съ окрестностями. Съ тѣхъ поръ Сюпешъ со своей дивизіей находился въ безпрестанномъ движеніи для возпрепятствованія соединенію Инсургеншовъ и безопасности транспортовъ.

Наконецъ, когда приближенные къ городу сады, мельницы и строенія находились во власти осаждающихъ, и когда бастионы построены были почти подъ стѣ-

нами города, рѣшено 27 Генваря начать генеральный штурмъ города. На разсвѣтъ начали канонаду, въ полдень войско построилось и двинулось на приступъ. Проломъ въ монастырь Августинскаго ордена не былъ довершенъ, но два пролома прошиву монастыря Св. Иосифа находились въ соспояннїи пропустивъ осаждающихъ. Вольшижеры 14 Французскаго и 2 Польскаго полковъ опромѣнью бросающся въ одинъ изъ оныхъ. Непрїятель зажигаетъ двѣ мины передъ проломомъ, но сіе нимало не удерживаетъ осаждающихъ. Неустрашимый юноша Подпоручикъ Добржицкій съ 25 вольшижерами 2 Польскаго полка, сквозь дымящіяся развалины, подъ градомъ пуль, пробиваетъ къ пролomu; здѣсь удерживаетъ его банарей, устроенная въ самомъ проломѣ. Каршечи посылались: грозной набатъ созываетъ жищелей; — всѣ сосѣдніе дома наполнились ими. Пули и гранаты сыплющся изъ оконъ и кровель. Половина сихъ мужественныхъ погибла въ проломѣ. Добржицкаго вынесли пораженнаго двумя пулями, однакожь осшальные не ошшулающъ и дожидаящся

цѣлой колонны. Наконецъ, испоща всѣ у-
силія пробившись сквозь багарею и насы-
пи, Французы и Поляки успѣли только
овладѣвъ проломомъ и подъ непріятель-
скимъ огнемъ укрѣпились въ ономъ.

Въ нападеніи на лѣвой проломъ, за мо-
нашпыремъ Св. Іосифа, осаждающіе не
вспрѣшили споль сильнаго сопротивленія.
Колонна, назначенная на сей штурмъ, со-
стояла изъ вольпижеровъ 44 Французска-
го и 3 Польскаго полковъ. Подпоручикъ
Фридрици съ 30 Польскими вольпиже-
рами долженъ былъ первый броситься въ
проломъ (*). Колонна сія вскорѣ овладѣла
проломомъ и сосѣднимъ домомъ. Изъ сего
дома выбивая двери и проламывая стѣны
въ смѣжныхъ строеніяхъ, опрядъ про-
брался внупренносью домовъ до другихъ
домовъ выходящихъ на другую улицу и, на-
конецъ, на одномъ дворѣ непріятельская
артиллерія удержала колонну.

(*) Я здѣсь для того помѣщаю нѣкоторыя по-
дробности въ означеніи полковъ и наз-
ваній офицеровъ, чшобы доказать ска-
занное мною выше, что во всѣ опасныя
мѣста Французскіе Генералы всегда изъ
предпочтенія назначали Поляковъ

Все сіе происходило на правой сторонѣ общаго нападенія (*attaque générale*) со стороны осаждающихъ. Въ срединѣ атакуемой линіи проломъ былъ сдѣланъ въ монастырѣ Св. Эуграція. Для овладѣнія симъ огромнымъ зданіемъ нуженъ былъ многочисленный опрядъ; но какъ изъ опыта удоспѣвались, что Испанцы подрывали минами всѣ мѣста, угрожаемыя нападеніемъ, слѣдовательно для испытанія надобно было пожертвовать числомъ людей. Капитанъ Нагородскій съ двумя ротами 1 Польскаго полка, пробѣжавъ располніе 120 сажень подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, бросающа въ проломъ и падающа мертва, пронзенный насквозь нѣсколькими пулями. Но опрядъ по сильномъ сопротивленіи успѣлъ пробраться въ монастырь. Вольнижеры Польскіе, уже выученные штурмовать дома, старающа овладѣть кровлей: одинъ изъ нихъ, убитый на вершинѣ, низпадая, зацѣпился и повисъ на бревнѣ, выходящемъ изъ стѣны. На сіе необыкновенное зрѣлище мертваго тѣла, повисшаго на чрезвычайной высотѣ, Испанцы со всѣхъ сторонъ издающа ра-

доспѣныя кляки. Защищеники монастыря ободряются: бывша возобновляеяся и полны вооруженнаго народа поспѣшающе въ монастырь. Вся колонна горитъ неперпѣниемъ спасши несчастныхъ Поляковъ, преодоляемыхъ числомъ враговъ. Наконецъ Генераль Инженеровъ Лакоспъ, разчисливъ по времени, увѣдомилъ, что минь уже не должно опасаться; тогда Полковникъ Хлопицкій съ башагономъ Поляковъ бросается впередъ, быспро пробѣгаеяъ подъ выспрѣлами расподаніе между колонной и проломомъ, вшоргаеяся въ оный, шпыками очищаеяъ пушъ въ монастырь и выгоняеяъ неприяшеля изъ всѣхъ часовей онаго. Онъ не ограничился симъ подвигомъ: чувствуюя, сколь необходимо имѣяъ въ городѣ сборное мѣсто, Хлопицкій немедленно шшурмуеяъ другой смѣжный монастырь Энкальцасъ, и взявъ оный, шшурмомъ же овладѣлъ всѣми домами, окружающими площадь Эуграція и башареей, построеной на улицѣ сего имени, обративъ взяшыя пушки прошиву неприяшеля. Быспроша движеній, храбрость и счастливыя успѣхъ сей колонны, изумили Исланцевъ и Фран-

цузовъ; поздравительное *ура!* да *здравствуютъ неустришимые!* со стороны послѣднихъ, было въ сей день наградою Полякамъ.

Занятіемъ монастыря Энкальцась открылась совершенно линія непріятельская даже до воровъ Кармень. Испанцы, взорвавъ на воздухъ шесть подкоповъ со стороны моста, на рѣкѣ Гуербъ, предали сію часть оборонительной линіи въ руки Французовъ. Часть Французской пѣхоты, находящейся въ окопахъ, видя успѣшный штурмъ Полковника Хлопицкаго и отступленіе непріятеля, безъ приказанія, добровольно бросилась въ ворапа Кармена: но, встрѣпивъ сильное сопротивленіе, отступила отъ сего мѣста, а въ замѣну взяла штурмомъ монастырь Св. Троицы. Между тѣмъ набашъ гремишь въ сей часпи города, жишели успрямляюцца на кровли, заборы и во всѣ отверстія домовъ. Смертоносные выстрѣлы осыпають отрядъ, копорый, поперявъ болѣе половины людей, уже готовился къ отступленію; тогда Генераль Марлопъ двумя башальонами подкрѣпилъ оный, чѣмъ

далъ имъ возможность удержаться въ монастырѣ Св. Троицы.

Сей день сподобилъ Французамъ бою чело-
вѣкъ убитыми, въ числѣ коихъ находи-
лись многіе отличные офицеры, 15-ть пу-
шекъ достались въ руки осаждающимъ.

Но важный шагъ уже былъ сдѣланъ.
Французы проникли въ городъ и опъ се-
го дня началась война внутри онаго.

Войско находилось въ безпреспанной
дѣятельности: въ спѣнахъ взяшихъ до-
мовъ дѣлали сообщенія, пробивали амбра-
зуры, строили шанцы на улицахъ, приго-
товляли лѣсницы и мѣшки съ шерстью,
найденною въ городѣ, для закрытія себя
опъ выстрѣловъ.

Всякое движеніе въ войскѣ осаждаю-
щихъ не проходило безъ вниманія со спо-
роны осажденныхъ. Грозной набатъ раз-
давался въ шой часни города, гдѣ угрожа-
ли нападеніемъ и жипели спѣшили уми-
рать съ оружіемъ въ рукахъ на развалинахъ,
или цѣною жизни испоргать оныя изъ
рукъ непріятеля.

Маршалъ Ланъ увѣдомилъ Генерала
Палафокса о томъ, что власть Францу-

зотъ въ Испаніи просирирается онъ горъ Пиринейскихъ до Сіерра Морена, что войско Наполеона уже спустило въ провинцію Ла-Манха и Англичане на судахъ принуждены искашь спасенія. Маршалъ Ланъ желалъ, что бы Палафоксъ выслалъ съ своей стороны офицера для удостовѣренія сказаннаго, предлагая перемиріе до возвращенія посланнаго.

Между шѣмъ недоспашокъ съѣсшихъ припасовъ и болѣзни довели жишелей города до самаго опчаяннаго положенія. Мясa вовсе небыло, курица стоила пять пидеэровъ, шо естъ 27 рублей ассигнаціями на Рускія деньги. Бомбы и казенныя ядра уже при недѣлѣ сокрушали несчастнойгородъ и зарезо пожаровъ освѣщало удрученныхъ болѣзнію и изнеможенныхъ голодомъ. Заразительная болѣзнь поглощала всякой день около 350 человекъ разнаго возраста и пола, не считая погибающихъ отъ ударовъ и выпрѣловъ непріятельскихъ. Всѣ дома превращены были въ лазареты. Больные, не имѣя ни пици, ни лѣкарствъ, шлопами валялись наполуизгнившей соломя. Легкая рана, безъ пособій медицины

и въ зараженномъ воздухѣ, превращалась въ анционовъ огонь, и бышь легко раненымъ было поже, что бышь убишымъ. Уже не спало земли для сокрышя бранныхъ ошпачковъ мужеспвенныхъ зашпшниковъ ошечества. На улицахъ и предъ церквами рыли глубокие рвы и въ оныя повергали сошнями шѣла несчастныхъ. Не рѣдко случалось, что бомбы раздробляли на части, сложенные въ кучу шрупы, и члены усоншихъ, разброшенные на улицахъ, представляли ужасное и бмерзительное зрѣлище. Дома взлепали на воздухъ, ядра и каршечи угрожали смершю въ мѣспахъ ошкрышыхъ, заразительная болѣзь пожирала въ мѣспахъ сокровенныхъ; но жители Сарагоссы не шеряли мужеспва. Малѣйшая жалоба на несчастное положеніе, слезы гореспя и ошчаянія наказывались какъ измѣна, и всякое ушро Фраузы видѣли нѣсколько повѣшенныхъ Испанцевъ на улицѣ Коссо и зеленомъ Рынкѣ. Смѣлѣйшіе изъ зашпшниковъ не сомнѣвались о своей погибели. Они легко освоились со смершю, но не хошѣли даже думать о шомъ, что бы подвергнушья иноплемян-

ному игу. Присягнувъ погибнушь подъ развалинами города, съ презрѣніемъ отвергали неоднократныя предложенія сдатьсь на капитуляцію.

Для сбереженія людей осаждающіе не предпринимали болѣе генеральныхъ штурмовъ на всю линію, но, опираясь одинъ домъ послѣ другаго, и очищая путь минами, со всѣхъ сторонъ подвигались въ средину города.

Опытность Генерала Инженеровъ Лакоса и особенное его искусство въ атакъ домовъ, чему онъ научился при взятіи Каира въ Египтъ, гдѣ также въ домахъ должно было сражаться, хотя была весьма полезна, но не облегчала трудностей въ исполненіи его предначертаній. Храбрость жителей полагала непреодолимую преграду на всякомъ шагу. Такимъ образомъ, для завладѣнія двумя малыми домами въ два эшажа, надобно было два дни сражаться. Лѣстницы, кровли, чардаки и погреба были усѣяны шрапнелями.

Сіи сраженія въ домахъ споль единобразны, что не могушь занять чинашеля: довольно будешь, если я упомяну о

нѣсколькихъ, болѣе заслуживающихъ вниманія. 30 Генваря Польской опрядь, выломавъ стѣну снаружи, проникнулъ въ кухню одного дома, смѣжнаго съ улицей Квемадо. Въ другой комнаѣ находились Испанцы. Обѣ стороны, подѣлавъ въ стѣнахъ опверстія, переспрѣвливались въ комнаѣхъ. Испанцы съ кровли бросали въ прубу гранаты, копорые, лопаая, наносили большой вредъ въ стѣнной комнаѣ, наполненной людьми. Битва продолжалась двое сутокъ на кровлѣ, чердакахъ и въ погребехъ; наконецъ Испанцы удержали домъ за собою, не побѣдивъ, но измучивъ своихъ противниковъ.

Взятіе монастыря Св. Моника представляло одну изъ кровопролитнѣйшихъ сценъ въ военной исторіи всего человѣчества. Французы съ примкнувшими штыками продирались сквозь огромныя кучи развалинъ, усѣянныхъ привязанными къ кольямъ бомбами, гранатами и пепардами, копорыя, лопаая, на всякомъ шагу причиняли ужасное опустошеніе въ рядахъ. Ружейной огонь изъ оконъ и кровель, карпечные выспрѣлы сыпали со всѣхъ сторонъ

смерть на неустрашимыхъ, которые, преодолевъ всѣ сѣи преграды, должны были за проломомъ окончить побѣду рукопашнымъ боемъ. Три часа воиновъ съ обѣхъ сторонъ пали на шпурмъ, и наконецъ Французы овладѣли монастыремъ и укрѣпились въ ономъ.

Нападеніе Испанцевъ на монастырь Св. Троицы, находящійся во власни Французевъ, взятіе Августинскаго монастыря и двухъ домовъ по близости монастыря Эуграція Поляками, не менѣе были кровопролитны. Испанцы удивлялись храбрости и поснотиспву осаждающихъ и спарались сими качествами превзойти враговъ своихъ (*) Взаимная злоба доводила воиновъ до отчаянія и, казалось, что всякой сражался съ личнымъ врагомъ своимъ.

(*) Кавальеро такимъ образомъ изъясняется о семъ шпурмѣ: Il fallait toute la valeur des troupes Polonoises, sous les yeux d' un des plus braves Generaleux de l' armée Fransaise, pour occuper les ruines de deux miserables maisons. Cette faible conquette couta cher aux assiegeans, non pas tant par la perte de plusieurs de ces vaillans Sarmates etc., page 117.

При взятіи сихъ двухъ домовъ, 1 Февраля, палъ, пораженный смертеносною пулею, отличившій въ арміи Французской Инженерной Генераль Лакостъ. Полковникъ Ронья (Rognat) принялъ послѣ него начальство надъ Инженерами. Испанцы также потеряли въ сей день начальника Инженеровъ Санъ-Жени (San-Genis), котораго мѣсно заступилъ Подполковникъ Цаппино.

Для доказательства выше мною сказаннаго, съ какими оспервененіемъ и упорствомъ сражались обѣ стороны привожу еще одинъ примѣръ. При штурмѣ одного снесенія, окруженнаго малыми круглыми башнями, одна изъ сихъ башенъ, не имѣя опверстія, не допускала проникнуть во внутренность ея осаждающимъ Полякамъ. Прикрѣпленными къ стѣнѣ пешардами сдѣлали проломъ въ стѣнѣ, а бросаемыми въ средину бомбами снарались опшуда выжить Испанцевъ. Одна изъ бомбъ проломилла всѣ своды, и озлобленные упорнымъ сопротивленіемъ Испанцевъ Поляки на веревкахъ спускались въ мрачную про-

пасиль, что бы достигнуть непріятеля (*).

Такимъ образомъ производимая война въ городѣ дошла до высочайшей степени ожесточенія или, лучше сказать, испупленія. На поверхности земли умерщвляли другъ друга для овладѣнія пусшими развалинами; подъ землю рылись, чтобы взрывать на воздухъ яросныхъ своихъ враговъ. Дома горѣли, фугасы и мины съ ужаснымъ прескомъ лопали во всѣхъ концахъ города. Погребальные звоны и грозной набатъ вперили грому оружія, и вопли побѣды или опчаянія раздавались попеременно въ рядахъ сражающихся. Со всѣмъ шѣмъ Испанцы не думали о сдачѣ, а Французы объ ошесупленіи. Казалось, будто они упшались симъ ужаснымъ зрѣлищемъ, повсечасно умножая ярость и мщеніе.

Палафоксъ, удрученный болѣзнію, повѣрилъ начальство 20, Февраля Генералу Сеншъ - Марку, которій поручилъ оное

(*) Des Polonais s'y firent descendre avec des cordes, pour parvenir jusqu' à l'ennemi — Rognat, page 39.

Юнпѣ или Совѣпу изъ выбранныхъ Гражданъ ошъ города, подъ своимъ предсѣдательствомъ. Въ сіе время несогласіе водворилось между жителями. Одни желали сдать городъ, обремененный всѣми несчастіями, другіе дерзосно опвергали мысль сію, и для воспрепятствованія войску удалиться, овладѣли всѣми судами на рѣкѣ Эбро. Французы между тѣмъ вознамерились употребить послѣднее средство, взрывая городъ на воздухъ. Въ приближенной къ срединѣ города улицѣ Коссо основали шесть подкоповъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ вмѣщать 3,000 фунтовъ пороха. День, 21 Февраль, назначенъ былъ къ взорванію сихъ подкоповъ. Но въ 4 часа утра передовые посты получили приказаніе прекратить стрѣльбу. Юнпа выслала Депушатовъ къ Маршалу Лану, объявляя, что она соглашается на капитуляцію, если условія не будутъ безчестны для Испанскаго оружія, увѣдомляя при томъ, что отказывается ошъ условій, предложенныхъ днемъ прежде Генераломъ Палафоксомъ, на которыхъ Французы не соглашались.

Сначала Маршалъ Ланъ не принималъ никакихъ условій, показывая видъ, будто воля Наполеона состояла въ сдачѣ города на произволь побѣдителей; но, наконецъ, согласился утвердить предложенные пункты съ тѣмъ однакожь, чтобы имя Фердинанда не было въ оныхъ упоминаемо. — Главные же пункты состояли въ томъ, что гарнизону позволяется выступить изъ города съ военными почестями, послѣ чего должны отправиться военнопленными во Францію; офицерамъ позволяется сохранить свои багажи, лошадей и вооруженіе, солдатамъ только ранцы. Поселяне должны возвратиться въ дома свои. Сверхъ того побѣдители обезпечивающъ побѣжденнымъ вольность вѣроисповѣданія, и имущество гражданъ остается неприкосновеннымъ.

Однакожь въ городѣ между жителями происходило замѣшательство. Желаящіе еще защищать городъ возмущали войско и намѣревались овладѣть артиллеріей, Депутаты не смѣли показываться предъ разъяреннымъ народомъ, и, скрывшись въ замкъ Альхаферія, увѣдомили Юн-

ту о слѣдствіяхъ своего посольства. Начальники употребили всѣ средства для успокоенія разгоряченныхъ умовъ и увѣренія въ необходимости подвергнуться обстоятельству.

21 Февраля 12,000 блѣдныхъ, больныхъ и испощенныхъ трудами воиновъ, вышли чрезъ ворота Портилло изъ города и сложили оружіе предъ побѣдоносною арміею, которая безъ оплагательства заняла городъ. Осада сія продолжалась 52 дня, считая опть начатія траншей, 29 дней сражались внѣ города, 23 во внутренности онаго, не считая 9 дней предъ открытіемъ бапарей противу Монпетреро. Осада сія шѣмъ блистательнѣе и славнѣе въ Исторіи, что лучшіе Французскіе Инженеры управляли работами, а сражались отборныя войска подъ предводительствомъ опытныхъ сотоварищей Наполеона, на пути прежнихъ его побѣдъ, каковы Маршалъ Ланъ, Мортье, Монсей и Жюно. Въ продолженіе осады Сарагоссы осаждающіе опняли у осажденныхъ 50 пушекъ, въ городѣ нашли оныхъ еще 113. Пороху вовсе не было, ибо Испанцы при-

гоповляли онаго извѣстное количество на ежедневное употребленіе. Хлѣба было еще на 6 мѣсяцовъ; но, не имѣя мѣльницъ, которыя всѣ были заняты Французами, жителю должны были помолоть зерна камнями. Четвертая часть города взята была штурмомъ, въ томъ числѣ 13 монастырей или церквей, а 40 еще оставались во власти непріятеля. Но сколько плачевное зрѣлище представляла внутренность города! Развалины взорванныхъ минами домовъ и испребленныхъ пожаромъ покрышы были разперзанными тѣлами человеческими. Во время продолженія осады 16,000 брошенныхъ въ городъ бомбъ почти ни одного дома не оставили безъ поврежденія. Всѣ улицы были перекопаны и завалены обломками. Могильная пишина царствовала въ городѣ при всуупленіи Французовъ. Граждане, блѣдые, изнуренные трудами и болѣзнію, какъ привидѣнія изрѣдка мелькали на улицахъ, или, выглядывая изъ домовъ, обращали угасающіе взоры на своихъ побѣдителей съ какимъ по паразительнымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ ужа-

сомъ и негодованіемъ. Накопорыте отъ изнеможенія падали мертвыми среди Французскихъ рядовъ, умоляя небо объ ошмщеніи. Въ продолженіе 52 дневной осады погибло 54,000 жителей разнаго возраста и пола. Въ самой день капитуляціи 6,000 непогребенныхъ тѣлъ лежало въ городскихъ рвахъ, на улицахъ и предъ церквами. Маршалъ Ланъ употребилъ жителей окрестныхъ деревень для погребенія несчастныхъ ихъ соотечественниковъ. Большая часть изъ оставшихся въ живыхъ вышли изъ города, а изъ числа оставшихся, въ продолженіе 9 дней, послѣ капитуляціи, еще 1000 человекъ содѣлалось жертвою смерти. У предверій храмовъ кучами лежали трупы, обернутые полотномъ вмѣсто гробовъ, которые на счетъ правительства вывозили и хоронили за городомъ. Французы, для избѣжанія заразы, расположились за городомъ, посылая только караулы для занятія важнѣйшихъ постовъ въ городѣ.

Свидѣтельство Генерала Ронья, будто только 3.000 человекъ изъ Француз-

ской арміи лишились жизни во время второй осады, мнѣ кажется сомнительнымъ. Изъ трехъ Польскихъ полковъ погибло почти 800 человекъ; судя по сему, потеря во всей арміи по крайней мѣрѣ должна бытъ вдвое противу числа, предлагаемаго симъ Генераломъ,

---

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПУСТЫНЯ.

(Къ М. Г. Бедрѣзъ).

Въжавшій отъ суетъ
И отъ сѣпной богини,
Твой другъ, молодой поэтъ,
Вдругъ спалъ анахоретъ
И жизнь ведетъ въ цуспынѣ.
Въ душѣ моей молодой
Нѣтъ болѣ жажды славы,
И шумныя забавы
Смѣнилъ я на покой.
Безумной молодежи
Покажешся смѣшно,

Что я не пью вино,
 Что мнѣ вода дороже,
 И что я сплю давно
 На одинокомъ ложѣ;
 Но, не смотря на то,
 На тихій звукъ свирѣли
 Въ уютный домикъ мой
 Вертяною толпой
 Упѣхи налепили
 И весело обѣли
 Въ немъ весь уголь, мой другъ!
 Съ печалію жъ докучной
 Сопутникъ неразлучной,
 Томительный недугъ,
 И дочь мірскаго шума
 Со свисою своей,
 Души угрюмой дума
 Отъ хижины моей
 Спрямится пороплаиво...
 Лишь только боязливо
 Задумчивость порой
 Заглянетъ въ уголь мой
 Покойной и счастливой.

Оставивъ шумный свѣтъ
 И нѣгу сладосипрасья,
 Какъ могъ во двѣрь лѣтъ
 Найши дорогу счасья
 Твой въшренний поэтъ —
 Ты спросишь въ изумленьи,

Мой другъ, въ уединеньи,
 Какъ пышные цвѣты,
 Кипишь въ воображеньи
 Прелестныя мечты.
 Онъ волшебной силой
 Въ пѣни моей нѣмой,
 Съ своей подругой милой —
 Фанпазіей молодой,
 Меня увеселяють
 Чудесною игрой
 И сердцу возвращаютъ
 Упращенный покой,
 Кошпорый мнѣ въ пущыивъ
 Милѣ всѣхъ даровъ
 Обманчивой богини:
 И злѣпа, и чиновъ,
 И шумныхъ пированій,
 И ласковыхъ рѣчей,
 И въспреныхъ лобзаній
 Предательницъ — Цирцей...

Но ты, мой другъ безцѣнный,
 Бышь можешь, хочешь знашь,
 Какъ дни мои лепяшь
 Въ Украинѣ отдаленной.
 Изволь: швой другъ молодой,
 Проспясь съ коварнымъ міромъ,
 Съ свободою злагою,
 Душь пламенныхъ кумиромъ,
 Живешь въ степи глухой,

Судьбу благословляя;
 Онъ съ ложа здѣсь вспаешъ,
 Зарю предупреждая —
 И въ садикъ свой идетъ
 Не много попрудисься,
 Взявъ заснувъ, на грядахъ;
 Когдажъ усанешъ рыпсья,
 Онъ, съ книгою въ рукахъ,
 Подъ тѣнь деревъ садисья —
 И въ пламенныхъ снихахъ,
 Иль въ прозѣ чистой, плавной,
 Чуждъ горя и забошъ,
 Воспорги сладки пѣшъ.
 То Пушкинъ своенравной,
 Парнасскій нашъ шалунъ,
 Съ Русланомъ и Людмилой;
 То Башюшковъ, рѣзвунъ —
 Мечшашель легкокрылой;
 То, съ громомъ звучныхъ сшрунъ,
 И чешъ и слава Россовъ,
 Какъ диво — исполинъ,
 Парящій Ломоносовъ;
 Иль Озеровъ, Княжнинъ,
 Иль Тащипъ — Карамзинъ
 Съ своимъ девятишымъ шомомъ;
 Иль бадовень — Крыловъ
 Съ гремушкою и Момомъ;
 Иль Гнѣдичъ и Коспровъ
 Со шарикомъ Гомеромъ;
 Или Жанъ Жакъ Руссо

Съ проказникомъ — Вольшеромъ;

Воейковъ — Буало;

Жуковский несравненный;

Иль Дмитриевъ почтенный;

Иль Фаворись его,

Милоновъ — бичъ пороковъ;

Иль вѣтхій Сумароковъ;

Иль Душеньки шворецъ,

Любимецъ Музы и Грацій;

Иль важный нашъ Горацій,

Позшовъ образецъ;

Иль, сладоспный пѣвецъ,

Нелединскій унылый;

Или Панаевъ милый,

Съ Идилліей своею —

Въ пиши уединенной

Даришь попеременно

Мечшы душѣ моеи...

Но полдень. Въ домъ укромный

Иду; давно ужъ шамъ

Меня обѣдъ ждешъ скромный;

Пріятный еиміамъ

Опъ сочныхъ яспвъ куришся;

Мгновенно возбудишся

Завидный аппешишь —

И пруженикъ — циишь

За шашкій споль садится...

Попомъ на одръ проспой

Онъ на часокъ приляжешъ;

Богъ сна, Морфей молодой
 Ему гирлянду свяжешь
 Изъ маковыхъ цвѣтцовъ,
 И въ легкомъ снѣ покажешь
 Пришпелей — пѣвцовъ.
 Они всѣ въ Петрополѣ;
 Въ моей счастливой долѣ
 Лишь ихъ недостаетъ!
 Подъ вечеръ за работу
 Иль въ садъ, иль въ кабинетъ,
 Иль грозно на охоту
 Съ копомкой за спиной
 Иду съ ружьемъ — на бой
 Иль съ зайцами, иль съ дичью;
 И, возвращаясь домой,
 Обремененъ добычью,
 Пью ароматный чай...
 Вдругъ входишь невзначай
 Ко мнѣ гѣрой Кавказа,
 Котораго въ горахъ
 Ни спрашная зараза,
 Ни Абазехъ, ни Вахъ,
 Ни грозный Кабардинецъ,
 Ни яросный Лезгинъ,
 Ни хищный Абазинецъ
 Среди своихъ долинъ
 Въ шесть лѣтъ не въ силахъ былъ
 Духъ швердый сокрушить;
 Непобѣдимымъ бытъ,
 Казалось, судилъ

Герою небеса:

Но вдругъ его плѣнили

Прелесные глаза...

Вдыхая и вздыхая,

Не умерь чужь боець;

Но, сжалась наконецъ,

Красавица младая

И сердце и себя,

Героя полюбя,

Съ рукой ему вручила

Во храмъ подъ вѣнцомъ;

Но скоро измѣнила

И молодымъ пѣвцомъ

Бойца перемѣнила.

Сей опшавной Маіоръ,

Гроза Кавказскихъ горъ,

Привезъ съ собой газетъ.

Привявши грозный видъ,

„Почто, входя кричишь,

Мои молодые лѣшны

Съ такою быспрошой,

О шруженикъ молодой,

Сокрылись въ безднахъ Лешы?

Война, война кипишь!

Въ Морехъ пышешъ пламя!

Поднявъ свободы знамя,

Грекъ Опшоману мстишь!

А я, а я не въ силахъ

Лешышъ шуда спрѣлой,

Куда спремляюсь душой!

Кровь тихо льется въ жилахъ,
 И съ каждымъ, съ каждымъ днемъ
 Все болѣе хладѣешь;
 Рука владѣшь мечемъ,
 Какъ прежде, не умѣешь,
 И бичь Кавказскихъ странъ
 Часъ опъ часу дряхлѣешь,
 И грозный Ошпоманъ
 Предъ нимъ не поблѣднѣешь!..
 Со вздохомъ кончивъ рѣчь,
 Маіоръ съ себя снимаетъ
 Полузаржавый мечъ,
 И слезы опираетъ.
 О прошлой старинѣ,
 О сѣчи своевольной,
 О мирѣ, о войнѣ
 Поговоривъ довольно,
 Мы къ ужину идѣмъ;
 Тамъ снова въ разговоры,
 А изрѣдка и въ споры,
 Разгорячась виномъ,
 Маіоръ со мной вспуцаешь —
 И Порту, и Кавказъ
 Въ покоѣ оставяешь,
 Поэзію ругаешь
 И присшупомъ Парнассъ
 Взяшь грозно обѣщаешь!
 Но вотъ ужъ первый часъ!
 Морфей зовешь къ покою

И старому Герою
 На вѣжди вѣешь сонъ,
 Вакхъ также насшупаетъ,
 А старосшь помогаешъ —
 И въ спальню быспро онъ,
 Качаясь, ошсшупаетъ,
 Въ ашакъ съ прехъ шпоронъ . . .

Маіора въ ретирадѣ
 До ложа проводя,
 Я освѣжить себя
 Иду въ прохладномъ садѣ:
 Чупть слышный вѣшерокъ,
 Цвѣшовъ благоуханье,
 Лепечущій пошокъ,
 Лисшочковъ шрепешанье,
 И мракъ, и шѣнь древесъ,
 И шишина ночная,
 Пучина голубая
 Безоблачныхъ небееъ,
 И въ ней, вдали безбрежной,
 Уныла и блѣдна,
 Средь яркихъ звѣздъ одна,
 Какъ лебедь бѣлоснѣжный,
 Плывающая луна,
 И дровъ и неба своды,
 И хижинка моя,
 Смошрящіеся въ воды
 Шумящаго ручья,

И лодки колыханье,
 И Филомелы гласъ,
 Все, все очарованье
 Въ священный ночи часъ!
 Природы красопами
 Спокойно наслаждась,
 Я тихими шагами
 Въ приюсть свой возвращусь,
 Пенапамъ поклонюсь,
 Къ нимъ вѣрой пламенья,
 И на одръ простомъ
 Въ объятяхъ Марфея
 Забудусь сладкимъ сномъ . . .

Такъ юнато поэпа,
 Вдали отъ шуму свѣта,
 Проходящъ дни въ глуши;
 Ничпо его души,
 Мой другъ, не беспокоишь,
 И онъ въ нѣмой тиши.
 Воздушны замки строишь!
 Забоны никогда
 Его не посѣщаютъ,
 Напрошивъ завсегда
 Съ нимъ вмѣстѣ обитають
 Свобода и покой
 Съ веселоснью безпечной . . .

Но здѣсь мнѣ жить не вѣчно —
 И часъ разлуки злой

ЗЕМНАЯ ГРУСТЬ.

(В . . . . К . . . . К . . . .)

Ты мнѣ швердишь, что я скучаю жизнью:
Земная жизнь — не жизнь!
О, дай мнѣ, другъ, дай крылья . . . . .!
Мнѣ грустно на землѣ! —

Я полечу — шуда, гдѣ всходишь солнце,
Гдѣ шеплишся заря;
Туда — гдѣ даль, какъ Океанъ синѣшь —
За горы, за моря . . .

Я подымусь съ алмазною росою
Высоко опъ земли;
Увижу я, что тамъ за облаками
Въ бездонныхъ небесахъ.

О; дай мнѣ, другъ, дай крылья.....!

Мнѣ грустно на землѣ!

И полечу за солнцемъ опъ востока

На гаснущій закатъ.

Увижу тамъ, куда сплходитъ солнце;

Отколь къ намъ сподитъ ночь;

О другъ, я погружусь въ разливъ аломъ

Вечернія зари.

Ужъ неземною я мчуся въ поднебесной

Быспрѣй, чѣмъ лучъ, чѣмъ мысль!

Но, увлеченъ опашъ въ землѣ родимой,

Стою на темъ горъ.

Какъ милъ онъ мнѣ — сей грозный видъ при-
роды:

Я зрю — кипяшь моря,

И въ темной вышинѣ рокошуетъ громы

Надъ шрепешной землей.

Я весь воспоргъ — ны славенъ Царь природы.

Въ пылающей грозѣ! —

Пускай предъ ней дрожатъ порочныхъ души —

Будь шрепешъ ихъ удѣлъ!

Какъ ты великъ, посланникъ грозный Бога!
 Ты ошь безвѣсныхъ спранъ
 Идешь въ своемъ могущеснвѣ высокомъ—
 Все ниць передъ тобой! —

О вихрь, съ тобой шумяшь кипящи буре,
 Ты гонишь облака;
 Бѣгушь моря и спелюшя дубравы,
 Гдѣ, грозный, ты дѣхнулъ.

Передъ тобой блѣднѣетъ жизнь смященна
 И гордый человекъ;
 Трепещетъ градъ — пишомецъ вялой нѣги:
 Но ты не спрашенъ мнѣ.

О вихрь, сорви меня, какъ листь — и въ бу-
 рахъ
 Умчи подъ небеса,
 Туда, шуда, ошь сей земли мяпежной,
 Къ надзвѣздной пишинѣ.

Туда давно душа моя просилась,
 Какъ просишя дшия
 Изъ чуждыхъ рукъ въ объятя къ родимой:
 Тамъ родина моя! —

О, дай мнѣ, другъ, дай крылья.....!

Мнѣ грустно на землѣ! —

А шамъ, въ верху, сіяешь, какъ надежда,
Веселая луна.

Я полечу — пылая жаждой неба,

До упренней звѣзды;

О, какъ свѣшло горяшь они въ эфирѣ
Небесные міры! —

Они съ моей бесѣдуютъ душою

Языкомъ *неземнымъ*

Ошъ нихъ, о другъ, услышу дивны вѣсти

О *новыхъ небесахъ* . . .

Тамъ ясны всѣ судьбы; здѣсь темной, шайны

Тамъ будущность прочту;

И жизнь людей не будетъ мнѣ загадкой—

Я вѣки обниму! . . .

Онъ упомянулъ Всевышняго перпѣнье

Преступный смертныхъ родъ!

Земля, дрожа, пила и кровь и слезы,

И двигалъ небо спонъ . . .

Я вижу часъ, когда пы запусшѣшь,
Веселая земля!

Какъ пѣнь, преидушь швомъ опщившши царства,
Какъ дымъ — швомъ красы.

И день взойдетъ, не для людей сіяя;

Ихъ солнце не найдешь,

И улетишь съ развалинь жизни радость

И спихнешь все, какъ гробъ . . .

О, дай мнѣ, другъ, дай крылья . . . . .!

Ужъ близокъ часъ . . . . . пора

Детишь отъ сей дрехлюющей вселенной

Туда, гдѣ шльня цынь.

Что въ мѣрѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? Что въ мѣрѣ,

Гдѣ смерть и . . . . . — царя?

Душа горитъ желаніемъ свободы —

Дай крылья улетишь!

Но я безъ крыль! И связанный спрашпями,
 Спена подъ гнешомъ нуждъ,
 Въ шолпъ, ... , какъ изгнанникъ скишаюсь
 Въ земномъ — земнаго чуждъ. —

Когда перунъ орлу опалишь крылья;
 Груспишь пернашыхъ царъ.
 И, по земль уныло пресмыкаясь,
 Глядишь на небеса! —

О, милый другъ, вопшь образъ чловѣка
 Въ изгнаніи земномъ!
 За чѣмъ же мнѣ швердишь, что я скучаю?
 Мнѣ груспно на земль! —

Ношу яремъ, наложенный судьбою,
 Но вѣрой крѣпокъ я!
 Моя душа полна священнымъ гладомъ
 И жаждою небесь! —

Не весь я перспы: въ родствѣ по духу съ небомъ,
 По шѣлу — рабъ земли;
 Но придетъ часъ — я опорвусь опъ перспи
 И весь — на небеса! —

Федоръ Глинка.

БОГЕМСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Ч е х и я .

Родила меня
Моя машушка,
Родила меня
Въ красный вешній день,
Въ красный вешній день
Въ зеленомъ саду,
Въ зеленомъ саду
Между розами,
Между розами
Полноцвѣтными.
И сама она
Говорила такъ :
„ Еслибъ знала я,
Мое дитяшко,
Что ты будешь Чехъ
Вѣрный, доблесный,

Обвила бы я
 Тебя розами,
 Тебя розами
 Благовонными. “
 (Грянуль громъ погда!)
 „Еслибъ знала я
 Мало дияшкю,
 Что ты будешь Чехъ
 Малодушный, злой,
 Обвила бь шебя
 Жесикимъ проспиемъ
 И въ колючій пернъ
 Тебя бросила бь!“

2.

Ж а л о б а.

(*Вольный переводъ*).

Ты куда, куда шакъ спѣшно
 Эльба свѣшлая печешь?
 Ты кому, кому споль нѣжно,
 Милый соловей, поешь?

Кто здѣсь въ рощицѣ сѣниспой
 Сердце взялъ пвое во власть?
 Передъ кѣмъ ты голосиспой
 Тредью выражаешь спрасшь?

Ахъ, и я имѣлъ любезну
 Дѣву, свѣтъ моихъ очей!
 Но позналъ разлуку слезну,
 И не зрю счастливыхъ дней.

Въ сладкомъ сердца упоеньи
 Раздавалась пѣснь моя,
 Какъ весною въ рощахъ пѣнье
 Раздается соловья.

И доколѣ не мушился
 Любой дни мой поскокь,
 Свѣшло такъ они капишлись,
 Какъ пошокъ, о Эльба, шдой!

Ахъ, куда ты споль поспѣшно
 Эльба свѣшдая щечешь?
 Ахъ кому и ты споль нѣжно,
 Милый соловей, поешь?

А. Востоковъ.

С М Ъ С Ъ

О ВОЗДУШНОМЪ ФЕНОМЕНЪ НА ОСТРОВЪ ВЪ ТАМАНЬ,

Г. Почетный Членъ Общества Кириль Васильевичъ Россинскій увѣдомилъ сіе Сословіе, что, 25 Сентября нынѣшняго года, на островѣ Тамань было слѣдующее необыкновенное явленіе: въ 9-мъ часу, по захожденіи солнца, пролетѣлъ опъ воспока къ западу огненной шаръ, кошорый освѣщилъ всю Таманскую округу и спустился за Таманью около, шакъ называемой, Лысой горы. При его паденіи на землю произошелъ громъ, гораздо сильнѣе пушечнаго выстрѣла. Звукъ сей продолжался болѣе минушы, при чемъ самая земля содрогалась, что чувствительнѣе было на разстояніи 80 версшъ, и. е. отъ Тамани до, Смоленскаго Кордона. Всѣ тамошніе жители увѣряютъ, что подобнаго сему явленія никогда еще на семъ островѣ не бывало.

О ДРЕВНЕЙ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ, НАЙДЕННОЙ ВЛИЗЬ ЧЕРНИГОВА.

Г. Членъ-Корреспондентъ Общества, Максимъ Федоровичъ Берлинскій, извѣщаетъ оное, что въ Сенябрь нынѣшняго года найдена одною женщиною на огородѣ близъ города Чернигова нарочитой величины золотая медаль, съ придѣланными къ ней ушками, вѣроятно для ношенія. При семъ онъ сообщилъ Обществу замѣчанія свои, къ которому времени сію медаль отнести можно, судя по надписи и другимъ изображеніямъ, находящимся на оной. Общество, узнавъ, что здѣсь въ С. П. бургѣ получены нѣкоторыми почтенными особами слепки съ сей любопытной медали, препроводило чрезъ Г. Помощника Предсѣдателя Н. И. Гнѣдича замѣчанія Г. Берлинскаго къ одному извѣстному любителю и знатоку древностей, съ тѣмъ, чтобы онъ,

разсмошрѣвъ слѣпки и сравнивъ ихъ съ замѣчаніями Г. Берлинскаго, принялъ шрудъ присо-
вокуишь и свое къ нимъ мнѣніе. Въ буду-
щей книжкѣ помѣщены будутъ всѣ сіи ра-
зысканія. Общество съ удовольствіемъ при-
метъ мнѣнія и другихъ особъ, если имъ угод-
но будетъ. послѣ сообщитъ оныя для напеча-
танія въ *Соревнователь Просвѣщенія и Бла-
готворенія*.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА

I.

Во исполнение § 22 второй части Устава, Обществом долгомъ считается извѣстить почтенныхъ чинашелей *Соревнователя* о поступившихъ суммахъ, причисленныхъ къ кассѣ, на благошвореніе определенной:

Ошъ Ихъ Высокоблагородій:

. . . . .	Бороздина	10 руб.
Ивана Ивановича	Варышниковъ	20 —
Павла Григорьевича	Щепочкина	20 —
Ивана Седоровича	Голуба	25 —
Его Благородія Егора Михайло-	вича Овощникова	20 —
	Всего	95 руб.

II.

Изъ суммы, на благошвореніе определенной, выдано:

Пансіонерамъ Общества:

За Окшбрь мѣсяць.

Г. Аникину	25 руб.
Г. Захарову	15 —
Г-жѣ Власовой	25 —

За Ноябрь и Декабрь мѣсяцы.

Г. Анкину	50 руб.
Г. Захарову	30 —
Г-жѣ Власовой	50 —
Г-жѣ Ненашевой	50 —
Г. С. . . . . му	50 —
Г. Новоселову	50 —

Всего . . . 345 руб.

III.

За представленные сочинения и переводы избраны Обществомъ :

По существу § 26 Устава, въ Действительные Члены Типулярный Совѣшникъ Степанъ Ивановичъ Висковатовъ.

На основаніи § 35, въ Члены Сотрудники 12 Класа Князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ.

Сообразно съ § 35, Общество приняло въ Почетные Члены свои извѣстную Писательницу дѣвицу Кашерину Наумовну Пучкову.

Сверхъ того, на основаніи § 38 Устава, поступили въ Члены Корреспонденты:

Полковникъ и Кавалеръ Григорій Кондрашевичъ Машвѣвъ, въ Екатеринодарѣ.

Магистръ Московскаго Университета Семень Егоровичъ Ранчъ, въ Москвѣ.

Слѣдующимъ законоположеніямъ Общества ГГ, Дѣйствительный Членъ С. И. Висковатовъ и Г. Членъ Сопрудникъ Князь Н. С. Голицынъ, прибывъ въ собраніе 7 Ноября, выслушали Уставъ и, по установленной формѣ, скрѣпили подписью намѣреніе свое присоединиться къ Обществу и подтвердили тѣмъ согласіе не оспаривать оныхъ законовъ, которыми руководствуется сіе Общество; а Г. Предсѣдатель О. Н. Глинка произнесъ, при семъ случаѣ, краткую рѣчь о цѣли и духѣ Общества, слѣдующаго содержанія:

ММ. ГГ!

„Вы слышали теперь главныя и собственно къ вамъ, относящіяся статьи изъ Устава нашего. Вамъ извѣстна уже теперь цѣль нашего Общества и разумъ тѣхъ постановленій, которыми оно руководствуется. Соревновашъ посвященію и благошрительности: вошь, что составляетъ нашу *сущую цѣль*; и чье сердце не отзовется на усердный вызовъ стремиться къ сей цѣли, можетъ быть, для насъ еще далекой, но и въ дали блистательной? — *Волжное Общество Любителей Россійской Словесности*, удостоясь **ВЫСОЧАЙШАГО** покровительства, еще въ 1818 году предпріяло изданіе Журнала, отъ котораго вся прибыль назначена въ пользу *неимущихъ членовъ и учащихся*.

Общество избрало для Журнала своего *Эпиграфъ*, копорымъ руководствуется и въ дѣянїяхъ своихъ: „бѣдны мы, но помогаемъ бѣднѣйшимъ себя (*Miser sum miserisque succur- gere discó!*)“ Вотъ наше условіе въ отношенїи къ благошворительности — Счастливыми почитаемъ мы себя, если нѣкопорыя изъ спашей въ журналъ нашемъ послужають, въ печенїи времени, къ образованїю вкуса, а другїя къ разпространенїю свѣта наукъ въ любезнѣйшемъ Опеществѣ нашемъ! По крайней мѣрѣ таково естъ наше искреннее желанїе. Убѣжденїе въ пользѣ поощряетъ къ постоянству въ трудѣ. — Трудитесь независимо отъ молвы и личныхъ выгодъ: вотъ наше условїе въ отношенїи къ просвѣщенїю! — До сего времени наши Члены: Почетные, Дѣйствительные и Сошрудники усердно обогащали насъ спашьями, имѣющими цѣну по красотѣ слога, по учености предметовъ и даже по самой разнообразности оныхъ. Наши *Корреспонденты* присылають намъ, изъ дальнихъ краевъ опещества, свѣденїя часпо важныя, почши всегда любопытныя.

Общество имѣетъ, въ печенїи каждаго мѣсяца, одно засѣданїе *хозяйственное* или *разпорядительное*, и при собшвенно *Литературныя*. — Въ сихъ-то послѣднихъ, насъ, опещества, здѣсь отъ суешъ житейскихъ,

занимаетъ чтеніе произведеній, говорящихъ уму, и нерѣдко милый голосъ поэзіи услаждаетъ душу, упоменную заботами жизни.

Взаимная благосклонность и согласіе уже съ давняго времени соприсутствуютъ намъ въ собраніяхъ нашихъ — и, съ теплою вѣрою въ Провидѣніе, благословляющее всякое благое начинаніе, мы ласкаемъ себя прекрасною надеждою, что настоящая связь наша, основанная на единствѣ воли и цѣли, достигнетъ современемъ до степени пріязни и самой даже дружбы, столь сладостной для благородныхъ душъ! — Воспоминанія о прошедшемъ украшаютъ наше *настоящее*. Намъ пріятно надѣяться, что нѣкогда одинъ изъ насъ, въ минушу сладкихъ думъ о прошломъ, скажетъ съ живымъ чувствомъ: „и я былъ членомъ Общества, которое шакъ постоянно соревновало просвѣщенію — и я былъ въ кругу людей, которые дали святой обѣщаніи быть окомъ слѣпому и подпорою хромающему, подавали руку юности, ищущему просвѣщенія и утѣшали печальную старость, членомъ, содѣйствовавшимъ оному!“ — Если и вы, М. М. II, въ качествѣ дѣйствительнаго Члена и Члена — Сотрудника, — желаете сблизиться съ симъ Обществомъ, то дайте руку уважающимъ достоинство ваше, да совокупными силами пойдемъ искать возможныхъ успѣховъ на пути добра и свѣта!

Г. Дѣйствительный Членъ Н. А. Беспу-
 жевъ представилъ въ Общество слѣдующія
 вещи, полученныя имъ съ кораблей, прибыв-
 шихъ изъ Экспедиціи къ Южному полюсу
 подъ командою Г. Виллинстаузена:

1). Родъ бѣлой шкани, употребляемой
 Ошайянами для одежды.

2) Такая же, погрубѣе, шириною въ че-
 шыре аршина.

3) Такая же съ набитыми узорами.

4). Такой же коверъ съ цвѣтами.

Любопынно обратишь вниманіе на то,
 какимъ образомъ приготавливаютъ Ошайяне
 шкани сіи: беруть кору съ дерева, очищаютъ
 отъ грубыхъ наружныхъ часшей, мочатъ въ
 водѣ и накладывая одни полосы поперегъ дру-
 гихъ, колошатъ на камнѣ, пока шкань не по-
 лучитъ надлежащей тонкости. Послѣ сего
 бьютъ деревянными зубчатыми кололушками,
 отъ коихъ оспаются приметными на маше-
 рии рубцы, какъ на сафьянѣ. Если случится
 дыра, то, накладывая на нее лоскутъ той же
 машерии, колошатъ до тѣхъ поръ, пока не за-
 ровняется совершенно.

Узоры набиваютъ или деревянною коло-
 лушкою, копорая, намазывается краскою ра-
 спертою на кокосовомъ маслѣ, или, напирая
 сею краскою цвѣты, листья и травы, кладутъ

между матерією и такимъ образомъ оппеча-
шывающъ.

Къ симъ присовокуплены имъ Г. Дѣйств.
Членомъ также вещи:

5). Сумка, плешенія Алеушами, на остро-
вѣ Сипхѣ живущими.

6 и 7). Плевы съ бобровыхъ кишекъ: пер-
вая упошребляется Алеушами для плащя, на-
зываемаго *каилейкою*, а вторую выюшъ на
подобіе вышюкъ для шипья.

8). Проба Ново-Голландскому льну, вы-
дѣланному Европейцами въ шонкія веревочки.

9. и 10). Сшекла, на коихъ вшравлены кра-
сками различныя изображенія, изъ церкви Св.
Олая въ Ревель, сожженной молнією.

11). Японской чубукъ изъ бамбука.

Сверхъ того опъ Губернскаго Региспра-
шора Г. Кудинова предшавлена *серебряная*
монета 1757 года, съ надписью вокругъ: *мо-*
neta Livo-Estthonica.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

І.

Объ изданіи новаго дѣтскаго чтенія.

Основавляя Руской Вѣспникъ, я не прекращаю изданія Новаго дѣтскаго чтенія.

Воспитаніе естъ вѣпорая жизнь челоуѣка. Отъ него зависить благо семействъ, обществъ и цѣлыхъ обласей. Уваженіе къ воспитанію естъ уваженіе ко всему шому, что созидаеть и усшроиваетъ нравственное бытіе людей. Сіе уваженіе изъвляеть **МОНАРХЪ** Россіи къ наставнику своему; сіе уваженіе къ воспитанію подпверждаеться всѣми дѣянїями **АВГУСТЪЙШЕЙ ЕГО МАТЕРИ**, посвятившей **СЕБЯ** важному и шрудному подвигу воспитанія.

При началѣ и во все продолженіе воспитанія взорамъ воспитанниковъ непресшанно предспавляюшся книги. Первое чтеніе не рѣдко дѣйсшвуетъ на всю жизнь. И шакъ

тѣмъ пиломцамъ необходимо должно предлагашь все то, что показывается имъ путь къ вѣрѣ, добродѣтели, любви къ отечеству и соблюденію общественныхъ обязанностей. Съ сею цѣлю издавалъ я принадлежавшій мнѣ Русской Вѣспникъ; съ сею цѣлю издавалъ Новое дѣтское чтеніе. Нѣкошорыя синапы онаго были уже напечатаны; но большая часть вновь сочинены.

Новое мое дѣтское чтеніе состоитъ изъ слѣдующихъ двѣнадцати частей:

Часть первая. Нравственныя повѣствованія въ стихахъ и въ прозѣ изъ книгъ Священнаго писанія.

Часть вторая. Сельскій день, или пришлое и полезное препровожденіе времени.

Часть третья. Телемакъ, въ пользу воспитанія.

Часть Четвертая. Робинзонъ, въ пользу воспитанія.

Часть пятая. Повѣствованія изъ Истории и путешествій.

Часть шестая. Театръ для юношества.

Часть седьмая, восьмая, девятая, и десятая. Плутархъ, въ пользу воспитанія.

Часть одиннадцатая, и двѣнадцатая. Нравоучительныя повѣсти изъ лучшихъ отечественныхъ и иностранныхъ писателей.

При сихъ 12 часяхъ будетъ пятьдесятъ картинъ и шестидесятъ порепретовъ. Подписка принимается въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта. Цѣна въ Москвѣ 35 рублей, съ пересылкою 40 рублей. — Имяна подписавшихся особъ будутъ припечатаны при каждой книжкѣ. По прекращеніи подписки, цѣна сей книги возвысится: ибо, кромѣ печатанія и опшиска картинъ, мнѣ сіи картины и порепреты шояшъ около чешырехъ тысячъ рублей.

При самомъ началѣ изданія Рускаго Вѣспника я сказалъ, что посвящаю оный особенно пользѣ воспишанія, шожѣ повпоряю и при изданіи Новаго дѣшскаго чпенія.

Сергѣй Глинка.

2.

О продолженіи изданія Ответственныхъ записокъ на 1828 годѣ.

Россія, — разнообразная климатомъ, обшашелами и произведеніями, во многихъ опношеніяхъ единшвенными на земномъ шарѣ; богашая классическими древносшями, мало еще описанными; подвигамъ Геройсшва и добродѣтели, нерѣдко забышыми или неуважен-

ными; учрежденіями, безпрепятственно вводимыми для распространения просвѣщенія и ш. п. — открываешь, по видимому, обширное поле, легкой способъ къ составленію опечесшвенныхъ Лыпописей. Но собраніе оныхъ, по чрезвычайному пространству Имперіи, по малочисленности наблюдателей и по множеству другихъ причинъ, крайне затруднительно.

Издатель *Отечественныхъ записокъ* вооружается всѣми средствами и усиліями къ преодолѣнію сихъ препонъ: онъ ежегодно посвящаетъ два и болѣе мѣсяцевъ поѣздкамъ во внутреннія губерніи государства для собранія опечесшвенныхъ матеріаловъ. (Нынѣшній годъ осмощрѣлъ онъ достопамятныя окрестности Москвы, въ томъ числѣ Бородинское поле, Тарупинскій лагерь и проч.) Онъ завелъ исправныя сношенія въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи и не щадитъ никакихъ издержекъ и трудовъ для полученія любопытныхъ по всѣмъ часпямъ свѣденій. Къ тому же признается онъ, что, опказавъ въ *Журналъ* своемъ мѣсто для Поэзіи, Полишки и переводовъ, очень затруднялся на счетъ соблюденія въ запискахъ своихъ (однѣми опечесшвенными сшапьями) того разнообразія, той занимательности и заманчивости, кои нравятся въ *Журналахъ* и привлекающъ читателей.

Усугубляющееся лестное поощреніе почтеннѣйшей Публики къ трудамъ его позволяеть ему надѣяться, что онъ сколько нибудь успѣлъ въ томъ и другомъ, что оныя ей прилишны; а пошому и рѣшается онъ продолжать изданіе *Отестственныхъ* запасокъ и на слѣдующій 1822 годъ.

Планъ Журнала оспается пошъ же, ш. е. одно *отестственное оригинальное* будеть въ немъ помѣщаемо и соспоишь изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) Журналы многихъ, досель неизвѣстныхъ, Рускихъ путешественниковъ по Россіи, Бухаріи, Кавказу, Киргизской степи и чужимъ краямъ; 2) Записки опличныхъ воиновъ — липераторовъ; 3) Наблюденія Издашеля о Москвѣ, Кіевѣ, Владимірѣ и другихъ классическихъ опечеспвенныхъ городахъ и мѣстахъ; 4) Жизнеописанія знаменипыхъ Россіянъ и dospойныхъ извѣспности гражданъ и художниковъ; 5) С. П. бурскія совреманныя лѣтописи; 6) Разборъ новыхъ любопытныхъ произведеній Словесности и Наукъ; 7) Описаніе Сибирскихъ рудниковъ и истпорическія разысканія; 8) Смѣсь: переписка, Рускіе анекдоты; свѣпскія новости и проч.

Многія почтенныя Особы, занимающіяся опечеспвенною Испорією и Словесностію, общали украшашъ сіе изданіе своими трудами; прочихъ же докорнѣше, къ шому пригла-

шаю, увѣряя въ истинной моей и всѣхъ со-
ощечесивенниковъ благодарности.

Каждая часть, коихъ сославишься въ годъ
4, будешь украшена видомъ какаго нибудь дос-
топримѣчательнаго города, или урочища, или
портретомъ знаменитаго Россіянина. Под-
писная цѣна за 12 книжекъ въ С. П. бургъ 25
руб. а съ пересылкою въ другіе города 30 руб.
ассигнаціями. Подписка принимается у Изда-
теля, живущаго въ Садовой улицѣ въ домѣ
купца Фролова, подъ No 9, прошивъ ворошь
Михайловскаго Замка, также въ книжныхъ
Магазинахъ *И. В. Слѣнина* и *В. А. Плавиль-
щикова*. За доставленіе въ домъ въ С. П. бургъ
и Москвѣ полагается по 3 руб. въ годъ. Ино-
городные благоволяще относись въ Газет-
ную Экспедицію С. П. бургскаго Почтамта,
которая берется доставлять сей Журналъ съ
особенною исправностію.

Павелъ Свиньинъ.

3.

Журналъ: *Благонравной* издаваться
будетъ и въ слѣдующемъ 1822 году.

Въ составъ онаго входяще:

I. Изящная Словесность. Стихотворенія.

какъ то: Оды, Посланія, Элегіи, Идилліи, Сказки, Басни, Пѣсни, Эпиграммы и стихотворные опрывки. *Проза*: Рѣчи, Повѣсти, Разговоры, небольшія Комедіи, живописныя Путешествія, опрывки изъ Романовъ, и проч.

II. Литература Науки и Художества
Теорія Словесности, Наукъ и Художествъ —
Разсужденія о разныхъ ученыхъ предметахъ—

III. Критика. Разборъ нѣкоторыхъ новыхъ книгъ и образцовыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ.

IV. Театръ. Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ новыхъ театральныхъ пьесъ и замѣчанія на игру Актеровъ.

V. Смѣсь. Біографіи знаменитыхъ мужей — Иностранные и отечественные анекдоты — Нравоучительныя мысли и разныя замѣчанія. — Извѣстія о новыхъ важнѣйшихъ открытіяхъ въ ученomъ свѣтѣ, также о новыхъ иностранныхъ и Рускихъ книгахъ, съ краткими на нѣкоторыя изъ оныхъ, замѣчаніями. — Разныя любопытныя новости — Благотворенія. — Загадки, Шаралы, Логогрифы, Омнимы, Анаграммы, и проч.

Въ трудахъ Издашеля общались участвовавшіе многіе извѣстные Литераторы. Онъ употребилъ всевозможныя съ своей стороны способы сдѣлать Журналъ свой столь возможно занимательнѣе и разнообразнѣе, Преиму-

щесвенѣ предъ прочимъ намѣрень онъ занялся *благонамѣренною* Кришикою, и будетъ несравненно спроче противъ прежняго въ выборъ пьесъ, особенно сипхопвореній, дославляемыхъ къ нему для помѣщенія въ его изданіи.

Хотя Издашеля, благодаря почтеннымъ своимъ соудникамъ, не имѣетъ недоспашка въ матеріалахъ для Журнала; но съ удовольствіемъ и благодарностію помѣщая въ ономъ доставляемые къ нему отъ поспоропныхъ особъ сочиненія и переводы, если только найдеть ихъ по содержанію и по слогу соопвѣспвующими плану его изданія. Впрочемъ онъ не принимаетъ на себя запрудпительной обязанности пересылать обращено къ Гг. Сочинителямъ и Переводчикамъ ихъ пьесъ, если, по какимъ бы то ни было причинамъ, нельзя будетъ ихъ напечатать.

Каждую недѣлю въ понедѣльникъ выходитъ будетъ одинъ номеръ (отъ двухъ съ половиною до шрехъ печатныхъ листовъ); двѣнадцать, или шринадцать номеровъ соспавать часпъ, а четыре часпи годовое изданіе. При нѣкоторыхъ книжкахъ приложены будутъ гравированныя или липогравированныя изображенія, какъ то: чершежи, виды и ш. п.

Подписка на Журналъ *Благонамѣренный*, принимается въ С. П. буреѣ: у Издашеля Кол.

Совѣтника *А. Е. Измайлова*, живущаго на Пескахъ прошивъ Бассейна въ каменномъ прехъэтажномъ домѣ Моденова подлѣ N 285; въ Газетной С. П. бургскаго Почтамша Экспедиціи, которая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ, и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ; а въ Москвѣ у редактора Университетской типографіи *А. С. Ширяева* Цѣна за годовое изданіе. ш. е. за 52 книжки, здѣсь въ С. П. бургѣ 30 р. за полугодное же, или 26 книжекъ 15 р.; за пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагается въ годъ по 7 р. а за полгода 3 р. 50 к. Иногородные благоволятъ относиться не къ книгопродавцамъ, но къ самому Издашелю, или въ Газетную С. П. бургскаго Почтамша Экспедицію.

А. Измайловъ.

4.

Нижеподписавшійся, желая, по мѣрѣ силъ своихъ, участвовать въ разпространеніи полезныхъ знаній, вознамѣрился издавать съ начала будущаго 1822 года періодическое сочиненіе подлѣ заглавіемъ:

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ,

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, СТАТИСТИКИ и ПУТЕ-
ШЕСТВІЙ.

Цѣль сего Журнала будетъ состоять, во первыхъ, въ разпространеніи полезныхъ свѣдѣній по части Исторіи древней и новой, иносранный и ошечесшвенной, Спанисшики и Полипической Экономіи, опносительнѣ къ Россіи и другимъ сраннымъ, а во вторыхъ, въ доставленіи ошечесшвенной нашей Публикѣ чшенія пріятнаго и насравительнаго, которое способствовало бы изгнанію романовъ и пусшыхъ сказокъ. занятіями болѣе достойными людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ.

Журналъ сей, какъ и заглавіе онаго показывается, будетъ состоять изъ трехъ главныхъ частей: Исторіи, Статистики и Путешествій, и раздѣлится еще на слѣдующія части:

1. Исторія. 1. *Древняя Исторія*. Переводы изъ классическихъ Писателей Древности. Біографія сихъ Писателей.

2. *Новая Исторія*. Переводы изъ новыхъ Историковъ. Изображеніе случаевъ современной намъ Исторіи. Біографія знаменитыхъ современниковъ.

3. *Отелественная Исторія*. Грамматы, извлеченія изъ Лыпописей, Хронографовъ и

другія достопамятности древней и новой Испоріи Россіянъ и прочихъ Славянскихъ народовъ, донинѣ ненапечатанныя. Переводы изъ иноспранныхъ Писателей о Россіи и сопредѣльныхъ съ нею спранъ. Критическія изысканія о темныхъ мѣстахъ Испоріи Россійской. Изображеніе малоизвѣстныхъ случаевъ изъ всѣхъ періодовъ Россійской Испоріи. Новѣйшіе испорическіе анекдоты.

4. *Археологія*. Описаніе и поучованіе древнихъ надписей, барельефовъ и другихъ памятниковъ Древности, находимыхъ въ Россіи и другихъ спранахъ.

5. *Музизилтика*. Описаніе древнихъ монетъ, медалей и прочихъ сего рода достопамятностей.

II. С п а ш и с т к а. 1. *Статистическія статви о Россіи* и смѣжныхъ съ нею Государствахъ, также о спранахъ опдаленныхъ, новооткрытыхъ и вообще мало извѣстныхъ, но любопытныхъ по своимъ произведеніямъ и физическимъ явленіямъ.

2. *Политическая Экономія*. Въ сей важной спатѣ сообщаемы будущъ теоретическія изысканія и практические опыты, клонящіеся къ усовершенствованію земледѣлія, фабрикъ, рукодѣлій, шорговли, домоводства и словомъ всего того, что способствуетъ умноженію народнаго богатства и промышленно-

спи. — Издашель измѣренъ руководствовашься лучшими по сей часши иностранными Писашелями, во всякомъ случаѣ избирая шолько предметы, сообразные съ географическимъ положеніемъ, климашомъ, законодашельшвомъ и внутренимъ устройствомъ Россіи.

III. Путешествія. 1. *Путешествія Россіанъ по тужилъ краилъ, еще ненапечатанная.*

2. *Путешествія Россіанъ и Иностранцевъ по Россіи, съ крипическими въ приличныхъ случаяхъ замѣчаніями.*

3. *Важнѣйшія путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ свѣта.* Въ сей статьѣ, предлагаемы будущъ шолько путешествія, достойныя особеннаго любопытства, по справамъ ли, въ которыхъ оныя совершались, или по цѣли, съ коею они былы предпринимаемы. Въ нихъ, по возможности, избѣгаемо будетъ повпореніе того, что уже извѣстно просвѣщенной публикѣ, особенно всего, что уже было напечатано въ другихъ Рускихъ Журналахъ. Извѣстія о новыхъ открытіяхъ полярныхъ экспедицій будущъ помѣщаются со всею подробностію.

IV. Смѣсь. Подробныя извѣстія о новыхъ историческихъ книгахъ, выходящихъ на Рускомъ и иностранныхъ языкахъ.

а. Извѣстія о новыхъ книгахъ по часши

Географіи, Статистики и Политической
Экономіи.

3. Рецензіи сочиненій, относящихся къ
вышеупомянутымъ предметамъ. Въ сихъ ре-
цензіяхъ будутъ соблюдаемы строжайшая
благопристойность и безпристрастіе.

Полишика опнюдь не входитъ въ со-
ставъ сего изданія. Никакія стихотворенія
не будутъ въ ономъ помѣщаемы, кромѣ опи-
сывающихъ историческія происшествія, такъ
же древнихъ пѣсней или гимновъ, по содер-
жанію своему достойныхъ особеннаго вни-
манія.

Издашеть считаешъ въ числѣ сотрудни-
ковъ своихъ многихъ отличныхъ нашихъ Ли-
тераторовъ, имѣешъ великое число не напе-
чатанныхъ еще матеріаловъ, пользуется всѣ-
ми иностранными пособіями по избраннымъ
имъ предметамъ, и проситъ всѣхъ благона-
мѣренныхъ любителей полезныхъ знаній спо-
собствовать ему въ семъ предпріятіи. Рав-
нымъ образомъ проситъ онъ собирать о
стечесивенныхъ древностей о сообщеніи ему
на время любопытныхъ записокъ, рѣдкихъ
рукописей, книгъ и т. п., копорыя, по вы-
писаніи изъ нихъ того, что можно помѣ-
стить въ Сѣверномъ Архивѣ, будутъ возвра-
щаемы съ благодарностію, въ цѣлости и безъ
поврежденія. Сшати для Сѣвернаго Архива

Часть XVI. Кн. III.

могутъ быть присылаемы не только на Россійскомъ, но и на Лапинскомъ и на всѣхъ прочихъ Европейскихъ языкахъ: Издатель принимаетъ на себя съ удовольствіемъ переводъ оныхъ, если доставленный подлинникъ окажется соотвѣтствующимъ цѣли его Журнала. Сверхъ того Издатель предлагаетъ особамъ, сообщающимъ статьи въ Журналъ его, безденежно оппечатаывашь, въ разпоряженіе ихъ, до двухъ сотъ экземпляровъ сихъ статей въ особенности.

Всѣ пакеты и письма можно надписывать: *Издателю Сѣвернаго Архива Ѡ. В. Булгарину, въ типографіи Н. И. Греча.*

Журналъ сей будетъ выходить по два раза въ мѣсяцъ, книжками въ 4, 5 и до 6 листовъ. Четыре книжки составятъ часъ, а шесть часшей годовое изданіе. Къ каждой часши присовокупленъ будетъ порпреть, видъ, или карта.

Цѣна годовому изданію въ С. Пешербургѣ и Москвѣ 40. съ пересылкою во всѣ города и съ доставленіемъ въ С. Пешербургѣ на дома, 45 рублей.

Подписка принимается въ С. Пешербургѣ, въ типографіи Н. И. Греча въ большой Морской въ домѣ Г. Косиковскаго подь No 84, въ книжномъ магазинѣ И. В. Слѣнина и во всѣхъ прочихъ Россійскихъ книжныхъ лав-

кахъ: въ Москвѣ въ Университетской книжной лавкѣ у А. С. Ширяева. Иногородныя особы могутъ выписывать оный Журналь изъ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, чрезъ всѣ Почтамты, Губернскія и Городовыя Конторы и Экспедиціи.

Ө. В. Булгаринъ,

Дѣйствительный Членъ Высочайше утвержденныхъ Обществъ: Любителей Россійской Словесности, и Любителей Словесности, Наукъ и Художества.

Г. Булгаринъ, печатающій свой общепользительный Журналь въ моей типографіи, сдѣлалъ мнѣ пріятное и лестное предложеніе, принявъ на себя стараніе, чтобы изданіе сіе печаталось съ исправностію, и выходило въ свѣтъ въ надлежащее время. Принимая на себя съ удовольствіемъ сію обязанность, долгомъ поставляю увѣдомить о томъ опеченную публику, особенно же почтенныхъ членовъ Сына Отечества, коимъ извѣстна точность, съ каковою въ печеніе о лѣтъ выходитъ мой Журналь: — Северный Архивъ будетъ издаваемъ съ такою же исправностію, и я беру на себя всю отвѣтственность въ семъ отношеніи.

*Издатель Сына Отечества,
Николай Грегъ*

Журналь Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, издаваемый Комитетомъ ее по ценой части, будешь продолжаемъ и въ шеченіе 1822 года.

Въ сославъ онаго входящъ слѣдующія спашъ:

1. Разпоряженія и Опщепы Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

2. Извѣстія о благошворительныхъ заведеніяхъ опщественныхъ и иноземныхъ, съ показаніемъ успѣховъ оныхъ.

3. Извѣстія о сочиненіяхъ, содержащихъ какой либо предметъ, къ дѣйствіямъ Человѣколюбиваго Общества опщесія: описаніе способовъ и орудій, полезныхъ для спасенія людей, для упопреленія въ Домахъ Трудолюбія и для занятія бѣдныхъ, почишающихся неспособными къ работѣ.

4. Жизнеописанія благошворителей челошества, оставившихъ по себѣ память какимъ либо полезнымъ заведеніемъ или опщрышіемъ.

5. Нравшвенныя насшавленія и разсужденія.

6. Извѣстія о пожертвованіяхъ въ пользу челошколюбивыхъ заведеній; имена благошворителей и особъ, подписавшихся на получение сего изданія.

Комитетъ, продолжая выписывать и на слѣдующій годъ иностранныя періодическія сочиненія, постарается, извлеченіями изъ оныхъ, сдѣлать Журналь сей, сколь возможно занимательнымъ.

Также Комитетъ проситъ, какъ Гг. Членовъ своихъ и Корреспондентовъ, такъ и всѣхъ просвѣщенныхъ друзей человѣчества, участвовать въ его трудахъ доставленіемъ своихъ сочиненій и переводовъ. Всѣ таковыя статьи будутъ приняты съ благодарностію и, по мѣрѣ соотвѣстствія предположенной дѣлѣ, помѣщаются въ семь изданій.

Каждый мѣсяць выходитъ одна книжка; при таковыхъ книжки соспавляютъ часъ.

Цѣна сему Журналу за годовое изданіе здѣсь, въ С. Петербургѣ, 25 руб., а съ доставленіемъ онаго во всѣ мѣста Россіи, 30 руб., а за полугодовое 15 рублей. Но какъ доходъ отъ Журнала назначается въ пользу бѣдныхъ, то благошворительнымъ особамъ предсоставляется вносить и болѣе означенной суммы.

Подписка здѣсь, въ С. Петербургѣ, принимается въ помѣнуемомъ Комитетѣ, состоящемъ въ Малой Морской, въ домѣ Аспегрена No 102, у книгопродавцевъ: Сень-Флорана и въ Москвѣ. Прочія же иногородныя особы благоволяшъ отнѣсись въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

*О новомъ изданіи Стихотвореній Графа
Д. И. Хвостова,*

Полное собраніе сочиненій сего извѣстнаго автора издано было въ чепырехъ шомехъ 1817 года. Нынѣ, изключивъ нѣкопорыя піэсы изъ прежняго изданія, другія выправивъ наконецъ присовокупивъ много новыхъ, онъ приступаетъ къ другому изданію своихъ Стихотвореній.

Новыя его піэсы суть слѣдующія: Преложенія — 2 главы Премудросипи Соломоновой, изъ 8 главъ еяже Притей, 1 главы изъ Пророка Исаія, нѣкоторыхъ Псалмовъ; Спихи И. И. Дмипріеву, на заложеніе Храма во имя Спасителя, и другія во всѣхъ шомехъ.

Новое изданіе въ 8 долю листа по прежнему раздѣлено будетъ на 4 шомы. Оно украсится поршрешомъ Автора и сверхъ шого при каждомъ шомѣ будетъ приложена искусно выгравированная карпинна. Первый шомъ уже печашается въ типографіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи и скоро выйдеть изъ печати. Имяна подписавшихся особъ будутъ припечатываемы при каждой часпи.

Подписная цѣна экземплярю на бѣлой бумагѣ 35 руб. Вилешы получающся въ книж-

номъ магазинъ И. В. Слѣнина, которому Авторъ поручилъ продажу новаго своего изданія. Иногородные могутъ выписывать сіе изданіе также отъ Г. Слѣнина, не прилагая ничего за пересылку.

7.

Въ книжныхъ магазинахъ Коммисіонера Общества И. В. Слѣнина и В. А. Плавильщикова продаются слѣдующія книги, музыкальныя сочиненія, пориценны и каршы, принадлежащія Обществу:

К Н И Т И:

1.) Слово о полку Игоря Свяшославича, Удѣльнаго Князи Новгородъ-Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ, съ присовокупленіемъ примѣчаній.

2.) Картина чудныхъ происшествій въ мірѣ; или описаніе удивительныхъ и чрезвычайныхъ явленій, усматриваемыхъ въ природѣ, жизни человѣческой и живонныхъ, *сбдучѣ тастахѣ*.

3.) Труды Студентовъ — любяшей отечественной Словесности въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ.

- 4.) Рѣчь объ успѣхахъ Просвѣщенія, въ округѣ Войска Черноморскаго, говоренная при открытіи Черноморской Гимназіи въ г. Екатеринодарѣ Кириломъ Россинскимъ.
- 5.) Ода Богъ, Державина, переведенная на Латинскій языкъ Г. Черскимъ.
- 6.) О важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейна записокъ о Россіи, съ критическимъ обзорніемъ ихъ содержанія, съ двумя изображеніями и каршою Россіи — Герберштейна.
- 7.) Историческое изслѣдованіе о Югорской землѣ, въ Россійско-ИМПЕРАТОРСКОМЪ шкшшуль упоминаемой.
- 8.) Франциска Гущесона Сокращеніе логики.
- 9.) Разсужденіе о прекрасномъ.
- 10.) Опыты въ стихахъ Александра Славовскаго.
- 11.) Ермакъ, завоеватель Сибири.
- 12.) Виргиліева Энеида, на Малороссійской языкъ переложенная И. Кошляревскимъ.
- 13.) Обожашели огня. Восточная Повѣсть (изъ Томаса Мура.), переводъ Н. Веспужева.
- 14.) Записки о Голландіи 1815 года. Соч. Н. Веспужева.
- 15.) Донъ Карлосъ. Историческое произшесвіе XVI столѣтія. Соч. Я. Лыкошина.

П О Р Т Р Е Т Ы.

- 1.) Герберштейна.

- 2) Лерберга.
- 3) Гумбольдша.
- 4) Петрова (Лирика).
- 5) И. И. Шувалова.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ДЛЯ ФОРТО-ПІАНО.

- 1.) Романсы: Когда веселій на крылахъ.
- 2.) ——— Надежда, ты моей Богиней.
- 3.) ——— Тщетно плачешь, другъ любезной.
- 4.) ——— Ты пѣсанки желала, Хлоя.
- 5.) ——— Ты велишь мнѣ равнодушнымъ.
- 6.) ——— Я не скажу тебѣ: люблю.
- 7.) ——— Дубрава шумишь.
- 8.) ——— Свѣтлый мѣсяць.

К А Р Т Ы:

- 1.) Россія, сочиненная Гербершпейномъ.
- 2.) Оспрововъ Юссари, съ показаніемъ уклоненій магнитной стрѣлки.

ИМЯНА МЪСТЪ И ОСОВЪ, БЛАГОВОЛИВ-
ЩИХЪ ПОДПИСАТЬСЯ НА ПОЛУЧЕНІЕ СЕ-
ГО ЖУРНАЛА 1821 ГОДА.

(Окончаніе).

Въ С. Петербургѣ.

Коммиссія Сосщавленія Законовъ.

Его Превосходительство Егоръ Борисовичъ
Фуксъ.

Иванъ Петровичъ Глазуновъ.

Въ Остроговѣ.

Его Превосходительство Генераль-Маіоръ
Беклешевъ.

Его Высокоблагородіе Г. Предводитель Дво-
рянства. . . .

Въ Астрахани.

Г. Вице-Губернаторъ Пётръ Архиповичъ Зо-
шовъ.

Въ Черномъ Ярѣ.

Его Благородіе Иванъ Ивановичъ Юковъ.

*Въ Пензѣ:***Григорій Александровичъ Раевскій.***Въ Казани.***Его Превосходительство Пётръ Андреевичъ
Нидовъ.***Въ Чебоксарахъ.***Его Сіятельство Князь Кропоткинъ.****Его Благородіе Михайло Даниловичъ Бурцовъ.
Купецъ Павелъ Смирновъ.***Въ Екатеринодарѣ.***ГГ. Войсковые Полковники:****Иванъ Ѳедоровичъ Голубъ.****Григорій Кондратьевичъ Табанецъ.****Кириль Александровичъ Спороженко.****Иванъ Никифоровичъ Миленькой.****Иванъ Прокофьевичъ Педенко.****Кириль Емельяновичъ Барабашъ.****ГГ. Войсковые Старшины:****Иванъ Гавриловичъ Гавришъ.****Корниль Петровичъ Вурносъ.****Данило Пантелеймоновичъ Вербицкій.****ГГ. Полковые Есаулы:****Василій Григорьевичъ Чорной.****Андрей Ѳедоровичъ Камянченко.****Павель Андреевичъ Сшояновскій.****Спепанъ Захарьевичъ Кунпакъ.****Андрей Григорьевичъ Пискунъ.****Ѳедоръ Яковлевичъ Рубанъ.****Семенъ Алексѣевичъ Шульга.**

Федоръ Константиновичъ Вѣлой.

Михайло Самойловичъ Гардовскій.

Андрей Романовичъ Порохна.

Василій Пепровичъ Лавровскій.

Артемій Ивановичъ Косолапъ.

Данило Николаевичъ Забора.

Степанъ Николаевичъ Зальзякъ.

Г. Заурядъ - Есаулъ Григорій Федоровичъ
Крижановскій.

Г. Хорунжій Аванасій Моисеевичъ Тараненко.

Г. Коллежскій Ассесоръ Данило Савичъ Вол-
коръзь.

Въ Ваземъ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Ивановичъ Ва-
рышниковъ.

Въ Южнѣ.

Его Высокоблагородіе Павелъ Григорьевичъ
Щепочкинъ.

Въ Маладзшѣ.

Г. Предводитель Дворянства Липшиновъ, на
первую половину года.

Въ Могилѣ.

Его Сіятельство Графъ Феликсъ Лукичъ Спру-
шинскій.

Въ Старой Русѣ.

Г. Капитанъ Бороздинъ.

Купецъ Александръ Сѣвериковъ.

Въ Новотеркаскѣ.

Г. Войсковой Наказный Апаманъ Донскаго
Войска Генераль-Маіоръ Иловайскій З,
на 2 экз.

Въ Томскѣ.

Его Превосходительство Демьянъ Василье-
вичъ Иличевскій.

Въ Херсонѣ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Карповичъ Шам-
шевъ, на вшорую половину сего года.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕСТИНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

І. П Р О З А

Стран.

1. Отпрыски изъ рукописи, подъ заглавіемъ: Воспоминанія объ Испаніи - - - - 3, 183 и 314.
2. О Сѣверной поэзіи (*Оконганіе*)- - - 26.
3. О Метамфизикѣ наукъ - - - - 66
4. Обожанели огня, восточная повѣсть (*Изъ Томаса Мура*)- - - 113 и 249.
5. О Бардахъ, Скаледахъ и Стихотворцахъ среднихъ вѣковъ - - - - 157.
6. Объ упражненія въ сочиненіи (*Изъ Квинтиліана*). - - - - 298.
7. Женишъба - - - - 306.

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стран.
1. Къ Делію. Ода (Съ Латинскаго).	78.
2. Соглядатай (Молодому другу).	80.
3. Волѣзмъ Филлиды (Идиллія).	82.
4. Посланіе къ Панаеву	84.
5. Надгробная надпись Пр. Тих. Чир ной	86.
6. Удѣлъ поэзіи	89.
7. Уединеніе	202
8. Элегія	204.
9. Греческія дѣвицы къ юношамъ (Изъ Антологіи).	206.
10. Село Чириково, на старой Калужской дорогѣ, гдѣ въ 1812 году было сраже- ніе съ непріацелемъ	207.
11. Посланіе	211.
12. Пусшыня къ М. Г. Ведрогъ	335.
13. Земная грусть (В... К... К...)	346.
14. Богемскія пѣсни	354 - 356

III. С М Ъ С Ъ.

1. О новомъ изданіи Васень и Сказокъ А. Е. Измайлова	88.
2. Все не впопадъ	93.
3. О нѣкоторыхъ открытіяхъ въ нау- кахъ, искусстввахъ и мануфактурахъ, 1820 году	102 и 224.
4. Записки Общества	106, 238, и 358.

562

5. О Словарѣ Древней и Новой Поэзи Н. Ѳ. Остолопова	- - - - -	248.
6. О Воздушномъ феноменѣ на островѣ Таманѣ	- - - - -	355.
7. О древней золотой медали, найденной близъ Чернигова	- - - - -	356.
8. Объявленія	- - - - -	365.
9. Имяна мѣстъ и особъ, благоволившихъ подписать на получение сего жур- нала 1821 года	- - - - -	388

